

Ж 5056

1926. 3-7

Религия—дурман для народа

№ 3

ЯНВАРЬ

1926

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1. Г. Эйльдерман — «Религия и политика».
2. С. Фарфоровский — «Из истории русской инквизиции».
3. В. Шиштанов — «Христианство, как апологет монархизма».
4. И. Шпицберг — «Интернационал пролетарских свободомыслящих».
5. Н. Румянцев — «Еще об Апокалипсисе или попытка ответа на одну критику».
6. Библиография.

Научное Общество Атеист.
МОСКВА

Г. Эйльдерман.

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА ¹⁾.

Марксистское исследование сущности религии может быть посвящено, естественно, лишь действительному, посюстороннему существу религии, отвергая ее потусторонний смысл. **Действительным, однако, существом религии является ее политическое существо.** Им мы ниже и займемся.

Роль, которую играет в классовой борьбе религия, тождественна с той ролью, которую в классовой борьбе играет духовенство, являющееся носителем религиозного культа и религиозной идеологии.

Как известно, попы имеются во всех политических партиях, но только не в коммунистической. Уже одно это достаточно ярко показывает, интересам какого класса служат попы. Какой бы фразеологией попы ни орудовали, националистической, демократически-пацифистской или общей религиозной, попы остаются попами, то-есть прислужниками капитала и притом прислужниками в наиболее действенном политическом смысле, ибо прикидываются они чуждыми политике. Оба больших идеологических течения современности, национализм и демократизм, представляющих собой два лика современного крупнобуржуазного Януса, имеют с религией то общее, что они игнорируют классовые и партийные противоречия, или пытаются устранить факт классового или партийного разделения современного общества, отвлекая внимание масс от этого факта. Попробуем ближе рассмотреть это замечательное явление. Существо религии выступит перед нами более отчетливо из сопоставления и сравнения ее с националистической и демократической идеологией.

Рассмотрим сначала националистическую идеологию. Идеология эта живет полной жизнью в такие эпохи, когда буржуазии, подлинное существо которой находит свое выражение в интернациональности капитала, приходится вести внешне-политическую борьбу, когда она пытается привлечь на служение своим интересам мелкобуржуазные слои населе-

¹⁾ Автор настоящей статьи имеет в виду, поскольку он касается современности, политическую действительность Германии. Это, однако, нисколько не колеблет общезначимости основных элементов его критики религии.

ния, а также мелкобуржуазно настроенные элементы пролетариата. Мобилизуя массы против реального или воображаемого врага по ту сторону границы, националистическая идеология облекается в маску надпартийности, аполитичности: для того, чтобы скрыть истинную свою подоплеку, действительные пружины, лежащие в ее основе, а именно классовые и эксплуататорские интересы буржуазии. Отвлечение масс от внутренних противоречий, а тем самым и от классовой борьбы—вот в чем заключается реальный эффект (а к нему и стремится буржуазия) этой националистической идеологии, которая ныне, накануне захвата власти пролетариатом, неизменно является силой **реакционной**, т.е. направленной **против** рабочего движения.

Иначе обстояло дело, когда немецкое государство не представляло еще собой единого хозяйственного целого. Тогда идея «единого немецкого отечества» необходимо должна была иметь объективно прогрессивное значение, быть главной надстройкой того экономического базиса, который ныне, когда главными поборниками этой идеологии являются фашистские круги, уже отсутствует. Современные националисты пытаются продлить существование национальной идеологии, сколотить капитал на ее былой общезначимости. Они пытаются при помощи ее примирить классовые противоречия. И это им удастся до тех пор, пока их мелкобуржуазная аудитория ставит свое спасение в зависимость, главным образом, от устранения внешне-политических затруднений.

Совсем похожие цели преследует и демократический пацифизм с его лозунгами: «Свобода! Равенство! Братство!». В эпоху буржуазной революции лозунги эти стояли на знамени борющейся с привилегированными сословиями (с князьями, аристократией и духовенством) буржуазии. Когда последняя завоевала потребную для ее классовых целей свободу действий, когда она сумела встать в один ряд со старыми хищниками феодально-абсолютистского строя, когда она вместе с ними принялась по-братски выжимать соки из трудящихся масс, она все же не отбросила своих прежних боевых лозунгов. Если она прежде, во время своей борьбы с феодализмом, сумела посредством этих лозунгов привлечь на свою сторону пролетариат в качестве союзника и товарища, то ныне эти лозунги оказываются весьма полезным оружием в борьбе против пролетариата, ибо они применяются в качестве красивых, обманчивых обещаний, призванных отвлечь внимание рабочих масс от их кровных классовых интересов. Для затупевывания и замазывания классовых противоречий между буржуазией и рабочим классом, буржуазия продолжает кричать о пережитках феодально-абсолютистского порядка, которые для нее самой уже давно не страшны. Она делает это для того, чтобы практически свести на нет в отношении рабочей массы самые элементарные демократические свободы, где они еще имеются. Самое существенное социальное противоречие, которое приходится затупевывать буржуазии, заложено в отношениях собственности. Для того, чтобы отвлечь внимание пролетариата от привилегий владения, социал-демократия, как лакей буржуазии, все снова и снова старается подогреть, оживить те «великие» демократические лозунги, которые, поскольку речь идет о рабочем классе, являются лишь бескровными и бесплотными иллюзиями. Для единственной рабочей партии, коммунистической, не существует ведь ни свободы коалиций, ни свободы печати, никакой иной свободы.

Тот факт, что социал-демократы, как и фашисты, ведут более или менее открытую борьбу с коммунистическим рабочим движением, эти враги рабочего класса пытаются оправдать тем, что коммунисты, мол, являются единственными, которые сами себя ставят вне национального, т.е. демократического общества. Им необходимо изолировать

партию, руководящую рабочим классом и раздавить ее так, чтобы внешне это не казалось ударом, направленным против рабочего класса.

Национальная идеология так же, как и демократическая, претендует на социальную общезначимость, на всеклассовость. Однако, социальные группы, являющиеся преимущественными носительницами этой идеологии, находятся в зависимости от крупной буржуазии, истинное существо которой составляет не национализм, не демократизм, а, напротив, авторитаризм, неограниченность в политических и экономических устремлениях, интернационализм. Национализм и демократизм крупной буржуазии является лишь видимой оболочкой, которая осталась у буржуазии со времен ее борьбы с другими эксплуататорскими группами, которая теперь на деле служит лишь для того, чтобы ослаблять силу внутренних классовых противоречий и тем самым усиливать мощь класса буржуазии.

*
*

Наряду с националистической и демократической масками, буржуазия имеет еще в своем распоряжении и религиозную маску, которая является притом одной из самых существенных и необходимых. **Она придает ореол святости остальным идеологиям буржуазии.** Националистическая идеология, например, получает свое религиозное завершение в лице наследственного властелина «божьей милостью» там, где таковой еще имеется. Демократические лозунги весьма родственны христианству, ведь богосыновство является выражением свободы, равенства и братства верующих во Христа. В царстве божьем христиан тоже нет, ведь, разделения на знатных и ничтожных, на богатых и бедных. Часто, потусторонний мир христиан фигурирует как раз в качестве полной противоположности поскостороннему: первые в нем будут последними, а низшие будут высшими. Мы видим это не только у христиан. Заклинатели духов у эскимосов, напр., очень умно обещают охотникам на тюленей и моржей, значительный процент которых погибает в море, посмертную жизнь на дне моря, которое гораздо богаче добычей и всякими жизненными благами, чем то небесное царство духов, в которое должны попасть кончающие свои дни на суше старики и сами заклинатели! Кроме того, следует отметить, что учение о жизни после смерти, которое вырастает в учение о бессмертии, возникло у первобытных народов как раз в интересах негодного уже для материального производства класса стариков. В существенной части своей оно создано именно стариками!

Вопросом о происхождении религии мы займемся еще отдельно. Здесь достаточно только отметить политический смысл религии, наличие в ней тенденции к примирению классовых противоречий. Для религии, как известно, характерно разделение на добро и зло, на небо и ад, на ангелов и бесов, однако, разделение это отнюдь не тождественно классовому разделению общества. Церковь слишком охотно выражает свое милосердие к «труждающимся и обремененным», лишь для того, чтобы доставить им свое обычное платоническое утешение. Жречество всегда, особенно, ныне своим «попечением о бедных» лишь заражало люмпенпролетарскими настроениями трудовые массы. Ни одна душа не является недостойной церковного спасения. Лишь один грех, мол, не имеет прощения; это «грех против духа святого», т.-е. неверие в милость божию. Такие грешники, однако, по учению церкви являются исключением. И буржуазное классовое правосудие карает ведь в лице отдельного «преступника» целый класс, однако, оно ведь никогда не признает, что его приговоры служат исключительно для защиты власти буржуа-

зии, что пред буржуазным законом не все равны. Однако, оно само выдает себя с головой тем, что оно сознательно старается в своих жестоких приговорах показать устрашающий пример для других, что оно всегда приписывает данному «преступнику» исключительную злую волю. Так и бесы в качестве противоположности легионам ангелов, выступают обычно изолированно, будучи наделены зато необычайно злой волей. Эти бесы призваны лишь подтвердить правило, подтвердить неизбежность «всеобъемлющей святой христианской церкви», «сонма святых». Совершенно очевидно, что противопоставляя добрых злым, каковое противоречие не покрывается классовыми противоречиями общества, религия раскалывает класс трудящихся в интересах господствующих и стремится затушевать факт классового расчленения общества.

До сих пор мы касались только этической стороны, которая, конечно, неотъемлема от религии, но которая ни в коем случае не является характернейшей ее особенностью. Такая особенность религии заключается в противопоставлении ей естественного — сверхъестественному, чувственного — сверхчувственному. Царство детей божьих очень ярко отличается от материального плотского мира. В превосходстве потустороннего начала над посюсторонним, должен получить свое оправдание уход от действительности, оно же обеспечивает победу нематериальной сущности над материальной. Сверхчувственное является, таким образом, элементом первоначальным, господствующим, побеждающим, тогда как чувственное, напротив, является чем-то производным, второстепенным, бунтовским, отколовшимся. Если дух и тело мыслятся, как противоположности, то эта противоположность тела и духа имеет не личный, а социальный смысл, она предполагает подчинение всего телесного духовному. Принцип этот отвлекает внимание человека от классовых противоречий тем, что он линию расщепления общества на классы смело переносит на весь материальный мир в целом, со всеми его противоположностями и противоречиями.

Таким образом, подобно тому, как национальная идеология отвлекает внимание и недобровольство масс в сторону противника, находящегося за пределами государства, выпячивая внутри государства расовые различия для завуалирования классовых противоречий, подобно тому, как демократический папифизм усматривает источник всех зол не в привилегии владения, а в известных сословных привилегиях, которые, мол, навязаны «народу» кем-то, только не буржуазией, подобно этому и религия учит: «Возложите все заботы свои на него, на того, кого вы обязаны любить и бояться, кто всемогущ, премудр, всеблаг, всеведущ, вездесущ, бесконечен, вечен». Он таков, каким господствующий класс хочет выглядеть в глазах массы. Установлением некоей великой таинственной инстанции, которая в своей надмирности представляет полную противоположность всей природе, а потому является недостижимой для каких бы то ни было враждебных нападок, класс буржуазии, т.-е. класс, который в процессе материального производства не создает ничего, укрепляет свое господство над классом производителей, хвастая поддержкой этой видимой силы, при нужде отождествляя себя с нею и через нее управляя миром.

**

Жрецы являются лишь смиренными служителями господина или, вернее, господствующего класса. Они являются его представителями на земле и получают свои наставления непосредственно от него.

Своим высшим «сверхчувственным» познанием они отличаются от мирян. Власть господствующих, противостоящая безвластию верующей массы, как раз на том и покоится, что религия вечно твердит массе об ее абсолютном невежестве. Религия, которая не отомрет до тех пор, пока массам прегражден путь к известному образованию, вернее, к искусству владеть и управлять, восходит своими корнями к такой эпохе, когда господствующий и управляющий слой отличался сравнительно большим духовным превосходством, чем нынешний командующий класс, и с большим правом, чем он, мог претендовать на руководство общественной жизнью. Этим естественным духовным превосходством, которое необходимо превращается в сверхестественное, когда оно становится основой классового господства, обладает класс стариков у первобытных народов, класс, который в качестве носителя всяческого первобытного знания, призван господствовать и над природой и над людьми.

Религия, действительно, обнаруживает ряд весьма существенных черт, которые совершенно непререкаемо указывают на то, что религия уходит своими корнями в патриархальный, больше того, в первобытнокоммунистический строй. Конечно, религия непрестанно обновляет свои силы в процессе развития классового общества и классовой эксплуатации, однако, пора ее неограниченного владычества, ее расцвета в качестве идеологии господства, — находится далеко позади. Не случайно ведь и ныне еще суеверие более живуче в деревне, чем в городе. Религия сформировалась в маленьких, так сказать, общественных коллективах, где люди живут в тесной близости, сформировалась она в эпоху натурального хозяйства, когда эксплуататоры для ослепления своего классового противника, работяги Михеля, применяли совершенно иные средства, чем в современных индустриальных государствах, с их денежным хозяйством, с их капиталом, с их государственными установлениями, со всеми прочими средствами, которые служат ныне капиталистическому государству для легализации и затушевывания эксплуатации в большом масштабе.

К первобытным средствам одурачивания относятся, хотя бы, такие характерные для религии культовые приемы, как оглушение и отуманивание человеческих чувств посредством воплей, дыма, возбуждающих напитков. Еще с древнейших времен религия научилась использовать ночную тьму, всякие фокусы и уловки. Но главную роль в ней искони играла дружная совместная работа посвященных лиц.

У первобытных народов повсюду существуют тайные союзы (первоначально это были тайные союзы высшего возрастного класса), главным образом, союзы мужчин, которые подчиняют себе и обирают тех, кто стоит вне союза. Член первобытного общества никогда не знает, сколько душ таит в себе его добрый соседусшка. Возможно, что ночью этот соседусшка, столь невинный днем, превращается в хищного оборотня. Знахарь или колдун очень часто ходит в переряженном виде за грозного духа. Все это приемы, которые направлены к тому, чтобы путем сознательного, грубого одурачивания, — скрыть от человека подлинное существо вещей.

В этом и кроется как раз противоречие между религией и наукой, между религией и познанием природы. Религия не терпит объективной истины, она преподносит истину в искаженном, ущемленном, подтасованном виде. Истина, предлагаемая религией, обезображена субъективизмом того класса, от которого истина эта исходит, т.е. господствующего класса, ибо в классовом обществе господствующее положение занимает всегда идеология победоносного, господствующего класса. Религия поэтому сделалась первоосновой всякого субъективизма и реляти-

визма. Она представляет собой полную противоположность марксистской истине, материализму. Такая система лжи, обмана, подделки не может быть, естественно, создана отдельными личностями. Ее выработали, ее утвердили целые классы, а именно эксплуататорские классы. Следует, правда, иметь в виду, что все эти столь позорные приемы эксплуатации на известной стадии развития являют собой необходимую «изнанку» социального прогресса. Однако, ныне эта стадия развития уже давно позади.

**
*

Господство класса стариков является для первобытных народов культурной необходимостью. Старые мужчины и женщины в духовном отношении возглавляют это первобытное общество, которое без них не имело бы никакой организации разделения труда и добывания средств существования, никакой системы брачных отношений, никакой традиции, вообще, никакой возможности двигаться вперед. Первобытное общество было бы отброшено далеко назад, в царство животных, если бы оно вздумало истреблять стариков по достижении ими какого-нибудь определенного возраста. Оно этого не делает, поскольку оно нуждается во врачах, судьях, законодателях и воспитателях. Старики являются также творцами идеологии, призванной укрепить их господство, а именно религии, веры в духов. Им по временам приходится очень туго, поэтому они для обеспечения своего пускают в ход множество разных приемов, которые в известной мере напоминают наше уложение о наказаниях. Однако, если в наше время защита эксплуатации и эксплуататоров осуществляется законами, государством, капиталистическими приемами выколачивания прибыли, то в первобытном обществе эту задачу выполняют духи, которые появляются на сцену каждый раз, когда старикам необходимо спасти положение. Они пускаются в ход прежде всего, как невидимые соотрапезники. Если в мясных ямах эскимосов (остановимся на них при подборе иллюстраций) запасов стало меньше, то они приписывают поедание мяса далеко живущему духу, имеющему очень длинные руки, и считают для себя особой честью участие духа в потреблении накопленного ими мяса.

Духи отличаются своим всеведением и превосходят в этом отношении даже самых преклонных мужей. Поэтому колдуньи и обращаются к духам по поручению соплеменников за советами. Для этого, они укладываются спать на могилах и ведут беседы с покойниками. Покойники являются старшими, а, значит, и более опытными, более мудрыми в отношении живых людей. Если старики образуют собой в первобытном обществе высший социальный слой, то духи покойников представляются еще более высоко стоящими, чем старики. Но духи покойников в свою очередь, ниже рангом, чем древние божества — предки которых, естественно, считаются мудрее и могущественнее всех духов и людей.

Старики, однако, заставляют дорого оплачивать свой опыт, свои знания. Они так раздувают свою общественную полезность, силу своих знаний и своего искусства, что им приписывают господство над силами природы, над естественными средствами производства. Они, мол, в состоянии вызвать дождь или солнечную погоду, они в силах заколдовать дичь, они вообще могут даровать удачу на охоте. Если они и не работают сами, то они, мол, все же делают нечто еще более важное: они освящают и благословляют работу для того, чтобы она имела успех. Они, мол, и являются истинными производителями. Борьба с природой является, мол, не только чувственной и материальной деятельностью, но также и борьбой со сверхчувственными препятствиями, которая может иметь

удачный исход лишь при помощи определенных, особо к тому призванных лиц. Заклинатель духов у эскимосов вызывает приливы и отливы, он же заботится и о том, чтобы тюлени имели приплод. Но для этого он ведь должен быть могущественнее лунного мужа и матери моря или, по крайней мере, находиться с ними в хороших отношениях. Если весна задержалась, если тюлени, моржи и киты во время не появляются, эскимосский заклинатель обещает совершить полет в потусторонний мир для того, чтобы вызвать перемену погоды. Он заставляет связать себе руки и ноги и наглухо закрыть помещение, в котором он совершает свои чудеса. Помещение обыкновенно битком набито народом. Все погружается в темноту, и тут-то начинается кавардак. Волшебный барабан начинает двигаться «сам собой». Появляются «духи-помощники», т.е. лица, помогающие колдуну в этой комедии. Один из них садится рядом с колдуном и начинает сообщать напряженно слушающей толпе о полете колдуна в потусторонний мир, на дно моря. Он рассказывает им, где в тот или иной момент находится великий чудотворец, что он в любую данную минуту делает. Он описывает им, как колдун чешет волосы гигантской матери моря, как он чистит ее жилище, для того, чтобы заслужить его благоволение. Грехи людей в виде грязи и паразитов облепили богиню, но после манипуляций колдуна, вся нечисть попала, мол, в море и превратилась в столь желанных для слушателей морских животных. Без хорошей мзды колдуну заклинание это, разумеется, не может иметь желанного успеха.

Некоторые заклинатели духов достигают великого почитания со стороны народа и доставляют классу стариков влияние и пищу. Уход таких заклинателей из жизни был бы большим ущербом для группы старейших. Однако, эти заклинатели продолжают жить после смерти в качестве духов и помогать людям советом и делом. Об этом уже стараются классовые товарищи заклинателей, вдохновляемые своими кровными интересами.

Эксплоатация, таким образом, не прекращается со смертью отдельных эксплуататоров. Класс эксплуататоров продолжает существовать после смерти отдельного своего члена; общественный порядок стоит непоколебимо после исчезновения отдельной личности— вот в чем источник веры в духов, первобытной религии. Личность продолжает жить, ибо она продолжает предъявлять требования к обществу: это значит, что господствующий класс эксплуатирующих продолжает предъявлять эти требования к тем, на обязанности которых лежит приношение «жертв»..

Учение о жизни после смерти и даже о бессмертии еще и ныне весьма полезно буржуазии, ибо она хотела бы быть бессмертной. Если Стиннес и умер, то живо его завещание, жив тот социальный строй, который рождает Стиннесов.

В небольших общественных соединениях при системе натурального хозяйства, смерть отдельной личности оставляет в социальном организме, несомненно, больший пробел, чем это происходит в современном обществе: Смерть члена высшего полноправного возрастного класса неизбежно ставит весь класс перед вопросом: как обеспечить привилегии, после того, как привилегированный умирает? Как урегулировать после смерти личности те экономические отношения, в которых эта личность находилась с другими членами общественного коллектива при жизни? Как продлить после смерти старика те обязательства по обеспечению его, которые при жизни его лежали на определенных младших членах коллектива? Что станется с той долей, которую покойник получал при жизни из общего социального продукта?

Не будь при жизни покойника никаких фокусов, никакого эксплуататорского мошенничества, вопросы эти решались бы просто. Но, ведь, покойник при жизни исполнял, возможно, весьма ответственную задачу: он, например, мог быть специалистом по приливам и отливам, по размножению дичи. Он умер, а между тем приливы и отливы будут наступать и без него, тюлени будут размножаться и без его чудодейственной помощи! Обман ведь мог бы открыться. Но нет, этого не должно было быть. Покойнику необходимо было поэтому оставить его прежние функции. Душа должна была остаться живой, хотя тело и умерло. Тот паек, который полагался ушедшему из жизни, но не умершему, до его ухода из земной жизни, продолжал через посредство лиц, на которых лежало попечение о больных и покойниках, поступать в распоряжение вечно алчущих товарищей покойника по классу. Бессмертие личности, этот результат удлинения до крайней возможности срока попечения о покойнике, становится, таким образом, не только символом, но и предпосылкой «бессмертия» для класса старых сограждан, который в отношении прозорливости и силы может сравниться с великанами, и в отношении лукавства и хитрости, с карликами.

Учение о жизни человеческой личности после смерти было в свое время учением, разрушение которого тогда поколебало бы устойчивость общественного порядка гораздо более непосредственно и опутительно, чем ныне. В наше время религия могла бы исчезнуть без всякого ущерба для общества, — трудящемуся человечеству, по крайней мере, не пришлось бы по ней плакать.

**
*

Сила религии покоится на ее несравненной способности приспосабливаться к другим крупным идеологиям, она подкрепляет, подпирает эти идеологии своим умением сглаживать, преодолевать все противоречия реального мира. Для этого она применяет весьма простое средство, она становится спиной ко всякой действительности. Но как раз в то-то и обнаруживается обман религии, что ни один поп сам и не думает отворачиваться от радостей посясторонней жизни. Поп с удовольствием входит во все мирские дела, и если при этом маленький личный господь-бог попадает впросак, то попы имеют возможность отступить к великому, непознаваемому богу. Бытие божие, вера в него абсолютно не страдают от того, что бог находится, скажем, на стороне французов или на стороне немцев, или одновременно на стороне и тех и других, от того, что бог всех одинаково любит, или от того, что он с гневом отворачивается от всего грешного человечества. Бог не отстает исключительными одних богатых или бедных. Бог всегда прав, ибо ему нельзя ставить в вину какую бы то ни было неправду. Еще меньше можно упрекать служителя бога, ведь, он только служитель бога. Бога можно одновременно любить и бояться, можно быть настроенным националистически или демократически и все же верить в бога. Ведь в том, что господь-бог немецких католиков, при его беспартийности и надпартийности, питает особое расположение к партии центра, имеется как-будто противоречие, и тем не менее авторитет бога не терпит никакого ущерба от его участия в политике.

При всем том, однако, религия так тесно связана с национальной и демократической идеологией, а духовенство такими интимными узами переплело себя с классом эксплуататоров, что низвержение капитализма вышибает у религий ее последнюю опору. Она, конечно, попытается отступить в область «чистого» познания, вернее, агностицизма, и окопаться за «непознаваемость» непознанного, однако, повышение общего образовательного уровня масс, пробуждение в них воли к великому со-

циальному действию, к овладению общественными и естественными производительными силами, разрушит и эту баррикаду религии. **Необходимо только раз навсегда покончить с заблуждением, будто религия умрет сама собой.** Националистические и демократические болтуны отлично знают, какое орудие они имеют в религии. И если потерпят поражение на позициях националистического фашизма и демократического пацифизма, то они попытаются найти последнее убежище под кроткой и смиренной маской «аполитической религии», этой утонченнейшей формой буржуазной апологетики. Из этого убежища их может выгнать лишь **международное** осуществление диктатуры пролетариата.

Социалдемократия не выступает против религии. Раньше она выступала против духовенства и церкви. Но со времени последней империалистической войны и революции она отказалась от своей оппозиционности. Ее позицию очень хорошо выразил Конрад Генш, в 1919 году (при посещении аббатства Корвей), заявив, что когда-нибудь в будущем воспитание человечества перейдет к нравственным идеям социализма, но что теперь человечество еще не созрело для них, что до тех пор христианство необходимо сохранить. Генрих Кунов, другой руководящий теоретический авторитет меньшевиков, обрел местонахождение религии в «интимных глубинах» человеческой природы, откуда она впоследствии будет, по его воззрению, изгнана успехами естественных наук. Религия, говорят почти все социалдемократы, имеет свой источник в природе людей, религиозное чувство является самым красивым и возвышенным из того, что присуще человеческой природе. Наконец, социалдемократия ответственна также и за то, что веймарская конституция со всем почетом вернула в школу религиозное обучение, а значит, еще укрепила его.

Само собою разумеется, что и в религиозном вопросе, как и во всех прочих, социалдемократия остается верной своим демократически-пацифистским воззрениям. Она является якобы противницей всякой диктатуры, это значит, она несомненно против захвата власти рабочим классом. Человечество, мол, не созрело ведь еще для нравственных идей социализма, оно, мол, вообще не созрело для социализма, так что капитализм должен быть сохранен. Необходимо, мол, углубиться, ну, конечно, временно, в недра его природы, куда не доходит классовая борьба, и ждать, пока религия без всякого вмешательства политики умрет благородной демократической смертью, причем к этой смерти приведет не классовая борьба, а прогресс естественных наук. Естественные науки будут, мол, неотрывно изучать строение человеческого организма до тех пор, пока они со всей точностью не установят и со всей убедительностью не покажут, что в основе человеческого существования лежит не душа, не сверхъестественное начало, **а естественная жизнедеятельность.** Тогда, мол, религия будет разоблачена до конца. Тогда уже не будет больше бога, за которым пока до наступления социализма приходится, к сожалению, оставить управление миром. Не будет тогда больше и души, ее заменит религиозная в общем смысле слова, отвлеченно-демократическая человеческая природа. Эта возвышенная демократия, это, мол, и есть социализм. И наступит он без вмешательства людей, которые имеют тот скверный недостаток, что они не умеют ждать!

На основании всего вышесказанного можно составить себе приблизительную картину того, как социалдемократия ведет борьбу против церкви. В лучшем случае она беспомощно простирает руки и вопит: «бога нет!» А тем временем попы становятся все круглее и бодро загоняют своих овец в хлев великого живого бога. Это—факт, который вовсе не требует естественно-научных доказательств. Меньшевики остаются верными своей исторической роли. Даже явным врагам рабо-

чего класса они оказывают в лучшем случае лишь кажущееся противодействие, а между тем попы являются наиболее замаскированными застрельщиками борьбы с рабочим классом.

Социалдемократия отличает внешнюю природу человека от внутренней. Что такое природа человека? Это—несомненно продукт социальной борьбы. Но социалдемократия ведь никогда не признает, что религия является игрищем социальных столкновений. Именно поэтому она признает наличие в человеческой природе какого-то внутреннего святого святых, в котором должна жить религия, где ее нельзя трогать. Согласно этому воззрению, религия отнюдь не является тем, что человек унаследовал от своего прошлого, ибо в противном случае ее пришлось бы рассматривать, как продукт социальной борьбы, имевшей место в прошлом. Внутренней святыней социалдемократии является ее демократическая вернее, буржуазно-демократическая душа. Внешней же природой в данном случае является маска дружелюбия к рабочим, которую на себя для видимости натягивает социалдемократия.

В нашем понимании не существует никакой внутренней и внешней природы. Это меньшевистское построение является ничем иным, как все тем же противопоставлением сверхчувственной природы человека его чувственной природе и означает возвышение одних социальных слоев над другими. Этим самым, социалдемократия показывает, что она оправдывает существование господствующего класса. В том то заключается святое святых социалдемократии, что она не может стать на сторону угнетенного класса.

Классовое сознание и религиозное исключают друг друга. Религия есть чувство зависимости от чужой, выше организованной, принципиально-непознаваемой воли. Мы знаем, что такой силой хочет быть господствующий класс, мошеннические махинации которого частенько бьют, действительно трудно разоблачить. Просвещенный пролетарий знает, что буржуазия непримиримо враждебна ему, и научается не доверять ей, когда она говорит елейными словами о мире. Но что касается широких масс, то лишь тогда развеется перед их глазами, как туман сотканная в течение тысячелетий, религиозная завеса, когда они выступят на путь непосредственного свержения собственными силами господствующего класса, ибо одно голое созерцание вещей в природе и в обществе не в состоянии устранить указанное выше чувство зависимости, религиозное чувство. Большевики, разумеется, видят, как попы поповствующие своей систематической оглуляющей работой оказывают содействие политической реакции. Но они уверяют, что это изживет само собой. Эти предатели как раз и хотят затушевать политическую сущность поповской работы для того, чтобы из-под развалин церковной веры спасти, по крайней мере, абстрактно-демократическую форму «религиозности», то-есть осколки того же поповства.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СВЯТОЙ ИНКВИЗИЦИИ.

Как показывают архивные данные, Россия имела свою инквизицию и русская церковь не лучше хотя бы католической, обращалась к теми, кого она считала преступником. Подобно католической инквизиции, русская инквизиция интересовалась не только религиозными делами, но и политическими. Связь церкви с государством была резко выражена в преследовании «вредно мыслящих».

Плохо приходилось тому, кто в силу своих убеждений не хотел оставаться в господствующей православной религии или держаться политических симпатий господствовавших классов.

Как в «политику», так и в сектантство уходили преимущественно те, кого больше других угнетала светская и духовная власть — крестьяне и рабочие. В новой вере, как и в революции, — они думали найти выход из своего тяжелого положения, а это делало их опасными с точки зрения господствовавших классов, полагавших, что «всякое инакомыслие и всякая ересь содержат в себе зародыши революции».

Православная церковь издавна требовала для еретиков и инакомыслящих «градского наказания, сиречь казни». Правда, это наказание обставлялось не так церковно-эффектно, как аутодафе, но, тем не менее, оно совершалось в древней Руси не так редко. Вспомним знаменитые сожжения раскольников и сектантов. Цари московские, а потом императоры всероссийские, обрушивались на еретиков и инакомыслящих всей силой своего светского меча.

Указом 1685 г. при царевне Софье было предписано, по тюремном заточении «жечь в срубе за хулу на церковь и за возвращение в раскол после покаяния, казнить смертью за крещение православных и ссылать тайных раскольников-укрывателей». Политические течения в то время проявлялись в расколе и сектантстве. Последние, по выводам авторитетных исследователей раскола, — являлись **политическим** протестом, а не только религиозным. Особенно этот протест усилился при Петре I, когда действовала специальная «духовная инквизиция», посылавшая целые воинские команды на облавы сектантов, скрывавшихся в своих скитах по лесам и болотам; у пойманных вырывали ноздри. Затем их или жгли, или посылали в монастырские тюрьмы, или отправляли на каторгу. В 1681 году был сожжен протопоп Аввакум. В 1738 году был сожжен «флотакапитан лейтенант Возницын за отпадение от христианской веры и жид Борох, за превращение оного капитана в жидовский закон».

Впоследствии, мало-по-малу, огненная казнь исчезает, но начинают действовать еще худшие способы насаждения «правых мыслей» — начинают наполнять монастырские тюрьмы, где «жизнь была хуже смерти». Полиция усердно помогает духовенству и духовенство усердно помогает полиции. Особенное внимание обращается на секты, отрицавшие присягу и воинскую повинность, или на сектантов, не признававших частную собственность. Тюрьмы монастырей наполнялись такими лицами. Особенно в этом отношении выделялась тюрьма Соловецкого

монастыря, куда правительство предпочтительно ссылало религиозных и государственных «преступников», под общим названием «воров и бунтовщиков».

а) Тюремные монастыри.

Ссылка в Соловецкий монастырь практиковалась с половины XVI в., с царствования Иоанна Грозного. Тюрьмы монастыря были переполнены заключенными почти до XX века и не могли вместить узников.

Вероятно, поэтому со второй половины XVIII в., роль монастырской тюрьмы начинает играть Спасо-Евфимиев монастырь в г. Суздале, Владимирской губ. Это был один из очень старинных монастырей. Возник он одновременно с Троице-Сергиевой Лаврой. В былые времена он играл, как в большинстве монастырей, роль крепости, спасавшей от татарских набегов и польских нашествий (во время смуты). Характер крепости этот монастырь сохранил и после; он был хорошо укреплен, обнесен высокими и необыкновенно массивными стенами-башнями; обзавелся пушками, пищалями, бердышами, воинской броней. Местом ссылки он становится с 1766 года. Сохранился указ Екатерины II, где писалось: «сосланных из бывшей тайной канцелярии для исправления в уме в разные монастыри колодников, для лучшего за ними присмотра и сохранения их жизни, равно, чтобы от них какого, по безумию их, вреда кому учинено не было, свести из некоторых, стоящих в Московской губ., монастырей, в Спасо-Евфимиев монастырь, определяя для смотрения за ними воинскую команду от Суздальской провинциальной канцелярии».

Характерна при этом инструкция св. Синода на имя архимандрита Ефрема, где говорилось: «а как, де, в оном монастыре первенствующая власть мы, архимандрит, то оную команду поручаем в твое ведомство, при том тебе рекомендуем, чтобы вы со своей стороны употребляли к исправлению тех колодников всевозможные старания, ибо, де, через то вы можете себя оказать по званию своему к сохранению жизни человеческой полезным. О приеме же означенных колодников, так же, если и впредь таковые посылаемы будут в оный монастырь, и об отведении для их пребывания потребного числа покоев, так и о употреблении с них безумных должного исправления их в уме попечения к тебе, архимандриту, из св. Синода истребовать послушного указу».

В Архивах монастыря хранится и инструкция обращения с колодниками, посланными в монастырскую тюрьму. Эта инструкция была сообщена обер-прокурором Синода, князем Вяземским, кроме архимандрита, также и Суздальскому воеводе, который, с своей стороны, должен был следить за применением ее. Она сравнительно велика и поэтому мы приведем ее содержание. Здесь рекомендовалось «содержать оных безумных в отведенных от архимандрита порожних двух или трех покоях. Иметь за ними присмотр такой, чтобы они себе и другим не могли учинить какого вреда, чего ради такого орудия, чем можно вред учинить, отнюдь бы при них не было, так и писать им не давать». В инструкции предусмотрено и такое обстоятельство, что заключенные не будут послушны; «буде же который из них стал сумасбродничать, то в таком случае посадить такого одного в покой, не давая ему некоторое время пищи, а как усмирится, тогда можно свести попрежнему с другими. Кто же смирен и сумасбродство не делают, таких пускать для слушания божественного чтения в церковь, однако, под присмотром же караульных... смотреть за ними, чтобы они с посторонними не вступали в непристойные разговоры, также не ушли бы из монастыря... буде же, который из них

стал произносить что важно... то оно не слушать, а только что произносить будет, рапортовать воеводе». Вскоре после этого в Спасо-Евфимиевом монастыре стало устраиваться специальное «арестантское отделение» или тюрьма. Целый угол монастыря, где помещалась эта тюрьма, был отделен особой массивной стеной и получил название «крепости». Здесь, в заточении, в тяжелых условиях, содержатся лица, провинившиеся перед царизмом и церковью. Крепость была великолепно изолирована от мира, крепко запиралась, вход в единственные ворота оберегался часовыми. Без разрешения главного тюремщика, — о. архимандрита, никто не мог перешагнуть эту страшную тюрьму, где гнили и медленно умирали те, кого официальные бумаги третировали «сумасбродами», безумными, «поврежденными в уме» и т. д. Протестовать против сложившегося религиозного и политического порядка могли, по терминологии того времени, только «сумасброды и безумные».

Кроме Соловков и Суздальского монастыря, местами заключения XVI века были и другие монастыри, игравшие также роль государственных тюрем не только по религиозным делам, но и по политическим; часто эта ссылка по отношению к некоторым лицам сопровождалась пострижением против воли этого лица в монахи. Насильственное пострижение практиковалось лишь по отношению к лицам, подвергавшимся ссылке по мотивам династического характера. Этот византийский обычай использовался Иваном III, Василием IV, Борисом Годуновым и Романовыми. Постригали и заточали в монастырь тех, кто в миру мог служить помехой чьим-либо целям. В Византии императоры постригали опасных им родственников и придворных. Как говорится в жизнеописании княгини Сабуровой, постриженной таким образом: «силой постригаемые, вынужденные перед лицом бога отказаться от всех мирских притязаний, изгнанные из мира и лишённые светских прав, сходили навсегда и бесповоротно с дороги своих притеснителей».

Местами пострижения и ссылки, кроме указанных монастырей, были: Николаевский Карельский (Архангельской губ.), Сийский на Сев. Двине, Спасо-Прилуцкий (близ Вологды), Новгород-Северский, Кирилло-Белозерский, Валаам, Спасо-Преображенский (в Ст. Руссе), Юрьевский (близ Новгорода), Псковский, Свяяжский (б. Казанской губ.), Далматовский Успенский (б. Пермской губ.), Троицкий-Селенгинский (близ Байкала), Вознесенский (Иркутск), Успенский Нерчинский.

Кроме мужских монастырей были использованы и женские. Такими были: Покровский и Ризоположенский (в г. Суздали Владимирской губ.), Далматовский, Введенский (Пермской губ.), Калининский (Тверск. губ.), Енисейский Рождественский, Иркутский Знаменский и др. Условия заточения в них были те же, что в Соловках и Спасо-Евфимиевском монастыре. Здесь был обширные тюрьмы, куда заточались преступники часто не только без обозначения их вины, но и даже без обозначения имени; состояли они «на ответственности монастырских начальств»; часто сам настоятель монастыря и даже воевода не знали имен заточенных. Последних содержали в отдельных казематах («каютах») и в «заклепных железах», т. е. были закованы в цепи. Особенно был переполнен Троицко-Селенгинский монастырь, дававший по своим условиям громадный процент душевных заболеваний и смерти. То и дело настоятели монастыря уведомляли начальство Селенгинского острога, что «неизвестные преступники от долгого сиденья сошли с ума и в скорости потом умерли». Когда была уничтожена тайная канцелярия и велено было посланных ею лиц освободить, то оказалось, что «**колодники все померли**». Остался лишь бывшего Сибирского пехотного полка подпоручик Родион Ковалев, пробывший в безысходном заточении закованным двадцать пять лет и разучившийся говорить, похожий более на зверя, чем на че-

ловека. В Енисейском Рождественском монастыре условия заточения были не менее суровы; заточенные женщины не выпускались даже в церковь и многие погибали в тюрьме безвозвратно.

**
**

б) Состав заключенных и их «вины».

Крайне разнообразен был состав заключенных в монастырских тюрьмах. Первые заключенные в Суздальском монастыре в 1776 г. были следующие: драгун Н. Рагозин, отставной капитан Ив. Немчинов, прапорщик Коробков, фурьер Савва Петров, иеромонах Василий Зеленский, попович Андрей Егоров, копиист Василий Щеглов, слуга князя Урусова, Мих. Васильев, крестьянин Иван Васильев и шатерный ставочник Василий Смагин. Мы нарочно привели этот список, чтобы показать, как различны были по социальному положению ссылаемые в монастыри. И, действительно, изучая население других тюрем, мы увидим, что здесь были и офицеры, и дворяне, и чиновники, и солдаты, и крестьяне, и купцы, и мещане, и однодворцы, и канцеляристы, и раскольники, и сектанты. Сравнительно много было лиц духовного звания, начиная с архимандрита и кончая послушниками. Можно установить, что с 1766 г. до начала XX в. общее число заключенных у Спасо-Ефимия было больше 400 человек. Из их к группе духовных лиц принадлежало 109 человек: один ключарь кафедрального собора и член духовной консистории, архимандритов и игуменов—16 человек, монахов, иеромонахов и иеродиаконов—65 чел., диаконов—16 чел., остальные были низшими чинами духовной иерархии. По образованию здесь бывали и бакалавры Духовной Академии.

Вторую группу заключенных составляли: офицеры, дворяне и чиновники—52 чел. (из них: 1 генерал-майор, 2 барона, 1 граф и 2 князя), солдаты и нижние чины—16 чел., крестьяне—51 чел., мещане—10 чел., купцы—2 чел., однодворцы—2 чел., канцеляристы—6, раскольничьи наставники—15 (из них четыре раскольничьих архиерея). Кроме того были учителя, актер, кадет горного института, казак, полицейский надзиратель, шкипер и даже сапожник. Пестрый состав мучеников этих тюрем пополняют румынские монахи, болгарский архимандрит, греко-католический священник, француз Бардио и немец—Крюгер. Последние пробыли в тюрьме до смерти с 1773 по 1791 г. На XVIII в., по вычислению Пругавина, приходилось заключенных в Спасо-Евфимиевском монастыре—62 чел., на XIX в.—341 чел. Особенно много было сослано с 1875 г.—233 человека. Несомненно, что детальное ознакомление с архивами тюрьмы это число увеличит, не изменяя самого факта—той громадной роли, какую эта тюрьма, равно как и другие, играли в конце XIX в. Немного вышло из тюрем, а если и выходили, то ненормальными. В начале XX в. у Спасо-Евфимия содержалось двенадцать человек, некоторые сидели здесь более 25 лет.

В монастырские тюрьмы ссылались и явно душевно-больные. Так в 1829 г.: декабрист, князь Ф. П. Шаховской, заболевший душевным расстройством, был помещен в Суздальский монастырь.

В Ризоположенском и Покровском монастырях г. Суздаля постоянно томились женщины, сосланные за «несогласие с верой». Из них в XX в. сидела Настасья Шувина—основательница Раковского монастыря в Самарской губ, и мн. др.

Число лиц, «гнивших в тюрьмах монастырей», было велико потому что различные учреждения посылали сюда «колодников». В XVIII в. на селята тюрьмы «тайная розыскных дел канцелярия». Затем стали ссы-

лать «по резолюциям Св. Синода». В 1835 г. в монастыри можно былосылать лишь по высочайшему повелению. Вероятно, это распоряжение было вызвано ревизией Соловков, где от тяжелого режима «секретный арестант, доручик Гороженский сошел с ума и зарезал часового». Ревизия обнаружила, что из числа арестантов здесь содержалось 41 чел., сосланных по высочайшему повелению; другие были сосланы Св. Синодом, Комитетом Министров, Сенатом, Главным Штабом и, наконец Губернским Правлением. Понятно, характер самих учреждений, сославших «преступников», говорит лучше слов о социальном составе сосланных.

Особливо в категории монастырских узников должно поставить духовных лиц высшего ранга. Так, в 1554 г. в Соловки был сослан игумен Троицкого монастыря Артем, обвиненный в единомыслии с еретиком, рационалистом XVI в. Балкиным. «Пребывати ем»,—писалось в препроводительной грамоте,—внутри монастыря с великой крепостью и множайшим хранением, заключену же быти в некоей келье молчательной, да яко и там душевредный и богохульный недуг от него ни на единого же да не распространится, да не беседует ни с кем, ни с церковными, ни с простыми того монастыря или иного монахами». Строго предписывалось не дозволять ему писать письма и получать их, всякое сообщение с внешним миром должно быть прекращено «точию затворену и заключену в молчании должен сидети и каяться еретичества своего, в не же впаде».

В 1701 г. в Соловки был сослан епископ Игнатий, о котором писалось в грамоте: «Посадить его в Головленкову тюрьму и быть ему в той тюрьме до кончины живота его неисходно..., а чернил, бумаги ему, Игнатке, давать отнюдь не велено, и ни от кого ему писем не принимать и не отдавать, а также и от него ни к кому никаких писем не принимать; и буде какие письма явятся, то велено отсылать к Москве в Преображенский приказ».

В Соловки же послан был в 1722 г. князь Ефим Мещерский «за показанные от него противности благочестию... для содержания до кончины жизни». Там же был князь Василий Лукич Долгоруков. В XIX в. «сылный элемент стал пополняться политическими. Николай I широко использовал монастырские тюрьмы. В 1828 г. были сосланы в Соловки студенты Московского университета Николай Попов и Михаил Критский, как «изобличенные в соучастии в злоумышленном обществе» (по делу декабристов¹). В 1850 г. был сослан бывший студент Украинского университета Георгий Андрузский «за вредный образ мыслей и злонамеренные сочинения». Одно время эта ссылка угрожала А. С. Пушкину за его «Оду вольности» и за то, что он открыто показывал своим соседям портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского и только вследствие хлопот влиятельных друзей Соловецкая тюрьма была заменена ссылкой в Екатеринбург. К ссылке в Соловки был приговорен и Аф. Прок. Щапов, известный писатель за устройство им панихиды по Петрове, чем были вызваны известные крестьянские волнения в с. Бездна, Казанской губ. Сам Щапов, когда состоялось синодское решение о ссылке его, как принадлежащего к духовному ведомству, в Соловки, написал прошение, чтобы лучше его сослали в Сибирь.

Только по ходатайству влиятельных лиц удалось ему избежать Соловецкой тюрьмы, но служивший панихиду священник Яхонтов был отправлен в Соловецкую тюрьму, где и заболел психическим расстройством.

¹ В 1830 г. в Соловки сослали священника Владимирской г. Лавровского по подозрению на него в подбрасывании «возмутительных» листов, где порицалось крепостное право.

В Суздальский монастырь в 1820 г. был сослан основатель скопческой секты Кондратий Селиванов.

Граф Аракчеев являлся большим сторонником системы монастырских заточений; по его инициативе были сосланы знаменитые мистики А. П. Дубровицкий—в Кирилло-Белозерскую тюрьму и Л. М. Тагий—в Валаамов монастырь.

По стопам Аракчеева шел известный начальник корпуса жандармов генерал Дубельт. По его инициативе сосланы были члены религиозного «союза братства» во главе с Е. Ф. Татариновой (урожд. баронесса Буксгевден). Вместе со своей воспитанницей Васильевой—она была сослана в Кашинский женский монастырь (Тверской губ.), тайный советник Попов—за это же дело был сослан в Казанский Зилантов монастырь, статский советник Пилезкий—в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, титулярный советник Федоров—в Юрьевский монастырь, его жена—в Святодухов монастырь (Новгородской губ.).

Интересен состав лиц, сидевших в монастырских тюрьмах во второй половине XIX в. В 1854 г. в Суздальскую монастырскую тюрьму были заключены «пойманные в турецких владениях старообрядцы архиепископ Аркадий, епископ Алимпий и священник Ф. Семенов. В 1859 г. сюда же был заточен старообрядческий епископ Конон. В 1859 г. была сослана в Новгородский Свято-Духов женский монастырь жена известного члена Уральской особой секты «Десного Братства», Будрина, член секты подпоручик корпуса лесничих Лалетин, в том же году был сослан в Свяязский монастырь, где и умер после десятилетнего заточения; Ильин, другой член секты, сослан в Соловки, откуда, в виду особой милости, был переведен в Суздальскую монастырскую тюрьму, где сидел до 1879 г. и, в конце концов, сошел с ума. В 1860 г. в Соловки был заточен казак Максим Рудометкин, основатель секты прыгунов, потом он переведен в Суздальскую тюрьму «для прекращения ему возможности вести переписку с его единомышленниками». Здесь он и умер в 1877 г. «от апоплексического удара»,—как доносил настоятель. В 1863 г. в Суздальскую тюрьму был заточен старообрядческий епископ Геннадий, просидевший здесь до 1881 г. В 1865 г. был заточен сюда же священник П. Золотницкий за уход к раскольникам-беглопоповцам. В 1866 г. сюда заточили сектанта Андриана Пушкина и т. д. При Александре II был сослан в Соловки под строжайший надзор священник Пензенской губ. Федор Померанцев «за неправильное толкование манифеста 1861 г., следствием чего произошло крестьянское возмущение».

В конце 1879 г. в Соловецкой тюрьме мы застаем крестьянина Тверской губ. Якова Потапова за участие в политической демонстрации, бывшей в Петербурге на Казанской площади 6 декабря 1876 г. и крестьянина Ярославской губ. Матвея Григорьева, осужденного особым присутствием Сената 18—25 января 1877 г. за государственное преступление. Много ссылалось в монастырские тюрьмы «за произнесение дерзких, неприличных и оскорбительных слов на счет высочайших особ государственной власти». За это были заточены поручик Горожанский, крестьянин Скутин и др. Хорунжий Оренбургского казачьего войска подвергся заключению в Соловках «за нелепые толкования священного писания с дерзновенными выражениями против высочайших особ». Священник Васильев за то, что в пьяном виде произносил дерзкие слова о государе, попал сначала в Новосильский монастырь, а потом и в Соловки. Федор Подшивалов был заключен «за мнения его о религии и гражданском устройстве, обнаруживающие превратности идей его о сих предметах».

Крестьянин Ярославской губ. Никитин подвергся заточению «за непреодолимое упорство в своих вредных мнениях—о благословенном

кресте, духовной песни аллилуйа и других религиозных предметах и дерзкие политические рассуждения».

Монастырские тюрьмы были местом заточения «дерзких и буйных лиц». Так, полковник Ганнибал попал сюда за «дерзкие поступки», священник Семенов— «за произнесение неприличных слов», губернский секретарь Дыбовский «за богохульство и дерзости». В дополнение к списку ссылаемых мы должны упомянуть некоторый контингент лиц, сосланных за «плохое поведение и буйство» по просьбе родителей. Таким образом очутился в Соловках корнет Спечинский, чтобы пребывать там, «пока не утвердится в доброй нравственности и особенно в правилах религии». В последние годы существования тюрьмы чаще стали ссылать сумасшедших; так, один заводский мастеровой был сослан в Соловки «на вечное содержание за убийство в припадке сумасшествия»; военный поселянин Псковского округа был сослан «для наказания на всю жизнь за убийство в скрытном сумасшествии». Случайные, нечаянные убийцы ссылались также в монастырские тюрьмы, при чем даже детский возраст не освобождал от монастырского заключения. «Малолетний казачий сын Иван Понасенко» был заключен за убийство девочки, хотя убийце было 10 лет и он совершил это преступление по неосторожности.

Чиновник 8 класса Крестинский был сослан в Соловки за «сворачивание себя, жены и детей в раскольничью ересь». Большую категорию ссылаемых в монастырские тюрьмы составляли лица, отказавшиеся от военной службы, вроде рекрута из крестьян Московской губ., молоканина, Ивана Шурупова, который «отказался дать присягу, несмотря на всевозможные принуждения», говоря, что по евангелию надо служить лишь богу; гвардейца Николаева и Богданова, отказавшихся служить «по религиозным взглядам». В делах об ссылаемых можно встретить такие «вины». «Егор Иванов из бродяг ссылается за сокрытие своего звания и непризнавания никаких властей»; или «неизвестный бродяга ссылается за непризнание святых угодников, государя и начальства». Таких бродяг, не признающих власти и религии, было ссылаемо много.

Скопцы ссылались в тюрьмы очень часто; много их перебивало в страшных казематах. Крестьянин Антон Дмитриев был сослан за оскорбление себя и своего помещика графа Головкина — **навсегда**. Он пробыл в заточении 65 лет; штабс-капитан Созонович тоже был сослан за скопчество. Монахи и священники сидели за побег к раскольникам, за буйства, за проступки законопротивные, за «лживые и клеветнические» доносы на властей. В монастырских острогах содержались и за **безбожие**. Так, придворный певчий Ал. Орловский был сослан за то, что доказывал, что бога нет; вахтер Иван Бураков был заключен «за отступление от православия, **какого еще не бывало**, ничему он не верит, никаких увещаний не приемлет, святыню и самого Христа хулит, верит каким-то явлениям и поныне ожидает изменения в церкви и во всем мире». Рядовой Потанин угодил в тюрьму «за заблуждение в понятии св. Писания». Многие ссылались «за объявление нелепостей», «за нелепые предсказания», «за крещение двуперстно, за рассказы из нелепостей от религиозного изуверства». Крестьянин Вятской г. Семен Шубин «за богохульные слова на св. дары и церковь» просидел в монастырской тюрьме 63 года, учитель Воскресенский «за дерзкие и богохульные слова был заключен на всю жизнь».

Монастырским заключением каралось и оскорбление святыни, когда оно выражалось не только в словах, но и в действиях. В этих случаях «виновные» наказывались заточением в тюрьме даже тогда, когда все обстоятельства дела доказывали их невинность. Так, «незужающий дворянин Мандрыка», живши в своем имении в селе Чепухах Казанской губ., за оскорбление святыни был подвергнут одиноч-

ному заключению в Соловках, хотя был явно ненормален. Уже в начале XX в., когда, казалось бы, времена инквизиции миновали, в Соловецкой тюрьме сидели ссыльные монахи, расстриженные архимандриты, вроде арх. Михаила. По данным, собранным Пругавиным, арх. Михаил, влюбившись в деревенскую девушку, так возвеличил ее, что стал считать безгрешной и святой.

Очень печальна была судьба заточенца Суздальской монастырской тюрьмы В. О. Рахова, освобожденного в 1902 г. после восьмилетнего одиночного заключения. Сын богатых родителей, он бросает службу, отказывается от карьеры и в глухих деревушках ходит из избы в избы, обучая детей грамоте; по вечерам читая взрослым книги религиозного содержания, Рахов энергично вступает в борьбу с грубостью, пьянством, будит крестьянский ум. По доносу священника Пинежского уезда, Рахов высылается домой. Потом он пешком странствует по монастырям, едет на Афон и в Палестину. Вернувшись в Россию, он в Одессе просвещает рабочих, босняков и нищих. Чтобы обратить внимание публики на тяжелое положение бедняков, Рахов в театре во время антракта выступает с большой речью и призывает помочь голытьбе. За это его арестовывают и по этапу гонят в Архангельск, где судят, но, не найдя никакой вины, выпускают. По отзыву тюремщиков, Рахов имел какое-то особое влияние на бродяг, которые часто от его убежденной речи исправлялись. Выйдя из тюрьмы, Рахов отдается активному служению беднякам; «все для других, ничего—для себя»,—вот девиз его; он не ограничился посещением ночлежек и трущоб; на свои последние деньги он нанял квартиру, где кормил до ста и более нуждающихся. Во время трапез читалось евангелие и жития святых. Когда эти столовые были закрыты полицией, Рахов стал ходить из дома в дом для утешения и помощи. Бедным он развозил топливо, питание, одежду. Особенно он помог архангельцам во время страшной голодовки 1892 г. В районе бедняков он устроил мастерские, где бедняки могли получать работу, затем он устроил приют на 40 детей-сирот, ночлежный дом для бесприютных. Часто, в зимнюю вьюгу, он снимал с себя пальто и отдавал озябшему бедняку. Бедняки его обожали, другие считали его помешанным. По доносу духовенства были произведены обыски в домах Рахова, но ничего не было найдено. Тем не менее он был предан суду, который его оправдал. Епархиальное начальство возбудило ходатайство о ссылке Рахова в Суздальский монастырь, куда он и был заточен в 1894 г., при чем ему не было разрешено проститься с родными. Рахов был освобожден лишь в 1902 г., уже психически больным.

Не менее интересна «вина» другого узника XX в. Ермолая Федосеева, который был сослан в Суздаль за то, что «жил в пещере и привлекал народ праведностью», как видно из статьи в «Самарских Епархиальных Ведомостях» № 16 за 1901 г. Эти примеры показывают, как легко было в начале XX в. попасть в руки «черного судилища» за самые невинные вещи. Из священников в начале XX в. попадали в тюрьмы **по подозрению** в штундизме (свящ. Шандровский в 1901 г.), за требование созыва церковного собора и осуждение подчинения церкви царскому обер-прокурору (свящ. Цветков в 1901 г.); и т. д.

**

*

в) Режим монастырских тюрем.

В 14 т. Свода Законов царизма при перечислении мест заключения—от арестных домов до крепостей—о монастырских тюрьмах не упоминается. В пятой статье «устава о содержащихся под стражей»

сказано: «порядок содержания в монастырях лиц, заключенных туда; определяется постановлениями церковными», которые церковное начальство охраняло в непроницаемой тайне. Попытаемся тем не менее восстановить режим монастырских тюрем по документальным данным. Многие унесены страдальцами в могилу; недаром монастырские сады, примыкавшие к тюрьме, обращались в арестантские кладбища, усеянные могилами бывших «колодников». Отсюда «не выходят» — вот надпись для монастырских тюрем. И только немногие «счастливицы» ушли. Так как из тюрем **только «выносили»**, то существовал обычай хоронить тайно, без плиты, без всякой отметки или надписи, при чем могила обыкновенно засыпалась землей и закладывалась дерном так, чтобы не было никаких признаков погребения. «Заживо погребенные» в монастырских тюрьмах давали большой процент психических заболеваний. И стены тюрьмы оглашались криками и воплями их; из числа просидевших в тюрьме более 10 лет заболевали три четверти, а в тюрьмах высиживали более 60 лет.

В грамотах и инструкциях, сопровождавших «заточенных», часто называется и режим, которому он должен был подвергнут. «Посадить его в земляную тюрьму и быть ему в одной до кончины живота неисходно...» — так писали про узников, заключаемых в монастырь. В наше время трудно даже представить весь ужас колодников, подвергаемых тюремному режиму **в земляной тюрьме**. Ни один из них не оставил нам описания своего страдания и своих мученичеств; в инструкциях предусмотрительно сообщалось **«а бумаги и чернил и карандаша им, колодникам, отнюдь не давать, чтобы никаких писем они, колодники, ни под каким видом не писали»**. Измученные разнообразными пытками, дыбами, избитые кнутом нещадно, с вырванными ноздрями и с отрезанными языками, они отвозились подчас с мест пыток прямо в монастыри и запирались в темные холодные погреба, называемые тюрьмами. Тут они были обречены вечному одиночеству, на вечное молчание, нужду и горе.

Земляные (точнее подземные) **тюрьмы** были устроены так (если взять за образец Соловки): были вырыты в земле ямы в три аршина глубины под башнями. Края были обложены кирпичем, крыша состояла из досок, на которые была насыпана земля. Здесь было небольшое отверстие, закрываемое дверью, запиравшейся на замок. Сюда опускали узника: через это отверстие подавали ему пищу. Пол устилался соломой, на которой узник и спал. Были ли здесь печи — неизвестно. В темном сыром погребе и жил заключенный, часто скованный по рукам и ногам. В подобных тюрьмах в изобилии водились крысы, которые нередко нападали на незащитного узника. Были случаи, когда они обедали нос и уши у еще живых заключенных. Давать последним что-нибудь для защиты — строго запрещалось. Виновные в нарушении этого строго наказывались. Мы знаем случай, когда один караульщик был «бит плетьюми нещадно» за то, что дал палку для обороны от крыс «вору и бунтовщику Ивашке Салтыкову».

В виде большой милости некоторым заключенным позволялось посещать церковь. В одном наказе XVII в. предписывается заключенного в земляную тюрьму Мишку Амиреева во время церковных песнопений вынимать оттуда, а по окончании службы снова сажать. Заключение в земляные тюрьмы можно проследить до XIX в., а может быть оно практиковалось и позже.

В секретных делах Преображенского приказа, канцелярии тайных розыскных дел и др. тому подобных учреждений — содержатся характерные данные о режиме, которому подвергались заключенные. Мы встречаем, напр., такие записи: «за вину его, колодника, вместо смерти

учинить казнь, бить кнутом нещадно, вырезать язык и сослать в ссылку в Соловецкий монастырь в заключение, вечно» и т. д.

В указах на имя архимандрита писалось: «а когда оный колодник в Соловецкий монастырь привезен будет и ты бы, богомолец наш, архимандрит (такой-то) с братией, колодника в Соловецкий монастырь приняли и посадили бы в Коротенскую тюрьму—вечно и держали бы его безвыходно, чтобы оный колодник из оной тюрьмы не ушел, а бумаги ему не давать и ежели он, колодник, сидя в тюрьме, станет кричать и сказывать за собой наше государево слово и дело и таких приносимых от него слов не слушать».

В другом наказе говорится: «и состоять ему, колоднику, в крепкой тюрьме, под смотрением того монастыря архимандрита, а караульным унтер-офицеру и солдатам иметь крепкое и неусыпное за ним, колодником, смотрение и осторожность, чтобы при нем пера и чернил и бумаги отнюдь не было и чтобы он ни с кем и ни о чем ни в какие разговоры не вступал и ничего бы непристойного не разглашал и не говорил, чего ради к нему не токмо из посторонних никого, но и из монастырской братии и служителей ни в келью, ниже во время слушания литургии и прочего церковного пения ни для чего не допускать и разговаривать запрещать («Арханг. Губ. Вед.» 1875 г. № 24). В третьем наказе подчеркивается: «чтобы оный, колодник, ни с кем, никогда о вере никаких разговоров к большому вымышленной своей прелести и противных благочестию дерзостей размножению иметь не мог, но прибывал бы в покаянии, питаясь хлебом слезным».

Таким образом, главным тюремщиком, отвечающим за все, был сам архимандрит. Он должен следить и за продовольствием узников, «пищу давать ему—хлеб да воду и подавать (их) в окно капралу». Строго воспрещалось узникам иметь при себе деньги и какие-либо вещи. Некоторых колодников не только запирали под замок, но еще запечатывали двери их тюремных келий особыми печатями, а для наблюдения за этим откомандировывались особые офицеры и солдаты.

«Когда он, колодник, посажен будет в тюрьму, тогда к нему приставить караул, а для наблюдения за этим дать бы особых офицеров и солдат и всегда бы с ружьями было по два человека на часах, один от гвардии, один от гарнизонных. Двери бы были за замком и за своею печатью, а у тюрьмы окошко было бы малое, где пищу подавать; да и самому тебе в тюрьму к нему не ходить, нежели других кого допускать и его, колодника, и в церковь не допускать; а когда он, колодник, заболит и будет близок к смерти, то по исповеди приобщить его в тюрьме, где он содержится и для того двери отпереть и распечатать, а по причастии оные двери запереть и запечатать тебе своею печатью и приказать хранить на крепко» (там же, 1875 г. № 25).

Ужасом веет от этих инструкций, сопровождающихся угрозами, что за малейшее неповиновение ей и слабость надзора, — виновные будут подвергнуты «осуждению и истязанию» по всей строгости военных артикулов... Когда заболел один из заключенных, князь Василий Лукич Долгоруков, то никто не решился допустить к нему ни доктора, ни священника, так как в инструкции было сказано «никого из посторонних к нему в келью не допускать». Пришлось обратиться в Архангельскую губернскую канцелярию, которая запросила Сенат.

В этих тюрьмах некоторые сидели скованными, цепи снимались лишь после смерти.

Еще в XIX в. узники не выпускались даже для естественных нужд.

Вот как описывает один из таких узников, свящ. Лавровский, условия своего заточения в 30 годах XIX в.: «Монастырская тюрьма,

была несносным игом; в каждом чулане, всегда запертом, трех аршин длины, в два аршина ширины находилось два арестанта. Между коек был проход лишь для одного узника, рамы не имели форточек, отчего воздух был стеснительный. В камере стояли и параша—для естественных нужд. Пища давалась убогая; арестанты восхищались от радости, когда им изредка приносили белый хлеб. В продолжении зимней ночи узникам не удавалось поужинать при огне... всех прискорбий тогдашнего жития объявить не можно» («Русск. Стар.» 1887 г. № 10). А эти годы, как мы видели выше, являлись годами особенно большого населения монастырей ссыльными.

Инструкции этого времени были очень строгие. Их было две: одна Министерства Внутренних Дел, другая—духовного ведомства. Иногда применялась особая инструкция, напр., об К. Селиванове, основателе скопческой ереси. В последней, составленной и переписанной собственноручно митрополитом С.-Петербургским и Новгородским Михаилом, кроме общих указаний о том, чтобы арестант ни с кем не имел никаких сношений, кроме тех лиц, которые архимандрит назначит для его увещания и спасительной беседы и чтобы не было доставляемо ему ни писем, ни посылок, ни подаваний и т. д., находилось строгое распоряжение, чтобы всемерно скрыто было место нахождения его в монастыре и чтобы вся переписка по делу сохранялась в строгой тайне.

Владимирский губернатор в дополнение к этому писал настоятелю Уздальского Спасо-Евфимиевского монастыря: «дабы к отклонению самомаleastших поползновений единомышленников сего арестанта в сообщении с ним, место, где он содержится, охраняемо было караулом внутренней стражи по крайней мере из четырех человек... Вместе с тем архимандрит ежемесячно должен был уведомлять—«в каком будет находиться положении здоровья арестант, об его образе мыслей и жизни, а также, не замечено ли будет со стороны единомышленников его каких-либо происков и покушений на счет открытия местопребывания его или сообщения с ним». Запрещено было употреблять собственное имя Селиванова, называя его в переписке «стариком, начальником скопцов». Архивное дело о Селиванове носило следующее заглавие: «секретное дело о старике, начальнике секты скопцов, по имени неизвестном, присланном при отношении графа Кочубея 17 июля 1820 г.».

Чтобы понять тяжесть монастырского заточения, надо упомянуть, что при ссылке в монастырь не упоминалось срока заточения. В указах о ссылке предписывалось содержать в тюрьме «впредь до раскаяния», «до исправления», или говорилось: «ссылается для смирения». Бессрочность ссылки ухудшала и без того тяжелое положение узников. В списке, составленном архимандритом Соловецкого монастыря Александром для обер-прокурора Синода А. И. Карасевского, мы видим лиц, сидевших в тюрьме 20, 30, 40 и даже 60 лет и более.

Бывший игумен Селенгинского монастыря—Израиль за «основание новой секты» сидел 21 г.; крестьянин С. Сергеев «за крещение себя старообрядчески двуперстно и за рассказы нелепостей»,—сидел 25 лет, крестьянин Е. Афанасьев «за неисполнение религиозной эпитимии»,—сидел 29 лет, Семен Кононов «за обращение к скопческой ереси»,—сидел 33 года, крестьянин А. Дмитриев за то же сидел 37 лет; крестьянин П. Шубин за старообрядчество—43 года сидел в тюрьме. В момент составления списка (1885 г.) ему было 88 лет. О нем пишет архимандрит: «срок заключения не назначен, от старости большею частью лежит в постели, двигаться едва может, малограмотен и книг не читает, одержим древней грыжей без врачевания ее, по неимению здесь ни медиков, ни лекарств. Понятия от невежества тупого, рассудком здоров: по уку-

ренению в ереси и за старостью должен оставаться в тепершнем своем положении».

О крестьянине А. Дмитриеве, просидевшем в тюрьме 37 лет, архимандрит пишет: «от роду 81 год; заключен навсегда, неграмотен и в церковь не ходит, понятий скрытных, рассудком здоров, безнадежен к раскаянию, ведет себя смиренно, по его ереси должен оставаться в заключении». Очень редко выходила из монастырских тюрем. Но когда свобода приходила, было поздно: изживши всю жизнь в тюрьме, не имел сил воспользоваться ею. Так случилось с Ан. Дмитриевым, просидевшим в тюрьме 65 лет. Ему было около 90 лет; когда его освободили—ему некуда было идти и он просил «остаться в тюрьме», что и было разрешено.

Семен Шубин просидел тоже 65 лет, оставаясь до смерти непоколебимым в своих заблуждениях и умер в 1875 г., имея от роду 89 лет. Последние годы он не мог ходить («Русск. Стар.» 1887 г., № 12).

Большинство арестантов, не приспособившись к ужасам тюрьмы, умирали быстро, выживая менее месяца (Бентьш-Каменский в 1828 г. прожил менее месяца, Ф. Жигарев—известный раскольник, прожил 25 дней, декабрист Ф. П. Шаховской, привезенный в тюрьму 3 февраля 1829 г., умер в мае 1829 г.

Сохранились отзвуки тех впечатлений, какие производила тюрьма. Штабс-капитан Щеголев, сосланный в Соловки в 1826 г. за какое то «духовное преступление», объявил при приходе в каземат, что «если его долго будут держать тут, он разобьет себе голову об стену».

Кто не умирал, тот сходил с ума. О рабочем Петре Потапове начальство пишет в 1835 г.: «находится в высшей степени сумашествия, о чем представлено в св. Синод»; об арестанте Ф. рабочем военном поселянине Псковского округа монастырское начальство пишет: «Находится ныне в сильном сумашествии и даже помет свой употребляет в пищу».

Страшно тяжелое впечатление производят эти краткие сведения о душевно-больных, томившихся в казематах тюрьмы в течение долгих лет—без помощи.

Условия заточения мало изменялись. В 70-х годах XIX в. епископ Владимирской пустыни пишет архимандриту Спасо-Евфимиевского монастыря Амвросию о заключенных туда старообрядческих архиереях Аркадии и Алимпии: 1) по доставлении к вам через гражданское начальство означенных лиц,—заключить их при арестантском отделении в особые для каждого помещения... 2) иметь строжайший надзор, с прекращением им всякой возможности сношения между собою и с раскольниками и вообще с кем-либо из посторонних лиц, и с принятием со стороны вашей всех мер духовного вразумления к рассеянию их заблуждений и к склонению их к открытию всего им известного касательно заграничных лже-кафедр и сношений с нашими раскольниками, 3) о последствиях вашего вразумления и надзора—доносить мне по прошествии каждого месяца; 4) имен их и мнимых званий не объявлять, а писать в бумагах арестантские под №№ 1 и 2...».

В монастырское заключение арестанты присылались с «благонадежными жандармами» или под конвоем полицейских или по этапу.

Чтобы иметь представление о строгости, соблюдаемой во время пути, посмотрим инструкцию 1863 г. Пермского губернатора жандармскому штабс-капитану Латухину, сопровождавшему старообрядческого епископа Геннадия: «1) во время пути неотлучно находиться при арестанте в полном вооружении, не позволяя ему ни с кем разговаривать, 2) вы должны иметь осторожность, чтобы арестант не нанес себе вреда и не бросился бы на имеющееся у вас оружие, 3) квартир нигде не принимать, а требовать от местных начальников и останавливаться для

отдыха в тех местах, где есть воинские команды и просить караул... и, наконец, 6) предупреждаю вас, что неустройство во время пути, а тем более упуск арестанта подвергнут вас строжайшей ответственности». Режим монастырских тюрем в начале XX в. мало изменился. По доставлении арестанта обыскивали, отбирая все вещи, не давая ему даже евангелия, потом его запирали в одиночную камеру с такими толстыми стенами, что их не прогревало солнце даже летом. В камере одно окно с массивной решеткой, окно выходит к крепостной стене, окружающей тюрьму на расстоянии двух сажений от последней. Камеры всегда на замке; только раз открываются двери для принятия параши. Через «глазок» часовой наблюдает заключенного, «не давая ему молиться». Команда в тюрьме сменялась ежегодно, так как боялись «вредного влияния». В Половецкой тюрьме условия заточения ухудшались состоянием климата. Постоянные туманы, холодное неподвижное море, отрезывавшее обитателей в течение большей части года от всего мира до первого весеннего парохода—все это сильно влияло на заключенных.

Октябрьская революция смела до конца святую инквизицию на всей советской территории.

ХРИСТИАНСТВО—КАК АПОЛОГЕТ МОНАРХИЗМА.

(Беглый обзор источников).

„Кто верен богу, верен и царю“.
(Свящ. Иоанн Кронштадтский).
„Кто любит и почитает бога, тот не
может не любить и царей“.
(Макарий, еп. Архангельский).

Современные ряски от ничтожного сельского попа и псаломщика, ранее подобострастно служивших всякому представителю монархического строя, до «глубоко-образованных» богословов, с двойным и тройным высшим и специальным образованием, применяясь к новой обстановке, стремясь ныне отвести упрёки в своей защите монархии тем, что монархическим идеям и царской власти служили не лишь продажные (!) церковники, что рядовое духовенство просто было в тяжкой зависимости от царизма.

Сектанты, естественно, еще того более находят оснований для возражений, ссылаясь на свою, якобы, революционную деятельность в прошлом.

Обратимся, поэтому, непосредственно к христианской литературе, чтобы в ней найти точный ответ: церковники ли работали на царей (прикрытые теми или другими обстоятельствами), или же все христианство в целом есть определенное явление, порожденное существовавшим строем и приспособленное к его желаниям с самых первых шагов своей деятельности.

Яркое обоснование идеи царской, и при том неограниченной и во всём оправдываемой царской власти мы находим, прежде всего, в «библии».

1. Библейская апология.

«Кесарево кесарю, божие богу»—(Мф. XXII, 21, Мрк. XII, 17),—влагали господствовавшие классы в уста бога-Иисуса, иезуитские слова, тем дав возможность и полное право иезуитам носить свое имя. Вопрос ему был поставлен прямой: платить ли правоверным иудеям подать язычнику-кесарю—римскому императору и, значит, подчиняться ли его велениям. И если теперь этот ответ мифического основоположника христианства, в уста которого вложены коллективные воззрения этой религии, вкривь и вкось толкуется, как аполитичный ответ абсолютно чуждого земным стремлениям богочеловека, то в течение многих веков он понимался весьма определенно: на земле повинуйся царю, воздавая ему все, что он потребует.

Так в этом вопросе был прям, например, Иоанн златоуст: Иисус, говорит он, «заставляет их (фарисеев) самих сознаться, что должно платить дань кесарю; в чем и состояла его главная и торжественная победа над ними», и поясняет: «платить дань не значит давать, но отдавать должное, и в подтверждение этого он указывает на изображение и над-

пись»¹⁾. Да Иисус подтверждает это и собственным примером: он платит подать за себя и Петра (Мф., XVII, 24—27).

Когда Пилат, будто бы, указал Иисусу на свою власть миловать и наказывать, Иисус решительно отозвался: «ты не имел бы надо мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше» (Ио. XIX, 11).

Жалкие попытки найти в Иисусе кусочки бунтарства совершенно заглушаются этими его чертами. Да и мог ли иначе говорить Иисус, избранный, как правотверный иудей, исполняющий иудейские религиозные церемонии и категорически заявляющий, что он пришел «не нарушить закон или пророков, но исполнить» (Мф. V, 17, сл.). Иудейский же «закон и пророки» в отношении утверждения царской власти сделали не менее, чем все христианские рясники, вместе взятые.

«В руке господя власть над землею, и он воздвигает на ней в свое время полезного человека... На лицо начальника он изливает свою славу» (Сир. X, 4—5). «Над каждым народом поставил он (бог) царя» (Сир., XVII, 14): Бог «поясом обвязывает чресла их» (царей) (Иов, XII, 18). Он «поставляет царей» (Дан., II, 21). «Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет» (Дан., IV, 14). Им «цари царствуют и повелители узаконяют правду» (Притч., VIII, 15). «Слушайте же, цари и разумеете... вам дана от господя держава и сила от вышнего» (Прем. Сол., VI, 1—3). «Сердце царево в руке божией, как потоки воды: куда захочет, он направляет его» (Притч., XXI, 1).

Библийская легенда о возникновении царской власти кладет в основание монархизма акт избрания царя самим богом (Саул, помазанный Самуил—III, IX, 15 сл.; X, 20 сл., Давид, помазанный им же—I Ц., XV, 1—13).

Вся дальнейшая библийская история царской власти представляет собою сплошное море утверждений, что только бог поставляет царей и руководит ими.

Магическую силу обряда «помазания», воспринятого в дальнейшем и всеми христианскими монархами, с исключительной рельефностью подчеркивает трагикомическая борьба между «помазанником» Саулом и таким же «помазанником» Давидом. Давид, покорный воле божией, категорически отрицает всякую возможность поднять руку на царя Саула, пока сам бог еще не поразил его или не дал на этот счет прямого предписания. Давиду дважды представляется случай покончить с Саулом, но оба раза он объявляет: «да не попустит мне господь сделать это помазаннику господню» (I Ц., XXIV, 7; XXVI, 23).

Когда же по рассказу II Ц., I, 6 сл. некий «отрок», даже исполняя просьбу самого Саула, убивает его, спасая от захвата царя неприятелем, святой Давид, прославленный иудеями и христианами за свою особенную кротость, приказывает умертвить человека, посмевшего поднять руку на помазанного от бога царя, хотя и отмеченного в библийской легенде, как крайне грешного.

«Не прикасайтесь к помазанным моим»—решительно объявляет бог (Пс. CIV, 15), хотя бы они были и преступники. Больше того, даже просто раздражать царей не советуется (Притч., XX, 2). «Даже и в мыслях твоих не злословь царя» (Еккл., X, 20) и вообще «начальника в народе твоём» (Исх., XXII, 28). Понятно почему: ведь мысль родит дело.

И если бы кто вздумал воспротивиться царю, бог обещает: «мышца моя укрепит его, враг не превозможет его и сын беззакония не притеснит его. Сокрушу перед ним врагов его и поражу ненавидящих его» (Пс., XXXVIII, 23—24).

1) Твор. кн. VII. кн. 2 стр. 711—712, СПб 1901.

«Бойся, сын мой, господа и царя, с мятежниками не сообщайся», предупреждает «боговдохновенный» автор «Притч» (XXIV, 21). «Слово царское храни, и это ради клятвы перед богом... он (царь), что захочет, все может сделать. Где слово царя, там власть» (Еккл., VIII, 2).

Библейская апология монархизма и примеры покорности царям распространяются также и на чужеземных завоевателей. Здесь не менее отчетливо вырисовывается истинный облик религии.

«Так говорит господь: «я господь, который говорит о Кире» (царе персидском, владычество которого пережили иудеи): «пастырь мой и он исполнит всю волю мою» (Ис., XLIV, 24, 28). И далее: «так говорит господь помазаннику своему Киру: я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей... Я пойду перед тобою, и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю... Я препоясал тебя, хотя ты не знал меня» (XLV, 1 сл.).

Словом, «для милого дружка и сережка из ушка». Все дело состояло в том, что язычник-завоеватель—царь Кир оказал некоторые поправки иудейским жрецам (I Ездры, 3 сл.),—и дело сделано: рясники заработали во всю силу своего неистощимого усердия.

Кирилл александрийский дает любопытную справку о вышеупомянутых словах Исаии о царе Кире.

«Могущественнейший Кир, говорят, узнал это пророчество и очень возрадовался предвозвещенному о нем богом, и дошел до такого расположения духа, что и в подвластных ему городах и странах обнародовал славу Божию, ясно исповедуя, что один только тот есть бог и господь всяческих, которому поклоняются иудеи»²⁾.

Страшный вавилонский завоеватель царь Навуходоносор, своими завоеваниями потрясший огромные страны, «изломал все золотые сосуды, которые Соломон сделал в храме господнем» (IV Ц., XXIV, 13). Его полководец Навузардан «сжег дом господень и дом царя» (XXV, 9). Но иудейские жрецы, в ревностном порыве найти благодетельную царскую поддержку, называют и его «рабом господа» (Иер., XXVII, 6). «Все народы будут служить ему»,—захлебывается от лстивых похвал предатель-рясник (автор «книги Иеремии») «и если какой народ и царство не захочет служить ему и не подклонит выи своей под ярмо царя вавилонского—этот народ я накажу мечем, голодом и моровой язвой, говорит господь, доколе не истреблю» (XXVII, 7 сл.).

Ничего нет удивительного, что и за этого «помазанника» и «раба божия» рясники предлагали верующим иудеям возносить молитвы: «молитесь за жизнь Навуходоносора», говорится в «книге Варуха», писанной, якобы, в качестве послания из вавилонского плена евреям, оставшимся в Иудее, «и за жизнь Валтасара, сына его, да будут дни их, как дни небесные на земле. Да даст господь крепость нам, и да просветит очи наши, и да живем под сенью Навуходоносора, царя Вавилонского, и под сенью Валтасара, сына его, да работаем им многие дни, и **обращем благодать пред ними**» (I, 11 сл.).

Главное для рясников—снискать благорасположение царей, кто бы они не были.

Даже за римских императоров, столь ненавистных для фанатиков-иудеев, возносились жертвы дважды в день иудейскими священниками»³⁾.

Среди всех этих и подобных им поучений и легенд, рассказ о неохотном удовлетворении богом настойчивых просьб народа при по-

²⁾ „Тв.“ VII, стр. 475. М., 1889.

³⁾ Иосиф Флавий, „Иудейская война“, XI, 10—11.

мазании первого царя приобретает окраску просто комического эпизода.

По рассказу библии, евреи просили Самуила поставить над ними царя, на что бог отозвался описанием царских прерогатив и обычаев: он де «сыновой ваших возьмет... и дочерей ваших возьмет... и от посевов... возьмет десятую часть... от мелкого скота возьмет десятую часть, и сами вы будете рабами. И восстаете тогда от царя вашего» (I Ц., VIII, 5 сл.).

Подкладка этого, якобы, выпада против царя понятна: обида жрецов на то, что непосредственная власть от них отошла к военным предводителям, да очевидное желание еще вернее обманывать массы уверением, что эти последние сами захотели иметь царя, а церковники-де сделали все, что могли для помощи народу.

Из ветхозаветной части христианской библии остановимся еще на так называемых псалмах, в коих воспеваются царская власть. Таков псалом LX, где, в виде молитвы, испрашивается: «приложи дни ко дням царя, лета его продли в род и род».

Псалмы XIX и XX так и именуются царскими и во времена царизма они обязательно в ежедневных богослужениях читались в христианских храмах. Это в них заключаются знаменитые строки, памятные всякому, кто проходил царскую школу: «господи! спаси царя и услышь нас» (XIX, 10) и «господи, силой твоей веселится царь» (XXI, 2).

Первая тирада в православном богослужении обратилась (даже в составную часть жертвенной магии: за совершением литургии дьякон возглашает перед чтением «апостола»: «господи, спаси благочестивые и услыши ны». Под «благочестивыми» подразумевались «царствующие особы»⁴).

Возможно ли было, чтобы, при такой добросовестной подготовке, христианские реформисты иудейской религии, в духе еще более угодном имущим классам, хотя бы одно слово высказали против царской власти? Конечно, нет. И в «новом завете» продолжается апология царизма, только в еще более непререкаемом тоне:

«Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога... Противящийся власти противится божию установлению... Начальник есть божий слуга... надо повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим., XIII, 1—7).

«Будьте покорны всякому человеческому начальству для господя: царю ли, как верховной власти, правителям ли... ибо таково есть воля божия... бога бойтесь, царя чтите» (I Петра, II, 13, 15, 17). И при том царя всякого—даже языческого, даже жестокого и несправедливого: «повинуйтесь господам не только кротким, но и суровым» (ст. 18).

«Прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, благодарения за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную (!). Ибо это хорошо и угодно спасителю нашему богу» (Тим. II, 1 сл.).

«Дабы проводить нам жизнь безмятежную»—в том то вся и суть церковнической защиты царизма: за царем их служба не пропадает.

«Напоминай им (христианам на о. Крите) повиноваться и покоряться начальству и властям» (Титу, III, 1).

На этом мы и покончим с «библией». Эти беглые экскурсы в самые разнородные ее страницы, созвучные в одном общем стремлении побольше заслужить подачек от насильников и эксплуататоров, до известной степени даже излишни; ведь, достаточно одной только ясной фразы

⁴ См. у Мальвера „Наука и религия“, стр. 96. Гиз. 1923.

из «священного писания», чтобы окончательно освободить себя от всяческих сомнений.

Сомнений нет и возникать не может: боговдохновенное священное писание, устами десятков его разнороднейших авторов, писавших под водительством духа святого, с нескрываемой очевидностью признает и восхваляет только одну власть—власть неограниченных деспотов, по образу коих осздан и образ бога с его несметной челядью и приживальщиками—ангелами и святыми.

Лишь один еще вопрос: быть может бог был не совсем прав и теперь, в советской действительности, постепенно возьмет назад свои решительные утверждения, как пытаются это делать церковники и верующие? Увы! Рясники и туф отрезали себе путь к прямому отступлению: бог «твердыня; совершенны дела его, и все пути его праведны. Бог верен и нет неправды в нем; он праведен и истинен». Это только люди «развратились перед ним», свергая царей и разрушая эксплуатацию и насилие буржуазии (Вт. XXXII, 4—5).

«Неужели неправда у бога? Никак!» решительно подтверждает апостол Павел (Рим. IX, 14). «У бога нет изменения и ни тени перемены». (Иак., I, 17).

Правда, эти категорические заявления не мешают и никогда не мешали рясникам иезуитски извращиваться и искажать собственные же слова. Но тем лучше можно оценить их настоящее призвание и суть их деятельности.

II. Древние апологеты.

«Жития святых» дают обильнейший апологетико-пропагандистский материал для подтверждения законности всякой власти, в чьих бы руках она ни находилась. Не станем даже на выедрыжку приводить имен: вся христианская легенда о мучениках есть бесконечный дифирамб тем, кто покорно будто бы шел на мучения, умирая за веру и не позволяя себе ни словом подвергнуть сомнению право царей мучить и казнить своих подданных.

Надо было бы, однако, только ударить по карману церковников, чтобы на любого помазанника божия посыпались целые тучи всяких нападков. Еще К. Маркс указал на то, что церковь скорее простит наладение на девять десятых своих догматов, но ни за что не простит покушения хотя бы на одну десятую часть своих доходов.

Стоило только римскому императору Юлиану Философу лишить христианских попов особенных привилегий, без меры дарованных им его предшественником Константином, чтобы христианский официальный церковный мир, поднял против него травлю, пока рука их наемника не вонзила в его спину предательскую стрелу.

Подобная история неорнократно повторялась: богоизлюбленная христианская церковь, елейно проповедывавшая мир и любовь, с наслаждением пускала в ход и яд, и кинжал, дабы устранить неугодных ей помазанников. Во всяком случае, в неистощимом запасе христианского милосердия всегда находилось несколько теплых слов и благословений тем, кто в этом деле оказывал услугу христианской церкви и благочестиво отправлял на тот свет «врагов» христианской правившей клики.

С другой стороны, стоило только любому насильнику на троне оказать благодеяние церкви, чтобы его вознесли до небес и даже прямо открыли двери в райский дворец самого бога.

Приведем лишь несколько из бесконечного обилия подобных эпизодов: германский император Генрих VII, отравленный при вручении ему причастия доминиканцем Бернаром Монтепульчианским (XIV в.).

Фридрих II Гогенштауфен, тоже отравленный папой Иннокентием IV (XIII в.)⁵⁾.

Византийский император Никифор Фока, убитый в 969 г. «помазанником» же Иоанном Цимисхием при деятельном благословении патриарха Полиевкта.

Византийская Мессалина—развратнейшая из царственных распутниц—императрица Зоя в четверг страстной недели убила своего мужа, в ночь под страстную пятницу объявила мужем своего любовника Михаила Пафлагона и патриарх, бросив утреню, тут же повенчал их. При следующем ее муже Константине Мономахе был поднят вопрос о причислении «в бозе почившей» Зои к лику святых, и духовенство готово было сделать это, но произошли новые дворцовые перемены. В глазах попов Зоя была достойна царствия небесного, ибо не жалела средств на подачки им.

Византийский император Лев V «армянин» прославился двоедушием и лживостью, но был мил рясникам, так как, при всех своих качествах, был крайне суеверен и боялся попов. Однако, тогда Михаил Бега сумел пообещать христовой церкви еще больше, помазанника божия Льва вытащили из под престола в алтаре, куда он спрятался от заговорщиков, и убили, после яростного его сопротивления (император бился бронзовым крестом, схваченным с престола). Патриарх Феодот, тут же находившийся, немедленно венчал нового помазанника («несть власти, аще не от бога», «бог поставляет царей»)⁶⁾.

Мрачнейшая по легендарной жестокости княгиня Ольга объявлена святой, ибо содействовала насаждению христианства на Руси. Шестиженец и разгульный пьяница князь Владимир, имевший 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в селе Берестове, тоже и за то же.

И так далее без конца.

Обратимся к христианским апологетам древности: как они вообще, за исключением указанных крайностей, относились к царской власти? Ответ один: все так же, как и их библейские предшественники.

Известный древнехристианский богослов Тертуллиан (II в.) признается: «мы все во всякое время испрашиваем императорам (языческим еще) долгой жизни, мирного царствования, безопасности их дома... и всего, что желательно императору»... Христиане «проводят жизнь в молитве за императора» (XXX апология).

Св. Иоанн златоуст (бывший константинопольским патриархом в конце IV нач. V века) в IV беседе на слова Исаии говорит: царь «получил власть распоряжаться делами земными... царю вверено все здешнее... царю вверены тела»⁷⁾.

В V беседе на I послание к Тимофею, указывая на точное исполнение приказа «ап. Павла» о молитве за царей, он поясняет: «может быть, скажет кто-либо, что он заповедал (молиться) не за всех, а за верных? Какое же значение будут иметь тогда его слова: «за царей»? Тогда еще не было царей благочестивых, напротив, долгое время преемственно следовали нечестивые за нечестивыми... Это вовсе не составляет лесть, а **делается по требованию справедливости**»⁸⁾.

«Христос ввел свои законы не для ниспровержения гражданского устройства, но для лучшего его исправления»⁹⁾ — отводит Златоуст всякие

⁵⁾ О. Корвин „Зеркало панизма“ стр. 152 и 146. „Атеист“ 1924.

⁶⁾ Примеры византийской жизни почерпнуты из Gust. Chlumberger „L'Épopée Byzantine à la fin de la X siècle. Est le russe par le récit de Ruzov en éd. 1898 г.

⁷⁾ Твор., т. VI, кн. I, стр. 412. СПб. 1900.

⁸⁾ Твор., т. XI кн. 2, стр. 659.

возможные сомнения в истинной миссии созданного имуцими классами «христа»⁹⁾:

Ранне-христианский апологет Афинагор (II в.) в «Христианском прошении о христианах», поданном императорам Марку Аврелию и Коммоду, уверяет, что христианство считает обязательным для себя «молиться за вашу власть, чтобы сын наследовал от отца царство, и чтобы ваша власть более и более утверждалась и все вам покорствовало»... «Мы преимущественно перед всеми питаем самые святые до-стождолжные расположения к вашей власти. Это полезно и для нас, чтобы нам вести жизнь тихую и безмятежную и охотно исполнять ваши повеления»¹⁰⁾:

Феофил, епископ антиохийский (вторая половина II в.), ссылаясь на св. писание (Притч. XXIV, 21—22), пишет Автолику, коему адресует свое послание: «царь от него (бога) сотворен... ему вверено от бога управление... Царя почитай благорасположением к нему, молитвой за него. Поступая так, исполнишь волю божию»¹¹⁾.

Св. Юстин мученик (II в.), прозванный христианами за свою деятельность «философом», оправдывает христиан перед императором Антонином Пием и сыном его Марком Аврелием: «мы везде стараемся прежде всего платить подать и повинности поставленным от вас чиновникам, ибо такова его (Иисуса) заповедь. В одно время подошли некоторые и спросили его: должно ли платить кесарю подать? Он отвечал им: отдавайте кесарево кесарю. Поэтому мы и вам охотно служим, признавая вас царями и правителями людей»¹²⁾.

Св. Афанасий («великий»), архиепископ александрийский (IV в.), в толкованиях на XIX и XX «псалмы», кратко замечает:

«Господи, спаси царя». Посему, пользуясь этой помощью, просим: и всегда, владыко, не лишай ее и нас самих, и царя нашего»¹³⁾.

В «Защитительном слове перед царем Константином» Афанасий, с угодливостью чиновника Китайской империи, рассыпается перед этим наследником Константина: «не обезумел я еще, царь, и не забыл, что говорит божие слово: «и в совести твоей не кляни царя»... Господь даровал тебе царство, в целости перешедшее от предков. Будем молиться о спасении благочестивейшего августа Констанция. И эта молитва повторялась народом... Все молились, чтобы ты всегда был невредим и царствовал в мире».

«Не попусти»;—умоляет «святитель», стараясь отклонить подзрения в приписанных ему преступлениях против императора,—«чтобы **вся церковь** была в позорении, будто бы христиане, и **тем паче (!)** епископы, замышляют и пищут подобные вещи... У меня не стало бы дерзости противиться **даже правителю города (!)**, не только что такому царю»¹⁴⁾.

Так откуда же могла взятъся дерзость у обыкновенных, даже не могших и мечтать попасть в свято-отеческие чертоги, попов, епископов и патриархов? Чем же могут гордиться современные «революционные» церковники, отмахиваясь теперь от идейного и иного сочувствия монархизму?

Св. Василий («великий»), архиепископ кесарийский, в своих «Нравственных правилах» также не преминул, ссылаясь на «ап. Павла» и

⁹⁾ Твор., т. IX, кн. 2, стр. 774.

¹⁰⁾ Сочин. др. христ. апологетов (изд. П. Преображенским, М. 1867) стр. 68, 122.

¹¹⁾ Памятники др. христианской письменности (приложение к журналу „Православное обозрение“, М. 1865), стр. 19.

¹²⁾ I апология, § 17. (Сочинения Юстина, изд. 1864 г.).

¹³⁾ „Тв.“ IV. Серг. пос. 1903.

¹⁴⁾ Тв., II, М. 1852.

«Деяния», указать на необходимость погиноваться «государям»: высшим властям должно повиноваться во всем, что не препятствует исполнению божьей заповеди»¹⁵).

Обильные мысли высказал о царской власти бл. Феодорит (епископ Киррский). В «Толковании на послание к римлянам» он говорит: «сие зависит от божия промысла, ибо сам бог, помышляя об общем благодетельности, устроил, чтобы одни начальствовали, другие были подначальными. Если благолит бог, то даст начальников, почитающих справедливость. Но, чтобы вразумить погрешающих, попускает бог начальствовать злым» (гл. XIII).

«Царская власть от власти самоуправной (!) отличается тем, что подвластными самоуправству делаются невольны, а власти царской подчиняются охотно (гл. VI)¹⁶).

В толковании на «кн. Варуха» Феодорит опять вспоминает указания «павловых посланий»: «божественный апостол законоположил молиться за царей, которые восставали еще на благочестие», и «за всех, иже во власти суть» (I Тим., II, 1—2). Таково согласие ветхозаветного с новозаветными»¹⁷).

Св. Григорий («богослов»), архиепископ константинопольский (IV в.): «воля царя есть неписанный закон, огражденный силою власти и более сильный, чем писанные указы, не подкрепляемые властью»¹⁸).

Собор палестинских епископов, состоявшийся в правление императора Констанция, в своем послании к верующим о возвращении из изгнания александрийского архиепископа Афанасия, подчеркивает: «вы обязаны молиться и за благочестие боголюбивейших царей»¹⁹).

Когда т. наз. «донатисты»—«еретики» IV и сл. в.в., после нескольких столкновений с императорской властью, прекратили моления за императоров, отцы церкви обрушились на них с тяжкими упреками, что они «нарушают заповеди божии».

III. Наши отечественные «святители».

Наши церковники не только не отстали от древних апологетов, но, пожалуй, и превзошли их. Как только ни изощрялись они в способах воздействия на народную психику, дабы найти монархическим идеям надлежащую, по их представлениям, опору. Нужно было,— и как по мановению волшебной палочки росли и ширились в воображении масс всевозможные «чудеса» и события. Церковные амвоны были превращены в специальные кафедры, откуда беспрестанным потоком лились молитвы и поучения о покорности царской власти.

Когда императу Петру I, мыслившему для себя атеистически, потребовалось политическое содействие церковников в его работе по приобщению Руси к торговому капитализму, то он нашел ее в таких искусных апологетах, как священник Феофан Прокопович, митрополит Стефан Яворский, Митрофан, архиепископ воронежский (ныне «святитель и творец») и другие.

«Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам бог за совесть повелевает»²⁰).

¹⁵ Прав. 79. „о повиновении государям“ „Тв.“, VII, стр. 71. СПб. 1911.

¹⁶ „Тв.“ VII, М. 1861.

¹⁷ „Тв.“, VI, М. 1859.

¹⁸ Слово 4. („Первое обличительное на царя Юлиана“). „Тв.“, I. М. 1889 стр. 120.

¹⁹ Пят. по „Твор.“. Афанасия ал др., „Защитит, слово против ариан.“ („Тв.“, М. 1851, I, 8).

²⁰ „Духовный регламент“, ч. I ст. 2: (В сборнике русск. законод. пам. XVIII в. „Вып. I, СПб, 1900).

«Великий государь, наследием ли или избранием скипетр получивший, от бога оное приемлет: богом бо царю царствует... от господа дастся им держава... владеет вышний царством человеческим и ему же восхопет даст его... высочайшая власть (величество нарицаемая) есть, которой деяния ничьей же власти не подлежат. Великий самодержавный государь **человеческого закона хранили не должен**, кольми же паче за преступление закона не судим есть: заповеди же божия хранили должен, но за преступление их самому токмо богу ответ даст и **от человека** судим быть не может... Должен народ без прекословия и роптания вся от самодержца повелеваемо творити. Должен терпети народ кое либо монарха своего настроение и злоправие: якоже и дух свитый повелевает, не токмо благим и кротким, но и строптивым повиноваться»...²¹⁾

Апологет времени Екатерины II «святитель и чудотворец» Тихон еп. воронежский, в своей защите трона подготовил почву для дальнейших царских блюдолизгов: «воздадите всем должная» (Рим., XIII, 7)... «к сему склоняют все права и законы монаршие».

«Иже аще злословит отца или мать, смертию да умрет» (Исх., XXI, 16). А под именем отца не токмо отец естественный, но и всякая власть духовная и светская, как-то монархи... разумеются. И когда их не почитаешь... сию ягтую заповедь разрушаешь»²²⁾.

«Аще бы кто в такое дерзновение пришел, что перед царем своим закон его начал нарушать: скажи, пожалуй, человеку, не делал ли бы великого оскорбления и досаждения монарху своему, и не подвинул ли бы его на праведный гнев таковой бесчынник? Воистину за великое бесчестие имел бы себе таковое дело монарх, и **правильно воз'ярился бы гневом на законопреступника того...** Всяк убо беззаконник закон божий свитый разоряет»...²³⁾

«Святитель и чудотворец» Дмитрий, митрополит ростовский (конца XVII века), знаменитый состряпанными им «Житиями святых», будучи впервые представлен царю Иоанну V и царевне Софье, от рабской угодливости заговорил следующими фразами: «се сподобился видети пресветлое лицо христа господия, помазанника божия, царя земного, христианского, православною монарха, ваще царское пресветлое величество... Лице цареве есть радостотворно, якоже и лице ангела, радость приносящее... Мудрость царева управляет царством, благость же утверждает престол царский... Лице и сал царя христианского на земле есть живой образ и подобие христа, царя, живущего на небеси. Якоже бо человек душею своею есть образ божий и подобие: епче христос господень, помазанник божий, самом своим царским есть образ и подобие христа господа... христос господень на земли, благодатию и милостью христа небесного, в церкви воюющей первоуправляет» и т. д.²⁴⁾

Любопытно отметить при этом, что второй царь—Петр—был в это время в Сергиевской лавре, на престоле же сидел дегенерат Иоанн V—другой сынок «тишайшего» пьяницы Алексея. Но этот и подобные панегерики были необходимы правившему в России дворянству, поскольку его положение потрясилось многочисленными в то время народными восстаниями и волнениями. За это «святитель» был немедленно вспомнят Петром, когда он стал подбирать себе верных пристужников, и получил богатейшую Ростовскую и Ярославскую митрополию.

Из «жития» этого «святителя» мы извлекаем характерный урок царской апологии: ханженствующая вдова царя Иоанна V вздумала

²¹⁾ Феофан Прокопович. «Правда воли монаршей».

²²⁾ «Слово 28». Сочин., т. II, М. 1836.

²³⁾ «Сокровище духовное». Соч., т. XI, 23.

²⁴⁾ «Речь», Сочин., т. I, стр. 30. М. 1839.

в Ярославле послать чудотворную икону «сладкой матери Толгской»: «но за великими трудами служившими и поговорами, и за распутием осенним, до Ярославля не шло, и трудно, того ради чудотворную икону одую на Толгское обители **принести в Ростов**».

«Сей» воскликнул Дмитрий: «градует в Ростов две гостыи, царица небесная и царица земная».

А вот что говорил Платон, митрополит московский, «всемижайший раб и усерднейший богомолец» и благододиз Екатерины II: «гражданские законы потому обивывают человека в согести, что они утверждены на священной основании закона божия, что законодатель (читай: царь) есть провозгласитель своим подданным тех небесных законов, который верховный судья света повелевает хранить всякому... Сей священный союз утверждается на августейшей особе благочестивейшей монархини нашей. Она глава общества и покровительница церкви... в ней церковь с радостью созерцает благочестивейшую помазанницу божию... Благоговен убо да будет день, в который десница господня постановила тебе на виду у видимаго сего мира, к открытию славы божией и к **благополучию нашему**»²⁵⁾.

Святитель, конечно, благочестиво отгонит очи свои от путей, которыми «десница господня» возвела на престол мужеубийцу Екатерину.

«Неоценимым счастьем наслаждается Россия ныне в священной особе монархини. «Вестъ господь сущия своя». Прежде, нежели земле создатися, всевидящее око взирало на ее добродетель и потому премудрость его предумстила ей прозойти на сей видимый свет, представив позвала на сие царское служение»²⁶⁾.

Евсевий, архиепископ Могилевский: «на государя мы должны взирать, как верховного отца, богом дарованного отечеству... обладающего верховною, неограниченною властью... питать искреннюю и полную любовь... которую должны доказывать искренним и безусловным повиновением ем... Всем узаконениям и повелениям царя должны благоговейно покоряться, как воле самого господя, поставляющего царей... молить бога о царе, о его здравии, благоденствии... Говорить о царе почитательно...»²⁷⁾.

Иakov, архиепископ нижегородский: «у нас монарх—отец, законы—мудры, правление—человеколюбиво, выгоды и приятности жизни—в изобилии. Все, все показывает, что бог близок к отечеству нашему... Каких подлинно не зрим добродетелей в лице его величества?.. Россия любит бога, посему и бог любит Россию»—и т. д. в том же духе²⁸⁾.

Говорилось и писалось это в царствование знаменитого «держиморды»—Николая I.

Инокентий, архиепископ херсонский и таврический: «кто дал бытие царю нашему и украсил его великими способностями (Николая I)? Бог. В чьей деснице его крепость, сила и мудрость? В деснице божьей. От кого зависит успех его начинаний? От бога»²⁹⁾.

Виднейший аполлогет русского царизма—несомненно Филарет, митрополит московский, сподвижник трех царей—Александра I, Николая I и Александра II. Все его слова, речи и поучения дышат неистощимой преданностью царской власти. Из каждого десятка произнесенных им поучений одно-два непременно по случаю царских дней, а в них этот святитель на все лады воспевае своих хозяев. Это он—автор зна-

²⁵⁾ „Подное собрание сочинений“, I, стр. 338.

²⁶⁾ Ibid стр. 380.

²⁷⁾ „О православной вере“, III, поучение 60. СПб. 1865.

²⁸⁾ „Слова и речи, стр. 85, М. 1849.

²⁹⁾ „Сочинения“, II, стр. 408. М. 1873.

менитого катехизиса. Возьмем на выдержку несколько цитат из введенья этого аполюгета:

«Благо народу и государству, в котором единым, всеобщим, светлым, сильным, всепривлекающим, всеединым средоточием, как солнце во вселенной, стоит царь, **свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею царя небесного... Господи! Ты даровал нам сие благо! Нам остается благодарить, хранить и молить: утверди, боже, сие, еже соделал еси в нас**»³⁰⁾.

«Кто не помыслит с благоговением, как велико поистине значение православного величества. Оно осепено, объято, проникнуто освящением свыше: «вознесох избранного от людей моих; елsem святым помазах его; пенитна моя и милость моя с ним» (Ис. LXXXVIII)³¹⁾.

«**Церковь возвышает и утверждает царство Человеческое, связуя оное с царством Божиим...** Высшее начало царствования сокрыто в боге, хотя и открывается посредством земного закона престолонаследия, по воле главы царствующего дома: за сие благословенно царство божие, испосылающее нам царские дары... Как высок царь, когда власть его есть орудие и проявление власти царя небесного. **Как он тверд на престоле, который поддерживается вечным и всемогущим вседержителем!** Какое сильное побуждение для подданного не только повиноваться царю, но и благоговеть перед ним, не только исполнять его законы и повеления видимыми действиями, но и предаваться ему верным и любящим сердцем на жизнь и смерть пред очами всевидящего царя царствующих» (т.-е. бога)³²⁾.

Вот это то и лежит в основе церковного возвеличения царизма. Тем и был силен царизм, что сознание верующих масс было отравлено обманом, баснями о том, что царь и царство земное—есть образ царя небесного.

«Царь воцаряется и царствует не без действия и содействия царя царствующих... Богом он венчан, помазан и освящен для дел царствования... (Но и) не только воцарение, венчание, помазание, но, и еще прежде, **самое рождение царя есть особенное устройство провидения божия;** в день, в который присноживущий царь (бог) благословил сего младенца на жизнь, благословил его уже и на царство...

«Бог посаждает царя на престоле, или, иначе сказать, царская власть есть божественное учреждение.

«Бог посаждает на престоле царем от плода чрева его, т.-е. наследственность царской власти есть также божественное учреждение.

«Царская наследственная власть есть высокий дар божий избранному божию и для народа **благопотребный и благотворный дар божий:** поелику благодать божия беспристрастна и премудрость божия всеобъемлюща... (Этот дар бог) дает провидя и **предустроля тем благо и всего народа...**

«Думаешь ли ты изобрести закон, который был бы совершеннее, нежели закон, истекший от божней благодати и премудрости»—отводит Филарет всякие возможные возражения против неограниченного абсолютизма.

Зачем же говорить об этом? «Сие учение (и так) уже написано на сердцах россиян». Но дело в том, что «когда темнеет на дворе—усиливают свет и в доме», выдает себя и свою работу Филарет. Эти слова относятся к 1848 г.—году революционных движений во Франции, Германии и др. странах³³⁾.

³⁰⁾ „Слова и речи“ (1847 г.), т. IV, стр. 529, М. 1882.

³¹⁾ „Слова и речи“ (1857), V, стр. 425, М. 1885.

³²⁾ Ib., стр. 39.

³³⁾ „Слова и речи“, IV, 550 сл. М. 1882.

Все эти и подобные мысли обычно не просто высказаны, но и подтверждены всевозможными цитатами и «доказательствами» от глубины богословского соборного усердия. Все эти мысли не плод досужих ухищрений, но прямое продолжение Библии и всего содержания христианской религии.

Макарий, епископ архангельский (1878 г.):

«Неприкосновенною почитается царская власть, потому что она от бога... Кто будет восставать против божественного промысла в упрямой и влеяемой им вселенной, тот должен считаться богохульником. Еще большим противником воли божией должен считаться тот, кто не видит промысла божия в управлении царствами. Милосердный господь ищет о целых царствах и народах. Судьба каждого царства извернется избранному богом правителю. И потому нигде так явно не выражается перст божий, как в избрании и хранении царей. Если неприкосновенным должно быть всякое творение и постановление божие, то тем более неприкосновенной должна быть царская власть... Монарх в нашем царстве—то же, что солнце, освещающее и согревающее землю.

«Кто любит и почитает бога, тот не может не любить и царей. Где твердо сохранилась религия, там оставалась твердою и неприкосновенною власть царская....

«Страх божий всегда внушал почитание царей. А с уменьшением страха божия уменьшалось и благоговение к облеченным царской властью....

Это самое и заставляет нас внушать веру и благочестие не только для самой веры, но и для повиновения властям и для тихого и безмолвного жития нашего на земле. На безбожном только поле могут прорастать плевелы беспачалия и равенства всех и во всем»³⁴).

Большей откровенности не требуется от присяжных рясофорных лугов даже и для поставленной этой статьей задачи. Именно для повиновения царю и его порядкам нужна была религия, в этом ее истинная суть и содержание.

Любопытно отметить, что это говорилось в 1878 г., накануне казни Александра II народовольцами.

Священник Иоанн Сергеев Кронштадтский... Кому неизвестна эта мрачная реакционная фигура, осыпавшая светом христовым последние годы царского самодержавия? Этот, святой уже при жизни и разоблаченный во всеуслышание по смерти, «батьюшка» делал все, что он мог, для наибольшего возвеличения царизма. Его слова—слова прямые, крепкие, махровые.

«Единодержавие есть самая естественная, разумная и самая полезная для земных царств форма правления, самая надежная власть, так как она происходит непосредственно от бога». (Речь 13 мая 1897 года)³⁵).

«Носитель и хранитель России, после бога, есть государь России, царь самодержавный...

«Кто посаждает на престоле царей земных?.. Царям земным от бога дается царская держава. Он один поставляет царей и преставляет. Посему царь, как получивший державу от самого бога, есть и должен быть самодержавен» (в смысле неограниченной власти). «Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентаристы «Отойди от меня, сатана».—сказал господь Петру. Отойдите и вы, противящиеся божию велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных. Прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но препи-

³⁴) „Странник“, журнал, 1878, IV, стр. 307.

³⁵) „Церковный вестник“, 1897 г., стр. 725.

равняющиеся друг с другом. От господи дается власть, сила, мужество и мудрость царю управлять своими подданными... Кто верен богу, тот верен и царю»³⁶⁾).

Говорилось это перед выборами в 3 Государственную думу, когда в нее робко пробирались верноподанные «октябристы» и «кадеты», умолявшие царя дать хоть немного привилегий для новых форм капиталистического обогащения. Что же сказал бы святой батюшка теперь, когда цари остаются только в сердцах рясников и белых эмигрантов?

За его «ирисноблаженной кончиной» нужные слова изрек «святейший» Тихон, ныне также поглощенный небытием: «властью, данной нам от бога, анафемствуем вас» и т. д., как это говорится в знаменитом манифесте патриарха всероссийского, адресованном восставшим в 1917 г. крестьянам и рабочим.

Мы оставляем совершенно в стороне подобные же речи иных церковников. Они все одинаковы. Их задача—все та же: сохранить веру, ибо ею жив царизм, сохранить монархию, ибо ею жива религия.

IV. Заключение.

Закачивая наш обзор, остановимся еще на нескольких моментах христианской апологии. Эта апология проявлялась не только в речах и поучениях, но и в отдельных отраслях деятельности церковников, даже в мелочах.

Как известно, христианское богослужение никогда не обходилось без общих и особых молитв за царей и царствующих «особ»: соответствующую прошения в ектениях, возгласы, при так назыв. «великом выходе», молебные пения, молитвы («спаси господи люди твоя») и т. п. Существовали особые молитвы на разные случаи. Так, например, специальную принадлежность молебнов составляла следующая молитва (приводим извлечения): «подаждь благочестивейшему государю благоспешество Моисеево, мужество Давидово и мудрость Соломона» и «покаяя его врагам победительна, злодеем страшна... Господи, спаси царя и услыши ны, в оны же еще депь призовем тя».

Постановлением Синода от 12 декабря 1894 г. была введена новая молитва «по сугубой ектении»: «сохрани под кровом твоея благодати от всякого злого обстояния благочестивейшего... огради его на всех путях, да ничтоже успеет враг на него...».

Подобные молитвы возносились еще древними христианами. В одной из древнейших, из дошедших до нас литургий (так назыв. «Литургии евангелиста Марка») имеется особая царская молитва: «владыко, господи-боже, отец господи и бога, и спасителя нашего Иисуса Христа. молимся и просим тебя, сохрани царя нашего, покоря ему всякого врага... даруй ему победу, чтобы и нам проводить тихую и спокойную жизнь»³⁷⁾.

В богослужениях на царские дни обязательно читались в качестве «апостола» отрывки из «1 Тим.», II, 1—6, («прошу совершать молитвы за царей») или «Рим.», XIII, 1—7 («всякая душа властем предержащим да повинуется»), «Евангелие» — Мф. XXII, 15—22 «кесарево—кесарю» и т. п.³⁸⁾.

«Основные государственные законы Российской империи» начинались следующей ст. 1: «Император всероссийский есть монарх само-

³⁶⁾ «Слова и поучения» 1907—8 г. г., стр. I сл., 40 сл. СПб. 1908.

³⁷⁾ «Собрание древних литургий». Опубликовано в журнале СПб духовной академии «Христ. чтение» за 1876 г., ч. II.

³⁸⁾ В. Гренулевич. «Указатель церковных чтений из книг св. писания», СПб. 1853, стр. 46—49.

держанный и необразованный. Показывает верховной его власти, не только не страх, но и за совет, сам бог поведает».

Наловен, «народный» тип царского времени. «Боже, царя храни», воспитание молодого поколения и общественном достоянии, перед царской властью, восторгу и восторгу культивируемое с превозношением, даже писанию царя и его титулов с увеличенными буквами, «божней милостью», называние царей «благочестивейшими», подписи самых высших и «святейших» расписков, как «всевышайших», «всепокорных», «рабов», (с отпесненным подписи в самый низ страницы) и т. д., и т. п.—«Все не в пользу ее говорит».

Этой статьей мы, конечно, далеко не исчерпали поставленного вопроса. Источники очень велики, но все они совершенно однотипны вышешриведенным.

Сказанного, однако, вполне довольно для того, чтобы достойно оценить попытки ученых богословов и невежественной массы низового духовенства отмежеваться от царизма и перекраситься в розовато-желтый цвет. Это есть только старая погудка на новый лад. Христианство было, есть и останется всегда только утонченным способом укрепления и расширения господствующего положения буржуазии с ее государственной системой.

ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРОЛЕТАРСКИХ СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ.

1.

На Учредительном Собрании в Теплице мая 31 и июня 1 дня 1925 г. был основан «Интернационал пролетарских свободомыслящих» — «International proletarischer Freidenker—I. P. F.

Президиум Интернационала—в связи с конституированием организации, — так определил свои идеологические задания (см. № 7 — 1925 г. издающегося в Лейпциге журнала «Атеист», органа Германского Общества пролетарских свободомыслящих).

**

«После того, как венский конгресс пролетарских свободомыслящих (5—8 октября 1924 г.) сделал возможным объединение всех стоящих на почве научного социализма организации свободомыслящих, после того, как этот конгресс выработал основную схему интернационального объединения свободомыслящих, отдельные союзы свободомыслящих путем переговоров проделали всю необходимую подготовку к образованию Интернационала пролетарских свободомыслящих, который сконструировался наконец на конгрессе 31 мая—1 июня 25 г. в Теплице.

Этим самым мировой реакции в духовной области противопоставлен мировой фронт свободомыслия, этим самым пролетариат взял в собственные руки борьбу с отжившими идеологиями, борьбу, являющуюся одним из важнейших средств классовой борьбы. Со всем тем, что под знаком религиозно-церковных традиций и верований, мировоззрений и жизлепониманий, узаконивало господство класса буржуазии; со всем тем, что в качестве капитализма, национализма, милитаризма, монархизма, проявило себя смертельно враждебным не только политическому и хозяйственному, но также и духовному освобождению рабочих;—со всем этим пролетариату следует успешно бороться путем общего революционирования масс точно так же, как социалистические партии борются со всем этим политическими и экономическими средствами.

Этим самым предуказаны цель и методы нового Интернационала.

Новый Интернационал носит название Интернационала пролетарских свободомыслящих. Местонахождение его—Вена. Президиум его составляют товарищи:

Гартвиг, председатель,—Брюнн (Чехо-Словакия).

Ростовцев—Ленинград.

Вольф—Лейпциг (Германия).

Бераи—Прага (Чехо-Словакия).

Фритц—Bassé Jutz (Франция).

Мерчинский—Варшава (Польша).

Генеральным секретарем избран г. Францль (Вена), глава австрийского союза свободомыслящих. Интернационал будет вступать в деловое общение лишь с такими организациями, которые стоят на строго пролетарском базисе. Лишь при наличии этого пролетарского базиса он будет принимать в свой состав те или иные объединения свободомысля-

них. В ближайшем будущем начнет выходить на немецком, чешском и французском языках орган этого Интернационала, руководимый тов. Францем. Можно с уверенностью ожидать вступления в интернационал новых организаций. Однако, уже в настоящий момент в Интернационале представлено более 500 тысяч социалистических свободомыслищих! Все они стоят на платформе тех обязательных руководящих тезисов, которые намечены на Венском конгрессе и сформулированы в Телличе.

Вот они эти руководящие линии:

1. **Предпосылкой полного духовного освобождения рабочего класса является его экономическое освобождение.** Однако, в борьбе за это экономическое освобождение существеннейшим орудием является борьба с духовной отсталостью рабочих.

2. Классовое господство капитализма в большой мере опирается на духовную отсталость масс.

3. Господствующий капиталистический класс сознательно поддерживает и культивирует подобную духовную отсталость, чтобы сохранить свое господство над эксплуатируемыми.

4. Наиболее действенными идеологическими силами реакции являются религия и национализм.

5. Религия имеет своей задачей отвлечение пролетариата от его жизненных интересов.

6. Национализм имеет своей задачей отчуждение пролетариата от его интернациональных классовых интересов.

7. Религия и национализм являются, таким образом, союзниками капитализма, внедрившимися в душу пролетариата, того самого пролетариата, который стремится экономически освободиться от капитализма.

8. Клерикальные и националистические организации, которые опираются на религиозные и националистические предрассудки масс, служат господствующим классам, служа, таким образом, реакции.

9. Наша борьба с клерикализмом и повншизмом является частью революционной освободительной борьбой и должна поэтому служить интересам последней.

10. Церковь, как бы могущественной она ни казалась внешне, есть приспособленный к современным капиталистическим отношениям пережиток давно миновавшей эпохи. Современные религиозные идеологии осуждены исторически на крушение вместе с капиталистическим хозяйственным строем.

11. Национализм в качестве идеологического явления, являющегося необходимым спутником империалистической эпохи капитализма, усиливается вместе с заострением империалистических противоречий. Однако, одновременно с этим расцветают в пролетариате противоположные революционные силы, которые покончат с капитализмом и империализмом.

12. Эксплуатация—интернациональна. Она использует и религию в качестве средства для своих целей. Для себя эксплуататор не нуждается ни в какой религии. Эксплуатируемый же, напротив, должен быть религиозным и патристичным, т.-е. иметь идеалы, за которые он должен быть готов голодать, а если это нужно, и умереть.

13. Пролетарское движение свободомыслия является ветвью общего великого социалистического движения. Специальная же его задача заключается в том, чтобы, развиваясь на почве революционной классовой борьбы и научного социализма, путем разрушения в головах пролетариев религиозных и буржуазных идеологий,—содействовать созданию охватывающей все народы и расы бесклассовой общественной культуры.

14. Так как движение пролетарского свободомыслия отдает себя на служение пролетарской освободительной борьбе, мы в интересах этой классовой борьбы добиваемся от каждой пролетарской партии поддержки в нашем деле. Каждая пролетарская партия обязана бороться за то, чтобы для государства религия была частным делом. Однако, для каждой пролетарской партии религия отнюдь не должна быть частным делом. Особенно от вождей и активных деятелей пролетарского движения необходимо требовать, чтобы они целиком и полностью стояли на почве марксизма, который не соединим ни с какой религиозной идеологией.

Что, однако, придает Интернационалу особенное творческое значение с самого его возникновения—так это тот каждого социалиста радующий, факт, что в нем пролетарии всех направлений, от крайних правых до крайних левых, объединились для общей работы против общего врага. Интернационал является чистейшим продуктом пролетарской солидарности в борьбе за освобождение мозгов;—этим он и останется.

Пусть этот новый Интернационал повлияет на то, чтобы мировой пролетариат образовал единый фронт и на политической почве!

12 августа 1925 г. в Лейпциге состоялось заседание Президиума Интернационала. На этом заседании присутствовали: Гартвиг, Беран, Фритш, Вольф, Францль.

Порядок дня был следующий:

1. Парижский Конгресс и Брюссельский Интернационал.
2. Конфликт в О-ве пролетарских свободомыслящих Германии.
3. Устав Интернационала.
4. Резолюции.
5. Приветствие социалистическим Интернационалам.
6. Допущение отдельных лиц в качестве членов Интернационала.

К 1-му пункту (Парижский Конгресс).

Францль оглашает тезисы, выработанные доктором Бартошекком (Прага), которые будут обсуждаться на Парижском Конгрессе и которые могут послужить базой, позволяющей вступить в рабочее общение с Брюссельским Интернационалом свободомыслящих.

Тезисы эти следующие.

Социализм и свободомыслие.

Тезисы, предложенные Интернациональному Конгрессу свободомыслящих—свободомыслящими Чехо-Словакии.

1. Свобода мысли является не целью, а средством к тому, чтобы сделать человеческое существование более совершенным и счастливым.

2. Свобода мысли, должна позволить людям освободиться от всех предрассудков и всех заблуждений, которые в прошлом и еще в настоящее время являлись и являются препятствием к достижению истинного совершенства и истинного счастья человеческого.

3. Мы боремся, однако, с предрассудками и заблуждениями не потому, что они являются теоретической ошибкой, а потому, что они служат базой для социальных учреждений, которые ограничивают свободу человека, мешают ему достигнуть счастья, которое дается разумно организованной человеческой жизни.

4. Вот почему свободомыслящие не могут ослабить своей активности ни на одном участке в области этих заблуждений и предрассудков, а равно и в области предрассудков, относящихся к религии, что впрочем на практике и не мыслимо, ибо эти заблуждения и предрассуд-

ки неразрывно связаны с заблуждениями и предрассудками в политической, экономической, социальной и др. областях.

5. Исходим ли мы из чисто отрицательной точки зрения, т. е. из стремления устранить все, что мы находим дурного в прошлом и настоящем, или из идеала лучшей будущей жизни, лучшего общественного строя, мы неизбежно оказываемся перед необходимостью экономического освобождения, без которого историческая свобода не может быть осуществлена.

6. Из этого логически вытекает, что долгом свободной мысли является борьба не только с политическими догмами и привилегиями, но и с гегемонией капитала, борьба за перестройку современного человеческого общества, основанного на частной собственности, и замена его лучшим общественным строем. Поскольку такие стремления известны под именем социализма, свободная мысль не может не быть не только социальной, но и определенно социалистической.

7. Руководясь настоящими принципами, свободомыслящие отнюдь не переносят своей борьбы на какой-либо новый фронт, ибо защитники старых экономических установлений старого экономического строя, как это особенно ярко показал нам послевоенный опыт, логически неизбежно являются союзниками главных деятелей религиозной и политической реакции.

8. Присоединение свободомыслящих к социализму в указанном выше смысле ни в коем случае не может означать присоединение их к какому-нибудь определенному социалистическому учению, тем не менее к какой-нибудь определенной тактике борьбы за идеалы социализма. Долгом свободомыслящих, напротив, является напоминание социалистическим партиям о том, что в своей деятельности, призванной обеспечить им участие во власти, они никогда не должны забывать об общей для всех возвышенной цели.

9. Кроме того долгом свободомыслящих является напоминание социалистическим партиям и группировкам, что дело идет о социализации не только материальных, но и духовных ценностей, что только все это вместе может и должно привести к величию человека.

10. В самой борьбе не следует, равным образом, забывать о внутреннем враге, каковым являются с одной стороны отсталое мышление (вкоренившееся в мозгах тех, которые должны быть освобождены), а с другой—малая подготовленность их к тому, чтобы взять в свои руки власть при новом строе. Свободная мысль будет всегда подчеркивать для нового общества то значение, которое имеет для нового общества наряду с прямой борьбой за его осуществление, воспитание масс, положительное и отрицательное.

В кратком изложении—прения по этим тезисам буржуазного радикала доктора Бартошека сводились к следующему:

Францль ставит на обсуждение вопрос, можно ли приступить, основываясь на этих тезисах, к более близкому рассмотрению возможности сотрудничества с Брюссельским Интернационалом.

Гартвиг. Согласно этим тезисам, в случае если бы они вообще были приняты, Брюссельский Интернационал стал бы на почву теоретического социализма: подобно тому, как это сделал германский Союз Министров. Этот Союз Министров неоднократно играл роль подготовителя почвы для свободомыслящих постолько, поскольку он в некоторых местах, где невозможно было еще до сих пор основать организацию свободомыслящих, оказывался в состоянии создать местную группу Союза Министров, которая впоследствии превращалась (в Канныштадте, напр.) в местную группу свободомыслящих. Рабочие во местных отношениях мыслят еще мелкобуржуазно. Лежащие перед нами тезисы не покрывают,

щимся сторонам в случае, если общий съезд не привел бы к соглашению, выделить третейский суд из собственных рядов или обратиться к Интернационалу. Однако, обращение это осталось без отклика.

Вольф заявляет, что Союз пролетарских свободомыслящих выражает свою готовность обратиться к Интернационалу за разрешением конфликта и признать его за правильную судебную инстанцию. Эта готовность выражалась уже и раньше, он теперь снова подтверждает ее.

Постановление: Исполком обратится к тов. Т. Майеру, представителю оппозиции, и в соответствии с предложением Вольфа, пригласит его обратиться к Конгрессу Интернационала 12 декабря 1925 г., в Лейпциге, как к Третейскому Суду.

4. Принимаются **резолюции.**

1. Обращение к политическим и профессиональным интернационалам, а равно и к социалистическим партиям против войны в Марокко, по поводу событий в Китае, по поводу освободительной борьбы пролетариата Египта, Индии, Сирии, наконец, против фашизма.

2. Против угнетения исповедных меньшинств в Австрии.

3. К организациям свободомыслящих Северной Америки по поводу обезьяньего процесса в Дэйтоне, в штате Теннесси.

5. Приветствие социалистическим интернационалам.

Отдельные лица не могут стать членами Интернационала. Добиваемся принятия—отдельным лицам—должно быть предложено создавать, в меру возможности, небольшие организации, против вступления которых в Интернационал в случае, если они принимают наши руководящие тезисы и устав, возражать не приходится.

**

Президиум Интернационала разослал всем социалистическим рабочим интернационалам воззвание след. содержания:

На Учредительном Собрании в Теплице 1-го июня 1925 г. основан «Интернационал пролетарских свободомыслящих» с местонахождением в Вене.

Примкнувшие к нему до этого времени организации свободомыслящих Чехо-Словакии, Дании, Германии, Франции, Сев. Америки, Австрии, Польши и России, стали на строго марксистом базисе, наметили руководящие линии, воспроизводимые в приложении к настоящему письму.

Интернационал, убежденный в том, что великая цель осуществления бесклассового социалистического общества может быть достигнута лишь путем революционной, материальной и духовной классовой борьбы,—рассматривает себя, как члена великого мирового социалистического движения, отдает себя на служение освобождению пролетариата и ставит своей задачей в своей особой области напрягать все силы к тому, чтобы рабочие всех стран пропитать идеями свободы, справедливости и солидарности.

Ставя таким образом своей задачей содействовать социалистической борьбе **специально в области духовного освобождения пролетариата**, Интернационал в день первого заседания своего Исполкома (Лейпциг, 12—VIII—1925 г.), из сознания братского родства пролетариев всех стран, приветствует объединенных в Вашем Интернационале рабочих и с гордостью указывает на то, что в Интернационале впервые смогла быть осуществлена идея единого пролетарского фронта против единого фронта буржуазной реакции.

Интернационал в праве ожидать, что его особая задача встретит надлежащую оценку и действительное содействие со стороны политических и профессиональных интернационалов. Вместе с тем Интернационал не может отказаться от надежды, что осуществленная в нем смычка всех социалистических партий окажет содействие и подготовит путь смычке мирового пролетариата и в других областях социалистической борьбы.

Мы шлем Вам, пролетарии всех стран, наш привет свободомыслящих:

«Свобода».

Лейпциг, 12 августа 1925 г.

«Исполком Интернационала пролетарских свободомыслящих».
Францль—Ген. Секрет. Беран (Чехо-Словакия). Фритш (Франция).
Вольф (Германия). Гартвиг, Председатель.

**

На этом заседании Президиума от 12 августа 25 г. был принят такой остов Устава Интернационала:

A.

I.

Интернационал пролетарских свободомыслящих (I. P. F.) есть объединение всех социалистических организаций свободомыслящих, которые хотят усилить революционную борьбу за хозяйственное и политическое освобождение рабочего класса **путем освобождения мышления от церковно-религиозных и иных мистических представлений и идеологий.**

Его задачей является придать единообразие работе примкнувших к нему организаций свободомыслящих и объединить ее для общих действий.

II.

Примкнувшие к Интернационалу организации обязуются не входить ни в какую другую интернациональную организацию свободомыслящих, признавать и применять в своей работе внутри своей страны основные тезисы, названные в приложении к настоящему уставу «Венскими руководящими линиями». Эти тезисы приложены здесь в подлинном тексте.

III.

Все, примкнувшие к Интернационалу, организации признают его высшей инстанцией в международных вопросах. Всякое решение Интернационала по вопросам международного характера обязательны поэтому для организаций отдельных стран.

IV.

В конфликтах, которые возникают между организациями пролетарских свободомыслящих по международным вопросам, Интернационал признается как решающая судебная инстанция. Как к таковой,—к ней можно обращаться и при разногласиях и расхождениях между организациями отдельной страны или внутри одной и той же организации.

B.

Органы, выполняющие указанные задачи, суть:

- 1. Международный Конгресс.

2. Исполнительный Комитет.
3. Генеральный Секретариат.

1. Международный Конгресс.

а) Конгресс созывается Исполкомом. Он имеет место по мере надобности, но не менее раза в два года. Приглашения на Конгресс рассылаются за три месяца. Доклады к Конгрессу должны быть представлены примкнувшими к Интернационалу организациями, но крайней мере, за месяц до Конгресса генеральному секретарю. Конгресс должен быть созван, если этого требует, по крайней мере, половина примкнувших к Интернационалу организаций.

б) Право голоса на Конгрессе имеют лишь примкнувшие к Интернационалу организации свободомыслящих. Вопрос о принадлежности к Интернационалу решается Исполкомом при согласии Конгресса с этим решением.

в) На каждые начинающиеся 10.000 членов, причисленных к Интернационалу и имеющих представителей на Конгрессе, приходится один голос. Члены Исполкома имеют на Конгрессе право голоса лишь в том случае, если они на него делегированы.

2. Исполком.

а) Исполком избирается Конгрессом, который при этом принимает в расчет отдельные страны и их особенности. Исполком состоит из председателя, заместителя его, секретаря (генерального секретаря) и шести членов (кандидатов).

б) Исполком выполняет, за исключением дней заседания Конгресса, лежащие на нем функции при условии последующего одобрения его мероприятий ближайшим Конгрессом.

в) Каждый присутствующий член Исполкома имеет один голос. При равном количестве голосов решает голос председателя. Он имеет решающее значение при наличии пяти членов.

г) Если члены Исполкома не протестуют, мнение членов Исполкома по отдельным вопросам может быть подано в письменном виде вне заседания.

3. Генеральный секретариат.

а) Генеральный секретарь избирается Конгрессом. В качестве секретаря он является членом Исполкома.

б) Генеральный секретариат имеет своей задачей вести все текущие дела, включать кассу, готовить материалы к Конгрессу и заседаниям Исполкома, заботиться о ведении печатного органа Интернационала, а в экстренных случаях действовать вместе с председателем, например, выпускать декларации от имени Интернационала. Он должен сообщать Конгрессу об организационном и финансовом положении, а также намечать порядок его работы.

В. Финансовый вопрос.

а) Для покрытия расходов, которые происходят из работ Интернационала, с примкнувших к Интернационалу организаций взимается взнос, который пока определяется в два золотых пфенига с каждого члена за год. Размер взноса определяется Конгрессом.

б) Расходы по делегированию на Конгресс несут на себе делегирующие организации. Расходы по Исполкому покрываются Интернационалом.

Г. Отношения с пролетарскими интернационалами.

Интернационал в единстве революционного пролетариата видит предпосылку успешного ведения как своей особой борьбы, так и общей классовой борьбы.

б) Поэтому он будет вступать в связь с пролетарскими интернационалами. Он рассчитывает на поддержку пролетарских партий, а равно и он будет поддерживать всякое выступление пролетарской партии, которое направлено к осуществлению требований о политическом, хозяйственном и духовном освобождении пролетариата.

в) Интернационал поэтому будет также осуществлять свободную критику по поводу всех событий в политической, хозяйственной и духовной жизни. Он требует от примкнувших к нему организаций свободомыслящих, чтобы они со всей тщательностью проводили в отдельных странах принятые решения. Содействие осуществлению единого фронта пролетариата всех стран будет составлять высшую задачу Интернационала.

**
*

Всего на декабрь 12 дня 1925 г. в Интернационал вошли следующие организации:

1. Общество пролетарских свободомыслящих Германии, Лейпциг.	120.000 членов.
2. Объединение польских свободомыслящих. Варшава.	1.000 »
3. Чешские свободомыслящие Австрии. Вена	600 »
4. Федерация коммунистических просветительных союзов. Прага.	14.000 »
5. Союз безбожников С. С. С. Р.	145.000 »
6. Союз пролетарских свободомыслящих чехо-слов. республики. Боденбах.	7.000 »
7. Союз пролетарских свободомыслящих Рейнской пров. и Вестфалии. Дюссельдорф.	23.000 »
8. Пролетарская Федерация Свободной мысли Басс-Ютц. Франция	600 »
9. Союз «Свободный дух». Вена	4.000 »
10. Союз свободомыслящих Австрии, Вена	100.000 »
11. Союз пролетарских свободомыслящих. Копенгаген.	—
12. Федерация свободомыслящих французской Швейцарии. Лозанна	—
13. Социалистический Союз. Бельгия. Брюссель.	—
14. Союз свободомыслящих Сев. Америки Чикаго	—
15. Научное общество «Атеист» Москва.	—

Предстоит обсуждение по вопросу о вступлении в Интернационал следующих организаций:

1. Obroda sdruzeni soc. dem. bezkonfesnich—Прага.
2. Obroda sdruzeni soc. dem. bezkonfesnich—Мораво-Острава.
3. Джюрдало Бруно. Италия.
4. Союз свободомыслящих в Англии.
5. Союз свободомыслящих в Нью-Йорке.
6. Союз свободомыслящих в Португалии.
7. Союз свободомыслящих Саарской области.
8. Французских организаций.

Отклонены вступления в Интернационал организации:

1. Немецкий Союз Мопистов. Гамбург.
2. Свободная мысль. Прага.
3. Бельгия—Брюссель.

4. Романская Швейцария—Генф.
5. Союз свободомыслящих «De Dageraad». Амстердам.
6. Отдельные французские организации.

**

12 и 13 декабря 1925 г. в Лейпциге состоялся Конгресс Интернационала.

В программе Конгресса особозначимыми, боевыми, были такие вопросы:

Принятие Устава Интернационала.

Сообщение Гартвига—Франция о парижском конгрессе Брюссельского Интернационала и выработка позиции Интернационала по вопросу о взаимоотношениях с ним.

Сообщения и доклады генерального секретаря относительно организационного и финансового положения Интернационала.

Сообщения делегатов о состоянии движения свободомыслящих в отдельных странах.

Программа действий Интернационала.

Общий обмен мнений относительно положения пролетариата в отдельных странах и позиция Интернационала.

Место и время ближайшего Конгресса.

Из богатой содержанием программы Съезда, следует отметить: создание широко задуманного плана действий, имющего главной целью установление энергичной и объединенной совместной работы всех примыкающих организаций; основание интернационального архива, установление связи с политическим и профсоюзным интернационалами; междугосударственные выступления; поддержка усилий, направленных к объединению всех пролетарских культурных движений во всех странах; наблюдение за политической деятельностью партий и печати; особое содействие атеистическому движению среди молодежи и т. д.

Конгресс в своих резолюциях высказался против подавления рабочего движения в ряде стран, против преследования атеистов, а также против белого террора, особенно в Болгарии и Румынии. Конгресс постановил обратиться к Коммунистическому и профсоюзному Интернационалам с приглашением немедленного созыва Конференции для обсуждения мер к защите угнетенного пролетариата в Италии. Затем Съезд выразил пролетарскую солидарность с народами Китая, Марокко и Сирии, борющимися за свое освобождение от европейского империализма.

Много времени Конгрессом было уделено сообщениям делегатов о положении атеистического движения, в особенности о позиции, занятой по отношению к нему некоторыми социалистическими партиями, и о положении пролетариата вообще и в отдельных странах.

Во всех сообщениях красной нитью выделялось следующее: повсюду пролетариат является жертвой буржуазной финансовой политики, а атеизм—предметом преследования со стороны клерикальных, реакционных правительств. Протестовал ли представитель Германии против «вознаграждения за потери» бывших императора, королей и других государей; жаловался ли представитель Чехо-Словакии на рост реакции в своей стране; говорил ли австрийский оратор о безработице в своей стране; о защите квартирантателей, о налоговом законодательстве или о постоянных преступных нарушениях австрийским правительством прав граждан, обеспеченных конституцией;— всюду, под разными именами и названиями, была одна и та же картина—несправедливости, насилия и угнетения пролетариата.

Ближайший Конгресс состоится в 1927 г. в Праге или в Москве.

**

Докладчиком на Конгрессе 12 декабря 1925 г. в Теплице по вопросу о практической программе был проф. Гартман.

Его программа работ, принятая Конгрессом за основу, имела такую идеологическую предпосылку:

«Со времени первого конгресса Интернационала пролетарских свободных мыслителей» (Тройца, 1925 г.) в Теплице, наметившего основные черты программных работ, дело объединения пролетарских организаций свободных мыслителей отдельных стран заметно продвинулось вперед. К дюжине заявивших о себе уже в Теплице организаций Германии, Австрии, Чехо-Словакии, России, Польши, Франции и Швейцарии—присоединились недавно Дания и Северная Америка, а Сербия—на пути к присоединению.

Все эти организации стоят на почве **революционной классовой борьбы**, и, следовательно, работают для поддержки общего социалистического движения. Свободная мысль, в ее пролетарской форме, не имеет ничего общего с туманными, оторванными от жизни, идеями, парящими над условиями места и времени и витающими в беспредельных областях человеческого духа; она—отражение, сопровождающее явление того социального переворота, какой мы переживаем.

Пролетарская свободная мысль проповедует свободу от предубеждений и предрассудков, противопоставляя ее «господствующим идеям господствующего класса». Мышление, свободное от предубеждений, нельзя понимать, как мышление, лишенное всяких предпосылок; такого не может быть вообще, так как всякая мысль обусловлена, и не только биологически (природной обстановкой), но и социологически (общественной средой). Мы мыслим не для того, чтобы философствовать, а для того, чтобы жить. Мысль—орудие и оружие в борьбе за существование. Мышление господствующего класса может довольствоваться **освещением, объяснением мира**; класс, стремящийся к власти, заинтересован в том, чтобы этот мир **преобразовать**. (Маркс).

В этом смысле мы, свободные мыслители-пролетарии, вполне и целиком примыкаем к марксизму, не к «марксистской догматике», как утверждают наши противники, а к марксистскому методу, который сам считает себя продуктом социального развития и уже поэтому противоположен по самой сущности своей всякому догматизму. Марксизм не есть нечто окаменелое и неподвижное. Он складывается и развивается, он растет органически, он **живет**. Марксистская мысль ведет от утопических порывов и стремлений к научному знанию и отсюда к освобождающей деятельности.

Это и нужно вечно подчеркивать в спорах с теми, по внешности столь терпимыми, «сверх»-свободными мыслителями, которые упрекают нас, свободных мыслителей пролетариата, в том, что мы, дес, просто хотим святого Августина заменить святым Марксом. **Без класса, стремящегося к власти, не может быть никакой классовой борьбы, а революционная идеология без революционной почвы, действенной основы,— совершенно бессмысленное понятие.** Пролетарские свободные мыслители вовсе не свободомыслящие болтуны салонов; они—агитаторы, они бойцы—на идеологических баррикадах!!!

Интернационал пролетарских свободных мыслителей считает своей специальной задачей борьбу с **отсталой буржуазной идеологией** пролетариата масс; его работа должна служить духовному освобождению пролетариата. Надо разбудить рабочих и от темного классового инстинкта привести их к ясному классовому сознанию. Самой могущественной союзницей для капиталистической реакции является свойственная массам вера в авторитет. Установившиеся порядки освящаются тысячелетней давностью, представляются чем-то нормальным, за-

конным, не вызывающим сомнений; почтение к буржуазному общественному строю входит, так сказать, в плоть и кровь эксплуатируемого рабочего; к тому же буржуазная классовая школа усердно работает над укреплением «священных» традиций.

В результате протестарнат привыкает признавать законность буржуазной диктатуры и испытывает что-то в роде угоров совести, когда начинает против эксплуататоров свою «беззаконную» войну.

Привилегии, преимущественные права — отличительный признак «доисторического периода в жизни человечества» (Маркс), в который входят эпохи рабства, крепостного состояния и наемного труда. Если мы хотим основать истинно-«человеческое» общество, мы должны устранить все привилегии; **это устранение возможно только при образовании бесклассового общества на основе социалистического потребления и хозяйства. Только** в нем исчезнет политическое, экономич. и культурное порабощение эксплуатируемого большинства эксплуатирующим меньшинством.

Это меньшинство может выдавать свою власть за законную и поддерживать ее только до тех пор, пока большинство не сознает своего классового положения. Поэтому господствующий класс, прежде всего заботится о том, чтобы воспитать в массах ту веру в авторитет, которая обеспечивает их добровольное повиновение, т.е. преклонение перед существующими законами.

Рабочий, уже обладающий классовым сознанием, не знает более такого преклонения: он насквозь видит весь сложный аппарат классового господства, сознает **незаконность буржуазной законности и законность пролетарского беззакония.**

Но такое сознание затемняется идейными промахами, теми пережитками некогда живых идеологий, какие сохраняются и оказывают влияние на пролетариат и до сих пор. Из этих продуктов отсталости и лениности мысли страшнее всего—**религия и национализм!** Над их поддержанием и укреплением работают две могущественные организации, находящиеся на службе у интересов господствующего класса; **это—церковь и школа!!!**

Для успешного развития революционного, пролетарского, классового сознания нужно всего победить эти недостатки, эту отсталость, отвлекающую пролетариат; и от борьбы за его земные интересы, и от интернационализма. **Пролетарские свободные мыслители ведут, поэтому, разом борьбу и против церкви, и против буржуазной школы.**

Для планомерного ведения этой войны необходимо, с одной стороны, обучать войска, подготовить бойцов, а с другой—придать фронту размеры интернациональные, международные.

**

В результате тезисов Гартвига, проработанных за сим на Конгрессе, выявилась практическая программа ежедневной работы организаций, входящих в этот Интернационал, в такой схеме. (Схема эта имеет быть особо проработана еще в дальнейшем среди членов Интернационала и в дальнейшем еще раз обсуждена на следующем Конгрессе Интернационала).

1. Составление списка докладчиков.

а) На основании собственных сведений, т.е. на основании сочинений реферата, или на основании тщательной информации известных политических организаций.

б) От отдельных местных групп должны посылаться точные сообщения об имевших место докладах, (с указанием города или страны).

при чем в этих сообщениях должно быть указано, как проявил себя докладчик во время дискуссии.

В) Докладчиков следует познакомить с целями и задачами нашей организации.

2. Список книг.

а) ЦК имеет в виду подвергнуть критической оценке все книги, которые он пускает в продажу или вообще распространяет, для чего создает кадр собственных книжных ревьюеров-инструкторов.

б) Местным группам следует сообщать свои соображения по поводу книг (относительно цены, трудности изложения) областным органам, а эти, в свою очередь, сообщают об этом в ЦК.

3. Организация докладов.

а) Для устранения беспорядочной корреспонденции—ЦК, по возможности, устанавливает очередь объединных докладов. На этот предмет ЦК необходимо наперед знать, какое время года и какой день недели являются наиболее предпочтительными для отдельных объединений по местным соображениям. В соответствии с этим составляется соответствующий план, порядок, (кадастр), докладов.

б) В этот кадастр записываются и уже имевшиеся доклады, а также и их результаты.

в) Местным группам дается примерная схема для составления и организации докладов.

г) При основании новых местных групп следует обратить внимание на то, чтобы этому предшествовала соответствующая подготовка.

д) Чрезвычайно важно установить, какого рода религиозную критику приходится вести среди той или иной народности. (См. приложен.).

4. Организация праздников.

При разговоре о пролетарских праздниках разумеется не суррогат религии или церкви, а сознательное построение коллективистической пролетарской культуры. Движение свободомыслия по всему своему характеру призвано к руководящей роли в этой области и поэтому именно оно в силах охватить пролетарские культурные организации и привлечь к активному сотрудничеству.

а) Семейные вечера. Их следует организовывать в рамках вечера развлечения, при чем, однако, развлечениям должно неизменно предшествовать краткое вступительное слово, подчеркивающее культурную миссию социалистической мысли. Рекомендуется поэтому приурочивать эти вечера к какому-нибудь памятной пролетарскому дню и всю программу приспособлять к этой памятке. Следует привлекать при устройстве этих вечеров пролетарских певцов, гимнастов, группы молодежи, детей и т. д.

б) Наречение (октябрьны?). Это торжество должно носить исключительно серьезный характер. Не стремясь разработать подробную церемонию этого праздника, мы рекомендуем соответствующее музыкальное введение (хор или оркестр), краткое слово, а затем произнесение пролетарских стихов, призванных подчеркнуть идею необходимости воспитать нового гражданина мира для классовой борьбы и, наконец, снова музыкальные номера. Следует избегать утомляющих длиннот для того, чтобы не ослабить впечатления.

в) Посвящения молодежи. И это торжество следует организовывать при содействии других пролетарских организаций. Наиболее подходящим моментом следует считать школьные каникулы или время вступления подростков в хозяйственную жизнь. Посвящения юношества могут быть связаны с семейными вечерами, при чем не следует забывать во вступительном слове подчеркнуть, что юнога отныне становится в ряды борцов и получает почетный титул «товарища».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В № 1 журнала «Атеист» Н. Румянцев поместил статейку—«666» (попытка решения апокалиптической загадки).

Уже самое заглавие—«попытка решения» и «загадки» обнаруживает добрую буржуазность автора, как писателя. Ибо он себя ставит в ряд ряд прочих «тонких исследователей» «слова божия» и пр., видевших, естественно, в каждом слове «Апокалипсиса» глубокомысленную тайну, а не просто безграмотный и сфальцифицированный наглами отцами церкви и псевдосвященными церковниками перевод.

Суть статьи Н. Румянцева, если откинуть преты, которых, как говорит коллега Н. Румянцева, Калхас, достаточно, сводится к следующему:

Разные исследователи в разное время старались угадать, о каком звере-императоре говорится в главе XIII «Апокалипсиса», полагая, что слова—«кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое—число это 666 (вернее, х-ке-з).—как это переведено церковно-славянскими комментаторами, относится именно к имени жестокого императора. Способ, которым они находили «отгадку», состоял в том, что они подставляли вместо букв имени разных императоров числа, складывали и старались получить сумму, равную 666. Обыкновенно (почти всегда и особенно, когда по времени император как раз подходил), как это и должно быть по теории вероятностей, 666 не выходило, и они совершали какую-нибудь подтасовку или перестановку букв, необходимые для того, чтобы вышло 666. Таким образом одни «нашли» Перона, всего только написав его имя по еврейски (среди греческого текста); другие «нашли» здесь имя императора (вместо его имени)—латинский, для чего нужно было испортить слово на одну букву; третьи изменили число на 616 (буквы х-ке-з—самые непрочные), и вышло—Каллигула, с прибавлением за одно и его звание.

Сам автор не сомневался ни с одним из этих решений не по той причине, что ни одно из них не обошлось без «подделки» текста «отгадочками» и притягивания за волосы к желанному моменту, к определенному заранее императору, что всегда бывает в гаданиях (напр., в спиритизме), но потому, что автор «нашел» другую «отгадку».

Сначала это был император Галл (именно 253 год), для чего нужно было только эллинизировать имя на одну букву, но, так как автор хочет, чтобы апокалипсис был написан до 250 года эры (ср. Н. А. Морозов «Христос»), то он стал искать другую отгадку и «нашел» Перву, для чего нужно было прибавить только две буквы перед именем императора—К. К. Это К. К. спасло положение.

Впрочем этот император правил в 97—98 году. Очевидно, способ исследования у автора статейки совершенно такой же, как и у его предшественников (и результаты те же). Но есть, однако, разница: прежние, особенно первые, искали и находили, напр., императора Паллолеона, Александра I и Петра I—раскольники, Екатерину II—апокалиптическую протитутку и т. д. и т. д.,—того императора, при котором должно быть

«второе пришествие». Автор заметки ищет императора, при котором Апокалипсис был написан (он даже не согласен на воспоминания о прошлом). Но при этом автор не согласен с последним исследованным этого вопроса П. А. Морозовым, в котором точно установлен год написания книги. Плак, автор своей «отгадки» в конце побивает математику незапроверенную Нулковской обсерваторией. Удивительно, — он боится, что у него нет смелости, чтобы ее принять. Какал же еще смелость!

Остальное — «цветы».

13 глава «откровения» или правильнее «открытия» истина Иоанну Хризостому или Златоусту в 395 году нашей эры 30 сентября — просто плохой перевод с греческого подлинника, проверенного (поверхностно) П. А. Морозовым и др. и точно использованного нами в тексте (а не в переводах!). Вообще все это «окрыше истины в грозе и буре» на острове Патмосе — зашифрованная эзоповская картина современной Иоанну Златоусту Константинопольской восточной Римской Империи, т. е. империи 395 года (т. е. через 30 лет после казни Василия Великого) и включает, как и всякий миф три стороны:

1) природную — факт внешней природы-материи, в данном случае грозу и слабость человека, отделенного на острове от жизни других людей и силу его самосознания;

2) историческую — факт исторический, — в данном случае классовую борьбу аристов и оригенитов, к коим принадлежит, — к этой религии рабов-земледельцев и пролетариев-ремесленников Иоанн Хризостом и принадлежал Василий Великий (Великий царь Иудейский), т. е. в эпоху реформации в Азии вождь восставших крестьян и беглых рабов;

3) социологическую — жизненную часть — противопоставление классов империи (зверь), торгового капитала (дракона) и проститутки-церкви николаитов (или Николая Мирликийского, так наз. Николая Угодника, ударившего Арию на соборе «в морду»), противопоставление этому миру: 1) природы и 2) жизни, согласной с законами природы — трудовой общины галилеян в Малой Азии и других последователей истины, Иегошуа — Иисуса, вообще трудящихся. Не надо забывать, что дело происходит во время реформации!

Во все реформации, во времена Гуса и Савонаролы, в крестьянские войны в Германии, в эпоху раскола в Москве, т. е. при падении феодализма, — наблюдалась всегда одна и та же оценка жизни.

Император — зверь; церковь, его поддерживающая, — проститутка; капитал — змея, дракон и т. л. В всякий раз в такие эпохи борьбы против податей вспоминался и «воскресал» Апокалипсис, опять начинались разговоры о скором пришествии царства кетиши; «второго христа» и пр., т. е. классовой победы над феодализмом, империей, капиталом.

В этом сущность классовой борьбы в эпоху реформации. Борьба ведется против церкви, церковного землевладения (церкви принадлежит $\frac{3}{4}$ пашии) и против зверя-императора и его войска, поставленного торгующими (капиталом) и за освобождение от цензуры церкви — «гуманизм». Метод борьбы — церковный метод, т. е. «секта», «ересь» и т. д. «Секта», «ересь» — единственная возможная тогда политическая партия.

Никакой загадки это «открытие истины» не в одном месте не содержит; пока нет непонимания текста. Впрочем, загадки всегда бывают, как и боги, только от непонимания. Не касаясь поверхностного в исторической части перевода П. А. Морозова, который, как биолог, увлечет астрономической частью книги Иоанна Хризостома, и основываясь совершенно всякие предположения автора настоящие заметки, основанные на церковных толкованиях и добавлениях, напр., — что эта книга должна содержать какое-то иное пророчество, кроме указания на неизбежность политического переворота в Империи 395 года, т. е. на реформацию — на-

дение феодализма, и угрозы нападения особенно подчиненных варваров, т.е. наших ограбленных Римом и Византией предков славян и германцев, т.е. так наз. Великого переселения народов, или что под числом 666 должно скрываться имя непременно современного автору какого-то «особенно жестокого» императора и пр., и пр.,—откинув все это, глава XIV в русском переводе с подлинника вкратце может быть изложена так:

1) Я стоял на берегу моря и увидел выходящую из-за моря тучу в виде зверя с семью приблизительно (или больше) головами с рогами на них, в общем с десятью коронами,—десятью императорами.

2) Непонимающим скажу, что зверь—барс с медвежьими ногами и львиной головой (смотри карту!). Сила этого зверя—Империи от капитала (дракона).

3) Императору поклоняются, завися от капитала-дракона.

4) Император—глава феодального мира. Но один из десяти императоров (последний) поражен.

5) Он царствовал 42 месяца.

6) И успел заключить договор с Николаитской церковью.

7) И одержал с нею победу над общинами галилеян.

8) Потому что все негалилеяне на его стороне.

9) Теперь, мне кажется, всем понятно, о ком я говорю. И всякий выберет или тот, или другой из этих двух путей.

10) Но власть эта—всего только насилье, а насилье мечом или рублем приводит к обратным результатам.

11) Другой зверь-дракон—капитал—на вид мирный (ягненок), но действует мечом через империю.

12) Для этого служит культура.

13) И в культуре-декорации—соблазн для людей.

14) Капитал—форма культуры—душа империи.

15) Все на службе у империи.

16) Монополия обмена в руках капитала и империи. В этом секрет богатства.

17) А хитрость государства в том, что число войска императора мерится податным рублем, идущим на содержание войска. Сочти это число и все понятно, подати дадут на войско 666 миллионов сестерций, заплаченные земледельцу провинций за хлеб за бесценнок и отданные для нужд императору.

Ср. Глава 6.

Кварты пшеницы за рабочий день или три кварты ячменя за рабочий день!

Смысл миллионов сестерций ясен! Очевидно из текста, никакое имя «императора» здесь не при чем.

Хочу обратить внимание редакции на то, что вообще «догадки» не социологического и вообще ненаучного характера, предназначенные для послеобеденного чтения мирных буржуа и написанные тоже мирными и не слишком смелыми исследователями, кажется, являются в наше время анахронизмом, ибо мы пережили уже эпоху реформаций со всеми ее чудесами.

Борис Гласко.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АПОКАЛИПСИСЕ ИЛИ ПОПЫТКА ОТВЕТА НА ОДНУ «КРИТИКУ».

I. На скамье подсудимых.

Наша небольшая работа на узко-специальную, «апокалиптическую» тему, вопреки нашему ожиданию, обратила на себя внимание и даже вызвала резкую отрицательную критику со стороны некоего В. Гласко.

Говорят, что по тому, как начинается свою критику критик, можно отчасти заранее уже судить, каков или кто он в смысле научного удельного веса. Попробуем и мы взвесить нашего критика.

«В № 1 журнала «Атеист»,—так начинает он,—Н. Румянцев поместил статью «666» (попытка решения апокалиптической загадки»).

Уже самое заглавие—«попытка решения» и «загадки» обнаруживает добрую буржуазность автора, как писателя. Ибо он себя ставит этим заглавием в ряд прочих «тонких исследователей» «слова божия» и пр., видевших, естественно, в каждом слове «Апокалипсиса» глубокомыслие и тайну, а не просто безграмотный и сфальсифицированный наглými отцами церкви и невежественными церковниками—перевод.

Суть статьи Н. Румянцева, если откинуть цветы, которых, как говорит коллега Н. Румянцева Калхас, достаточно, сводится к следующему...

Начало—довольно легковесное, чтобы не сказать больше, а по части логики—и прямо смешное.

Ввести подзаголовок (не заглавие!)—«попытка решения»—нам диктовала только и только научная добросовестность: мы хорошо сознавали и сознаем, что нельзя говорить об окончательном решении сложного вопроса об апокалипсисе, выхватывая из него только отдельные моменты, хотя бы даже и существенные.

Не может наш критик ополчаться на нас и за то, что «666» и др. мы назвали загадкой. В этом нашем «буржуазном» предрассудке виноват отчасти он сам, виноват тем, что не удосужился или не пожелал до сих пор познакомиться научный мир и нас, рядовых читателей, со своим открытием и взглядами по данному вопросу. Обнаружу он их раньше, кто знает, может быть, как одно из маленьких следствий, и мы лично сочли бы отныне весь апокалипсис уже раз'ясненным и не таящим в себе никаких «загадок».

Что же касается того, что из одних только трех, не поправившихся ему, словечек нашего подзаголовка (не заглавия) статьи он «уже» делает вывод о нашей «доброй буржуазности», так это только свидетельствует о неблагополучии у него по части логики, а нам напоминает того пресловутого цензора, который, говорят, однажды не пропустил в печать простого научного исследования об ядовитых грибах, усмотрев здесь попытку или скрытое желание подорвать церковное учение о посте, а значит, и христианскую веру.

После всего этого неудивительно, что В. Гласко не только находит у нас «цветы», но и зачисляет в коллеги нам (мифического) Калхаса, очевидно, забывая, что мифология—вещь обидоострая и что такому «критику» мы могли бы там же указать и его коллегу и тоже с оконча-

ним имени на «ас»⁴⁾. Мы такого указания ему помощи не делаем, пусть он не сетует, если, быть может, мы, следуя его же примеру (худшие примеры заразительны!), порой и выразимся решимее, чем хотелось бы.

Заключив в коллегии нам Калхаса, критик пересказывает дальше, не всегда точно, нашу историю вопроса и отмечает, что мы не согласны ни с одним из предыдущих решений «666»

«не по той причине, что в них не обошлось дело без подделки текста «отгадывками» и притягивания за волосы к желанному моменту, к определенному заранее императору, что всегда бывает в гаданиях (шар., в спиритизме), но потому, что автор, «панель» другую «отгадку».

Смеем уверить нашего специалиста по спиритизму, что не потому. Мы говорили в самой статье и повторяем еще раз, что на несогласие нас вынуждали следующие обстоятельства: 1) невозможность отнесения даты написания апокалипсиса к эпохе позднее середины II века, с таковой середины уже начинают попадаться в раннехристианской литературе намеки и прямые указания на наш апокалипсис; 2) наличие намеков в нем на странное преследование евреев римской императорской властью, могущее быть связанным, по нашему мнению, лишь с первым или вторым большими восстаниями-войнами евреев против римлян, т.-е. между 70 и 135 г.г.; 3) невозможность приурочить дату к 70 г., так как, скажем теперь, — книга Даниила в той части, каковая была переползована автором (или авторами) апокалипсиса, была написана **вскоре после 70 г.**⁵⁾; 4) ранне-христианская литература **смутно** указывает на самый конец 1 века; 5) безусловная достоверность расшифровки «666» предыдущими исследователями; 6) намеки в апокалипсисе на события, современные Траяну.

Вместо того, чтобы приписывать нам то, что нами не руководило, критик лучше бы сделал, если бы показал и доказал, что мы ошиблись в этих пунктах, а они еще далеко не все здесь. Он этого не сделал, а просто ссылается на подделку апокалиптического текста «отгадывками», наличие чего (м. б. в меньшей степени, чем критик) не отрицали и мы сами.

Далее, В. Гласко переходит к передаче нашего толкования «666» и говорит:

«Сначала (у нас Р.) это был император Галл (вместо 353 год), для чего нужно было только эллицизировать (т.-е. переделать на греческий лад. Р.) имя на одну букву, но, так как автор хочет, чтобы апокалипсис был написан до 250 года эры (ср. П. Морозов—«Христос»), то он стал искать другую отгадку и «панель» Перлу, для чего нужно было прибавить только две буквы перед именем императора—К. К. Это К. К. спасло положение».

В этих словах не все благополучно.

Прежде всего отметим, что эллицизировать имя Галла ни на одну букву нам не требовалось, так как это еще до нас, в свое время, предделали сами греки и говорившие по-гречески. Сам критик, выставивший себя знающим греческий язык, должен был бы знать, что автор апокалипсиса, раз он писал по-гречески, должен был все римские имена мыслить себе в эллицизированной форме.

Далее, критик напрасно приписывает нам желание во что бы то ни стало считать апокалипсис написанным ранее 250 года. Смеем его уверить, что по простому желанию, а факты, в лице раннехристианской литературы, заставляли нас не заходить за середину II века. Если бы дело

⁴⁾ Автор, повидному, имеет в виду Мидаса, изображавшегося с ослиными ушами. Прим. от редакции.

⁵⁾ См. E. Hertlein—„Der Daniel der Römerzeit“, 1908.

каждое, только нашего извращения, то нам, наоборот, была бы ждательнее эпоха. У нас же так как тогда вопрос о дате и поводе к написанию апокалипсиса решался еще, покалуй, еще проще: как отзвук гонения на христиан при Декии. Гонения, кое мы считаем первым, историческим временем. Но факты, факты (ядовитая штука—факты!),—против них, как против рождка, не попрешь.

Наконец, по словам критика, положение наше спасли два «К. К. К.» кон для этого пришлось прибавить к имени Нервы, чтобы получить число «666».

Почему они его так удивляют? Ведь, это не с потолка взятые буквы, а инициалы звания и второго имени Нервы: Кесаря (цезаря) К-онцев. Неужели для нашего критика, знающего греческий и, повидимому, латинский языки, неизвестно, что в античную эпоху (да и теперь еще), особенно в надписях и на монетах, а порой и в литературных памятниках, звание и имена (у римлян ведь их было по три) многих лиц, в том числе и императоров, писалось сокращенно: только начальныи буквы? Если это ему неизвестно, то пусть взглянет хоть раз в сборники греческих и римских надписей, а также в труды по античной нумизматике (наука о монетах).

«Впрочем,—продолжает наш критик,—этот император (т.е. Нерва) правил в 97—98 году. Очевидно, слобод исследованием у автора статьи совершенно такой же, как и у его предшественника *Эв* (я результаты те же). Но есть, однако, разница: предшис, особенно первые, искажи и находили, напр., императора Наполеона, Александра I и Петра I раскольники, Екатерину II—апокалиптическую проститутку и т. д., а т. д. того императора, при котором должно быть «второе пришествие»,—автор заметки ищет императора, при котором апокалипсисе был написан (он даже не согласен на вспоминания о прошлом).

Не согласен! Хуже того, мы не согласны даже на «второе пришествие» христа. Критик все это ставит нам в счет. Почему?—это скоро выяснится, а пока же заметим, что нами руководило здесь не обстоятельство, что автор апокалипсиса, по нашему, еще не опровергнутому критиком, мнению, ни о какой земной жизни Иисуса еще не знает: эта «история» или миф о христе был создан, сфабрикован только впоследствии, во второй половине II века, когда было написано первое, а, значит, и самое древнее наше евангелие—Марка. В таком случае, апокалиптик мог ждать только первого пришествия христа, а не второго. Этого, первого, пришествия он и ждал, ждал вскоре: еще при жизни своей и правившего тогда императора. Кто хоть раз вдумчиво прочел апокалипсисы Иоанна и Даниила, тот видит, что они написаны под непосредственным влиянием современных автору событий,—что не отрицает дальше (в отношении нашего апокалипсиса) сам критик, а не по воспоминаниям о прошлом.

До сих пор, прочитывая и разбирая «критику» Б. Глазко, мы тщетно ждали с его стороны настоящего, делового разбора нашей статьи. Больше того, на всем протяжении ее то ярко выступает, то «сводит какое-то неприязненное, почти враждебное чувство. В чем дело, в чем мы провинились пред нашим критиком, какова его точка зрения по всем, затронутым нами в статье, вопросам,—над этим мы тщетно ломали голову.

Секрет этого нам открывается только теперь,—в непосредственно следующих за вышеприведенными словами.

Итак, в чем же наша вина?

«Но при этом,—негодует наш критик,—автор не согласен с последним исследованием этого вопроса Н. А. Морозовым, в котором точно установлен год написания книги. Итак, автор своей «отгадкой» в конц побивает математичу неба, проверенную Пулковской обсерваторией. Удивительно,—он говорит, что у него нет смелости, чтобы ее принять. Какая же еще смелость?

Остальное—«цветы».

Мы идем обратным порядком: сначала показали «цветы», а потом уже покажем «ягодки» самого критика.

Наконец-то нам вручен обвинительный акт, акт такой, что, будь теперь Средневековье, не мяновать бы нам инквизиции и «обскакровной» отправки к праотцам.

Действительно, не согласиться с последним исследованием пеногрешимого, как римский папа (да простит нам это выражение Н. Ал.), Н. А. Морозова, где точно установлена дата написания апокалипсиса (предерзость!), убить (уголовщина!) математику леба (кощунство!), да при том еще проверенную Пулковской обсерваторией (крайнее неверие!). — за такие вещи не только костра, но и колесования или четвертования мало, а мы еще обижались на неприятный тон нашего критика. Оказывается, он еще настоящий агнец, само воплощение долготерпения, милосердия и кротости. Умилительно!

Однако, как ни умилительно, а защищаться-то надо, иначе.... «горе побежденным».

Самозащиту свою мы начнем (погибать, так с треском) с предерзостной фактической поправки. Никакого «последнего» исследования этого вопроса Н. А. Морозовым не было: было только одно — «Откровение в грозе и буре», выпущенное первым изданием в 1907 г., а третьим — в 1910 г. В 1914 г. вышли его «Пророки», а в 1924 г. — первый том «Христа», где автор только в виде «пролога» просто пересказывает и резюмирует основные изъяснения, доводы и выводы своего «Откровения»; новых он не приводит.

Если же мы здесь, быть может, неправильно поняли нашего критика (выразился он туманно) и оп словечком «последнее» хотел сказать, что вообще после «Откровения» Морозова книг по вопросу об апокалипсисе не появлялось, то это было бы еще хуже: такие исследования выходили: чтобы не быть голословными, мы назовем, хотя бы, несколько авторов: в Англии — Чарльз, в Германии — Болл, во Франции — Кушу и Луази, и др.

Теперь к сути обвинения, первая часть коего гласит, как мы видели, так:

«Автор (т.е. наша еретическая персона, Р.) не согласен с последним исследованием этого вопроса Н. А. Морозовым, в котором (очевидно, в исследовании, а не в Морозове, Р.) точно установлен год написания книги» (т.е. апокалипсиса).

Критик прибегает здесь к ловкому маневру: выдвигает против нас Н. Морозова с его трудом — «Откровением в грозе и буре» и др.: о небесной математике и Пулковской обсерватории мы уж не говорим. Не скрываем, что этим он ставит нас в невыгодное положение: он предлагает нам в узких рамках нашего ответа подвергнуть критике (дело стоит именно так) целое и не малое исследование, с целым рядом доводов, порой — узко специальных, к тому же, принадлежащее лицу, коего мы всегда уважали и уважаем, как революционного борца, как светлого мыслителя, как глупобокого и пезависимого ученого и просто как человека.

Не рассчитывая на то, что наш критик посчитается с этим и не обвинит нас в собственноручной росписке в бессилии, а также отбрасывая личные моменты и помня, что «большой мне друг — Платон, но еще больший друг — истина», мы приступаем к делу, при чем берем, конечно, только основные доводы Н. Морозова. Своей задачей мы ставим: показать, почему мы с ним несогласны, а его изъяснения не можем считать единственно-научно-примлемыми. В связи с этим отмечаем, что все апокалиптические цитаты мы всегда сверяем с греческим подлинником и некоторыми специальными (научными) иностранными переводами.

Итак!

II. Самозащита или разбор «Откровения в грозе и буре». II. Морозова.

1. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ПЕРВОГО ОСНОВНОГО ДОВОДА ИЛИ ЧТО ТАКОЕ «ЖЕНА, ОДЕТАЯ В СОЛНЦЕ».

Исходным пунктом своим II. Морозов берет XII главу апокалипсиса, точнее, следующие ее слова, приводимые нами в его переводе, с опущением некоторых его пояснений:

«И появилось на небе новое знамение великое и чудное: женщина, одетая солнцем. Внизу ног ее была луна, а над головой ее (висел) венок из двенадцати звезд (созвездие Волос Вереники). Она была беременна и рыдала, как от мучения, сопрвождающих роды» (1—2).

Из этих слов, а также из стиха 14 («были даны ей—женщине—два крыла большого орла») II. Морозов делает тройной вывод: 1) «женщина»—созвездие Девы; 2) в этом созвездии в момент наблюдений апокалиптика действительно находилось солнце; 3) в нем же и тогда же находилась луна. Применяя далее ряд астрономических соображений и вычислений, он не только подкрепляет этот вывод, но и дает нам еще более точные указания.

«Из главы 12-й «откровения»,—говорит он,—где говорится о «женщине, одетой солнцем, внизу ног которой была луна», видно, что солнце в это время находилось в созвездии Девы. Другой женщины нет среди созвездий зодиака. Дальнейшие главы говорят, что в этот день было поволение (острый серп, зашедший вперед за солнцем, в гл. 14, ст. 15 и другие места). Следовательно, и солнце было в нижней части ног Девы, около ее бедра, приблизительно, под звездочкой и-Девы... Нам нужно прежде всего определить, какого числа по Юлианскому исчислению солнце находилось ежегодно под той же звездочкой и-Девы в первые века нашей эры. Этим я прежде всего занялся и определил, что тогда оно было в этой самой точке неба ежегодно около 30 сентября по Юлианскому стилю.

Таков наш исходный пункт.

Значит, дело происходило осенью около 30 сентября. Это указывается не только положением солнца в Деве, но также и другими местами рассматриваемой книги. Например, в конце главы 14-й говорится, что тогда созрел уже виноград». (II. Морозов—«Откровение», стр. 136—137; цитируем всюду по 3 изд. 1910 г.).

Это—относительно солнца, теперь—относительно луны.

В «4 удостоверении» он пишет так:

«О луне сказано в главе 12 совершенно определенно и притом без всяких иносказаний. Там прямо говорится, что внизу ног Девы была луна. Это указывает на новолуние в тот же самый день 30 сентября 395 года, потому что луна движется очень быстро и проходит в сутки около $13\frac{1}{2}\%$, а солнце, по дальнейшим указаниям, находилось в это время уже в бедре Девы. Даже в самый момент новолуния можно было сказать, что луна находилась «внизу ног» Девы, так как по склонению она была действительно в нижней их части по направлению к горизонту.

Это сразу дает нам разгадку некоторых темных выражений, находящихся в двух местах апокалипсиса.

Когда я в первый раз прочел в конце главы шестой фразу: «и солнце стало мрачно, как волосной мешок», а луна (темная по причине новолуния) еся пеликом, как кровавое пятно», и «звезды небесные попадали на землю»,—мне сразу пришло в голову, что здесь говорится о солнечном затмении. К тому же самому заключению приводил и конец главы восьмой, где говорится: «и поражена была третья часть солнца, и третья часть луны» («Откровение», стр. 151—153).

На основании этих указаний и путем астрономических вычислений II. Морозов находит, что, действительно, вечером 30 сентября 395 года имело место кольцеобразное солнечное затмение, проходившее (т.-е. видимое) через... Южную Америку. Этого-то затмения,—по его словам,—и ждал автор апокалипсиса весь тот день и для того то он и вышел на берег Патмоса.

Чтобы легче было оперировать со всеми этими данными, разберемся и освободимся сначала от мелочей.— косвенных подтверждений.

Прежде всего, Н. Морозов находит намек на поволжские в «остром серпе» 14 гл. 15 ст. Возьмем все соответствующее место апокалипсиса в переводе самого же Н. Морозова:

«Я взглянул (на запад), и вот там светлое облако, а на облаке сидит (блуждающее солнце) подобие Сына Человеческого, с золотым венцом (лучей) на своей голове и с острым серпом (новорожденной луны) в руке.

И другой (легкий, облачный) вестник вышел из жилища (бога неба) и воскликнул громким голосом сидящему на облаке:

— Опусть свой серп и соверши жатву. Наступило ее время, потому что ижевица созрела на пашне (за которой заходила серповидная луна).

И опустив сидящий на облаке свой серп—луну на землю, а на земле была уже совершена жатва.

И иного рода вестник (созвездие Волопаса) вышел из жилища бога на небе тоже, острым серпом в руке, а еще другой вестник, имеющий власть над огнем, пришел (в виде тучки, окрашенной зарей в огненные цвета) от (созвездия) Жертвенника и закричал он громким голосом вестнику с серпом (спускавшемуся за виноградником Волопаса):

— Опусть свой острый серп и обрежь грозды винограда на земле, потому что они созрели.

И опустив вестник свой серп на землю, и (как бы) срезал на поле кисти винограда, и бросил его в великое корыто божьего гнева... и потоптал (ногами) корыто, находящееся вне обитаемого места (за окраиной земли), и разлилась через край крови (вечерней зари) из корыта (горизонта) на тысячу шестьсот стадий до самых Конских Узд (группа звезд в созвездии Возничего)» («Откровение», стр. 93—95).

В скобки здесь мы заключили все то, что находится в скобках у самого автора, а также его пояснительные вставки, напечатанные особым шрифтом.

Что это место надо понимать астрально (как и многое в апокалипсисе),—с этим мы соглашались раньше, согласны и теперь. Но...

Мы не можем согласиться видеть в серпе подобия Сына Человеческого—серп новорожденной луны. В этой картине фигурируют два серпа: только что упомянутый и серп в руке второго вестника,—якобы, звездного Волопаса. Почему Н. Морозов непоследователен: не ищет первого серпа тоже среди созвездий? А таковой серп есть, и даже не один.

Соглашаясь с ним, что один из апокалиптических серпов принадлежит Волопасу, мы указываем другой, тоже, конечно, известный автору, серп—в руке звездного Персея. Римский астролог Манний определенно отмечает: «Персей с серпом» («Perseus cum falce»). Мы идем еще дальше и утверждаем, что этот Персей с серпом фигурирует в разбираемой нами апокалиптической картине в лице второго вестника с серпом, т.-е. в лице того, в коем Н. Морозов, по нашему, ошибочно признал Волопаса.

Основания наши таковы: в стихах, где говорится о втором вестнике с серпом и о срезании им винограда, упоминаются: 1) сам этот вестник с серпом (по нашему—Персей, а не Волопас); 2) вестник, имеющий власть над огнем и пришедший от Жертвенника; 3) кровь до 4) Конских Узд.

Посмотрите на прилагаемые Морозовым рисунки 47 («Откровение», стр. 95; «Христос», стр. 41) и звездную карту и увидите, что на них рядом находится Персей с серпом (о мече у нас дальше) и Конские Узды (в руках Возничего); от Персея к последним тянется струя Млечного Пути (играющего иногда в астралитике роль потока крови).

А огонь с Жертвенником?

Древние астрологические тексты определенно говорят, что звездный Персей и его серп астрально связаны как раз со звездным пылающим Жертвенником. Связь эта видна, хотя бы, из слов древнего астролога Фирмика, что паранателонтами (т.-е. восходящими одновременно, со-

предшествующими) в знак Водолея являются: часть последнего, **Серп (Персея)**, Волк, Заяц, Малый Водолей и **Жертвенник**³⁾.

Все эти данные говорят за то, что мы правы, считая второго пастуха с серпом именно Персеем, а не Волопасом.—как это утверждает Морозов. Возможное возражение, что в руках Персея находится собственно или обычно не серп, а меч мы отводим указанием, что соответствующее латинское слово—«фалькс» («falx»—у Минциана, Фирмилиа и Гиншарха) означает сначала «серп» и только потом—«кривой меч»; далее, что стоящее в греческом подлиннике апокалипсисе слово «древанон» первоначально и серп, и кривой меч.

Кто же в таком случае «подобный сыну человеческому», с серпом в руке, в коих Морозов видит заходящее солнце и серп новорожденной луны?

Если основываться на «серпе» и если учесть, что в данной сцене с двумя серпами мы еще не нашли Волопаса с его несомненным серпом, то само собой напрашивается подозрение, что именно он то и символизирует здесь «подобного сыну человеческому». Подтверждение этому мы находим, напр., в XII главе, где говорится о сыне «Женщины», т.е. Девы, что ему «надлежит пасти все народы железом железным». «Подобие сына человеческого» и сын Девы в апокалипсисе—одна и та же личность: мессия, спаситель, христос, Иисус. Он должен будет быть пастухом, пасти народы железом железным. Звездный Волопас (пастух волов, быков) на всех астрономических картах тоже изображается в виде и в качестве пастуха с палкой, посохом, железом в руке (в железный он превратился под влиянием псалма 2, 8—9); при некоторой доле воображения (а его у апокалиптика достаточно) даже венец «подобия сына чел.» можно усмотреть в шапке Волопаса.

Отметим еще, что серп рисовался также в руке одного из двух Ближнецов (см. рис. в—«Христе», стр. 347), но разбирать его пригодность здесь было бы долго, почему мы на нем не останавливаемся.

Итак, по нашему, в конце XIV главы никакого указания на серп новорожденной луны нет, а имеется в виду серп в руке Волопаса. Это—одно.

Другое касается утверждения Морозова, что указываемое здесь же, в конце XIV главы, срезание созревшего винограда надо понимать буквально и что оно подтверждает найденный им месяц сентябрь. Мы несогласны и с этим.

Приведем еще раз в его же переводе стихи 15—16:

«И другой вестник вышел из жилища и воскликнул громким голосом сидящему на облаке: опусть свой серп и соверши жатву. Наступило ее время, потому что пшеница созрела на пашле.

И опустя сидящий на облаке свой серп на землю, а на земле была уже (!) совершена (!) жатва».

Последние слова совсем не вяжутся с предшествующим предложением совершить жатву; так апокалиптик писать не мог, не противореча себе. Проверим по греческому подлиннику и видим следующее:

«Пусть серп твой и пожни, так как пришло для тебя («σοί»=тебе, для тебя) время жатвы, ибо созрела жатва земли. И брося сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была поката».

Как видим, не «а на земле была уже совершена жатва», а просто: «и земля была поката». Кем или чем? Серпом сидящего на облаке. Затем, ни о какой пшенице нет ни слова, да и под «ге»—землей едва ли можно здесь понимать «пашню». Сопоставляя все это с дальнейшими

³⁾ См. F. Boll—„Sphera“, стр. 408: 1903 г.

словами о срезании винограда и об огромном потоке крови, мы считаем, что в обоих случаях речь идет не о жатве и уборке винограда в прямом смысле, а о бедствиях, насылаемых на землю, при чем образы или символы их частично заимствованы апокалиптиком из ветхозаветных книг Исаии, Даниила и друг.

Больше того, понятно, почему апокалиптик вывел здесь эти образы: звездный Волоспас находится рядом и астрально связан с созвездием Девы, изображавшейся с хлебными колосьями в руках и считавшейся также богиней хлеба; знак ее в астрологии именовался «домом хлеба», а месяц считался (но не везде был!) месяцем жатвы. Далее, в созвездии Девы находится также звездочка—«Виноградница», при чем Дева и Волоспас астрально связаны со звездным Персеем с серпом (диаметральный аспект, т.-е. друг против друга).

Становится понятным также, почему П. А. Морозов перевел текст именно так, т.-е. с «пшеницей», «пашней» и «уже созревшей жатвой». «Пшеница» и «пашня» придавали картине характер реальности, действительного факта жатвы, а «уже совершенная жатва» спасала его от возможного указания, что, в таком случае, апокалиптик созерцал свои видения в момент окончательного созревания хлебов в поле и жатвы, т.-е. **не позднее начала июня.**

В Палестине, например, по климату и пр. мало отличающейся от Малой Азии, пшеница созревала последней из хлебов и жатва ее заканчивалась в начале июня месяца (уборка винограда начиналась в сентябре и заканчивалась к половине октября), каковое окончание **всей** жатвы и отмечалось у евреев праздником пятидесятницы. Следовательно, не сделай Н. А. Морозов этого «уже совершенна», месяц июнь подорвал бы, если не убил, кредит 30 сентября и вообще истолкования картины.

В силу всего этого мы считаем и ссылку на созревание винограда несостоятельной и ничего не говорящей в пользу его даты—30 сентября.

Третье указание Морозова—на солнечное затмение—мы не можем признать обязательно говорящим о солнечном кольцеобразном затмении 30 сентября 395 г., но так как вопрос о нем неразрывно связан с образом одетой в солнце женщины XII главы, то мы обратимся теперь к рассмотрению ее самое.

Приведем еще раз соответствующее место в переводе Н. Морозова.

«И появилось на небе знамение великое и чудное: женщина, одетая солнцем. Внизу ног ее была луна, а над головой ее (висел) венок из двенадцати звезд (созвездие Волос Вереники)».

Напомним, что отсюда, а также на основании ряда вычислений он выводит, что женщина эта—созвездие Девы, что в нем в момент наблюдения апокалиптики (т.-е. 30 сентября 395 г.) действительно находилось солнце, и что в нем же и тогда же находилась луна.

Проверим его перевод по подлинному, где видим следующее:

«И явился на небе знамение великое: женщина, одетая в солнце; луна **внизу**—под ногами ее, а на голове ее венец из двенадцати звезд».

Как видим, разница есть.

Во-первых, оказывается, что венец у женщины на голове («epi tês kerhalès»), а не над головой; значит, Волосы Вереники не при чем.

Во-вторых, луна находится внизу—под («hupokatö») ногами женщины, а не в нижней их части.

В третьих, сказуемого—«была» (луна)—в подлиннике нет, а такое сказуемое, т.-е. стоящее в прошедшем времени, в греческом языке опускается редко, даже,—если пам память не изменяет,—и совсем не опускается. Эта, на вид, маленькая деталь имеет свое значение: словечко «была» подчеркивало бы наличие луны, как бы выпячивало ее, как

единичный случай, наоборот, он утратил бы силу пропуск сказанного здесь, как и в русском переводе, долженствующего стоять в форме настоящего времени («ест» или «находится»), добавляет, что для апокалиптика луна под ногами Девы (так и сейчас) вещь обычная, обыкновенная, так сказать, постоянная или всегда ей присущая.

Итак, луна выходит из-за — под ногами женщины, а не на нижней части их. Это уже совсем плохо, раз дело идет о данных для точных астрономических вычислений. Морозов всюду настойчиво приводит и подчеркивает, а на рисунке 62 даже точно указывает, что 30 сент. 395 г., якобы, в момент апокалиптических наблюдений, луна находилась рядом с солнцем, в бедре, точнее, — в верхней части икры правой ноги Девы (см. стр. 152). Только однажды в «Христе» (стр. 51) он говорит: «под ногами», при чем ссылается на свой, уже приводимый нами, перевод, но и там у него обычное: «внизу ног» («Христос», стр. 35). На той же 51 стр. он дает астрономически точное местоположение луны и солнца в Деве: 207° эклиптикальной долготы.

Мы, к сожалению, не можем произвести соответствующих вычислений и посмотреть, не нарушится ли построение Морозова касательно луны (и солнечного затмения) 30 сентября 395 г., если принять во внимание, 1) что она находилась под ногами Девы, а не на верхней части ее икры и 2) что апокалиптический намек на новолуние отпал, как недоразумение. Из того факта, что он в ущерб ясному смыслу подлинника всюду подчеркивает указываемое им местонахождение луны, мы заключаем, что перемещение ее под ноги Девы, т.-е. на несколько градусов ниже, для него не совсем желательно.

Идем далее и ставим несколько вопросов: кто эта апокалиптическая женщина; если она — звездная Дева, то как нам понимать ее венки, солнечное одеяние и луна под ногами, — обязательно ли так, как понимает их Морозов, или, быть может, иначе?

В основном здесь мы согласны с Морозовым, а именно, что под женщиной следует понимать зодиакальную Деву; но в остальном — расходимся. Мы считаем, что больше прав Дююи, который еще в конце XVIII в. раскрыл астрологическую сторону апокалипсиса и показал, напр., что Дева не в сентябре только, а в течение всех 365 или 366 дней и часов в году бывает одета в солнце и имеет под ногами у себя луна.

Дело в том, что еще до начала нашей эры астрономы, на основании ряда соображений, поделили зодиак с его двенадцатью созвездиями на более мелкие части: на «деканы», т.-е. «десятки», так как каждый из деканов равнялся 10°. В связи с этим, каждое созвездие было поделено на три таких декана, а каждый из деканов был поставлен в связь или отведен той или иной из семи планет. Заметим далее, что внизу — под ногами Девы, начинается или находится следующее зодиакальное созвездие — Весы.

И вот, Дююи указывает, что по учению астрологов первый декан Девы принадлежит солнцу, а первый декан Весов — луне.

Переводя это на образный язык апокалиптика, мы получаем, что солнце, как бы заливает, одевает Деву своими лучами, она же сама под ногами имеет луна, т.-е. лунный декан Весов⁴⁾. И это имеет место не 30 сентября 395 года, только и не ежегодно в сентябре, а, по учению астрологов, всегда.

Так, по нашему мнению, гораздо проще разрешается вопрос об апокалиптической женщине, одетой в солнце, и о луне под ее ногами.

⁴⁾ См. А. Немоевский — „Бог Иисус“, стр. 210—211; 1920 г.

Но это еще не все, и нам следует теперь поближе познакомиться с этой Девой. Кто она?

Звездная, зодиакальная Дева является символом древне-восточной «царицы небесной», — той, поклонение которой, между прочим, так долго и упорно держалось в среде еврейского народа. В свою очередь эта «царица небесная» есть никто иная, как древняя многоименная богиня-мать-дева, называвшаяся у египтян Изидой, у ассиро-вавилонян — Иштар, у фригийцев — Кибелой и Великой матерью, у финикийцев — Астартой, у греков — Афродитой и др.; наконец, она же фигурирует в христианстве под именем приспосовы или богоматери-Марии.

В основе она — олицетворение творческих, производительных сил природы, вообще, земли — в особенности. В древней мифологии ей приписывали рождение сына-спасителя, олицетворившего вначале ежегодно рождающуюся из лона матери-земли растительность, а позднее принявшего также ярко-выраженные черты солнечного божества. Тогда и сама богиня стала считаться матерью солнечного спасителя, а в число своих символов получила также не только созвездие Девы, но луну и планету Венеру. В последние века до и первые века после пачала нашей эры мы уже всюду видим культ, мифы и образы этих богоматери с сыном, носящими астральный отпечаток, астральные черты.

Так, до нас дошло много изображений ее в виде матери, кормящей грудью или держащей в руках своего (растительно)-солнечного сына-«спасителя». Между прочим, так же она изображалась иногда в древней астралогике. В качестве «царицы небесной» изображалась она и с венцом из двенадцати звезд на голове. Чтобы не быть голословными, сошлемся, хотя бы, на слова пользовавшегося, конечно, древними источниками, Марциана Капеллы, что у ассирийской Юноны, т. е. Иштар-Астарты, на голове был венец, блиставший двенадцатью огненными камнями; под последними следует разуметь, несомненно, двенадцать зодиакальных созвездий, связываемых в астрологии с двенадцатью драгоценными камнями⁵⁾.

В качестве таковой же и матери солнечного спасителя она представлялась, а порой и изображалась, одетой в блистающую, блестящую одежду и даже прямо в солнце, как это отмечает, например, Н. М. Никольский относительно вавилонской богини, матери солнечного Мардука⁶⁾.

Приведем, наконец, еще слова А. Дитериха о египетской «царице небесной», матери солнечного спасителя — Гора, — об Изиде, символом коей тоже было созвездие Девы:

«На изображениях головным украшением ей, или подставкой, скамеечкой под ноги служит лунный серп. Последнюю деталь мы знаем также из изображений царицы небесной — Марии, которая и здесь напминает или походит на Изиду»⁷⁾.

Думается, не за чем объяснять, что эти изображения стоящей на лупе Марии, восходят как к самой Изиде, так и к апокалиптической женщине, и что между обоими ими также в отношении нахождения луны под ногами, можно поставить знак тождества. Что изображения Изиды часто принимались христианами за изображения Марии, — факт общеизвестный.

Как видим: и венец из двенадцати звезд на голове, и солнечная одежда, и луна под ногами, — все это имеется в изображениях много-

⁵⁾ А. Jeremias — „Babylonisches im Neuen Testament“, стр. 35, 1905 г.

⁶⁾ Статья — „Астрономический переворот в историч. науке“ в журнале „Новый Мир“, № 1, 1925 г. (критика „Христа“ П. Морозова).

⁷⁾ А. Dieterich — „Kleine Schriften“, стр. 485, 1911 г.

именной (Изида «тысячиименная») матери солнечного спасителя, символом коей на небо подлетит зодиакальная Дева. Они ли, т.-е. эти моменты, заставляли автора апокалипсиса при изображении Девы обратить внимание на солнечный декаданс ее и лунный декаданс Весов; или наоборот: эти декадансы заставляли его вспомнить об этих моментах; участвовало ли здесь то и другое параллельно, — для нас неважно, но мы несколько не ошибемся, если скажем, что эти черты образа «царицы небесной» и матери солнечного спасителя, носившей притом и лунный характер, тоже сыграли свою роль в изображении апокалиптической женщины.

Больше того, вся XII глава апокалипсиса подтверждает это.

Одним из главных мифов, связанных с вышеуказанной богиней — матерью, является миф о рождении ею сына и о преследовании их чудовищным драконом, эмсею. Так, про мать солнечного Аполлона — Латону рассказывали, что, когда она была беременна им, ее преследовал огромный дракон. Бог ветра — Борей унес ее тогда к морскому богу — Посейдону, и последний укрыл ее на уединенном острове, где она родила сына, который вскоре после этого убил дракона. Характерно, что этот миф был особенно распространен в Малой Азии, где писался апокалипсис.

Аналогичное рассказывали об Изиде или Гатор, которая, родив сына — солнечного Гора, спасается бегством от преследующего их дракона (семиглавого и красного!) — Тифона, каковой затем побеждается в борьбе с Гором. Других сказаний приводить не будем; смысл их всех тоже ясен.

XII глава апокалипсиса как раз заполнена описанием рождения Девой своего сына-спасителя, преследования их драконом и борьбы с последним. Миф здесь тот же, автор лишь несколько видоизменил его согласно иудейским представлениям, отдельным местам ветхого завета и даваемому ему звездным небом плану. К сожалению, мы не можем здесь останавливаться на всем этом и на дальнейших объяснениях содержания этой главы Морозовым, скажем только, что всю метеорологическую часть у него (борьбу туч и пр.) надо отбросить; под «разъясненным» им Михаилом, коего надо восстановить в мифологических правах и бытии, следует понимать звездного Геркулеса, а символ «наступающего народа жезлом огненным» лучше видеть в смежном с Девой звездном Волопасе с пастушеским жезлом в руках.

Резюмируем теперь все вышенайденное относительно исходного пункта и первого основного довода Н. Морозова, т.-е. относительно апокалиптической женщины XII глав. и пр.

Н. Морозов (а до него Дюпон, Вольфрей, Норк и др.) прав, считая ее звездной Девой. Но он не прав, утверждая, что ее венец — созвездие Волос Вереники, и что солнечное одеяние и луна указывают на нахождение внизу Девы солнца и луны в исволюции 30 сент. 39; г. Это одеяние и луна под ногами объясняются, с одной стороны, солнечным декадансом в Деве и лунным — в Весах, с другой — обычными символами и изображениями с венцом на голове многоименной «царицы небесной» и богоматери-девы, рождающей своего солнечного сына. Присоединим сюда еще несостоятельность изъяснения Морозовым серпа в качестве новорожденной луны и его ссылки на уборку винограда — сентябрь месяц.

В силу всего этого для нас становится неприемлемым его первый довод, опирающийся на XII главу апокалипсиса, и соответствующие косвенные подтверждения. Отпадает также и обязательность видеть в апокалипсисе указание на затмение, имевшее место 30 сентября 395 г. и видимое в... Южной Америке.

2. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ВТОРОГО ГЛАВНОГО ДОВОДА ИЛИ ЧТО ТАКОЕ АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ КОНИ И ВСАДНИКИ.

А. Неприемлемость из'яснения их Н. Морозовым.

Рассмотрим теперь второй и самый главный довод П. Морозова. Сводится он к следующему: в VI главе апокалипсиса под видом разномастных коней указаны планеты: Юпитер, Марс, Меркурий и Сатурн; сидищие на них всадники—определенные созвездия, в коих находятся эти планеты; на основании этих данных путем вычислений можно точно установить дату написания этой главы, а, следовательно, и всей книги; вычисления эти дают 30 сентября 395 г.

Одно замечание: чтобы легко разбираться, мы одновременно берем «Откровение» и т. I «Христа» Морозова, тем более, что аргументы там одни и те же.

Ставим один вопрос: на каком основании он считает апокалиптических коней планетами?

Он пишет: «прежде всего замечу, что планеты у древних астрологов очень часто изображались в виде коней» («Христос», стр. 40). Так-ли? Где, в каких источниках, трудах? Этого он не указывает. Мы сами стали тогда искать сведения или подтверждения в иных местах. Так, например, мы знали, что некий Альфред Иеремияс еще считал этих коней планетами.

Отправились мы к Иеремиясу⁸⁾. Увы, документальных указаний нет, а отсылает к Гуго Винклеру. Заглянули мы и к Винклеру, тоже считавшему коней планетами; результат—тот же: источников нет, а все построено на цветах—мастях коней⁹⁾. При всем нашем добросовестном обследовании соответствующей литературы, притом и чисто специальной, посвященной истории астрологии и астралогике, подтверждения тому, что планеты у древних изображались конями, мы не нашли.

На это Морозову было указано давно, вскоре после выхода первого издания его «Откровения», кажется, Н. Никольским¹⁰⁾; в ответ он привел в своих «Пророках» целый ряд астрологических рисунков, якобы, подтверждающих его взгляд (см. стр. 71, 156—157, 169 и др.); очевидно, на них же он ссылается и в «Христе» (стр. 41). Результат, понашему, получился обратный тому, чего ждал Морозов. Уже тем самым, что он указывает именно эти рисунки, он показывает, что лучших, более доказательных, у него нет, а это, в свою очередь, подрывает доверие к его категорическому заявлению и даже со словами: «очень часто» (не потому-ли этих рисунков из «Пророков», не говоря уже о новых, мы не видим в «Христе»?).

Действительно, что мы видим на этих рисунках? Ряд колесниц, на которых или в которых сидят планеты, и которые везутся, влчкются лошадьми (кол. солнца), девами (кол. луны), голубями (кол. Венеры), орлами (Меркурия), павлинами (Юпитера) и т. д. Где же здесь планеты в качестве или в виде коней?

Больше внимания заслуживают его снимки с монст, жаль только, что он из «многих образчиков» приводит только два, и как раз неудачные.

Он дает снимки с двух галльских (!) монет («Христос», стр. 42), на одной из коих изображен конь, под ним урна, а над ним знак в виде

⁸⁾ А. Иеремияс, назв. соч., стр. 24 сл.

⁹⁾ Н. Wüchler—„Altorientalische Forschungen“, II Rl. he: стр. 386—387.

¹⁰⁾ Дать точную ссылку, к сожалению, не можем—за неимением под руками его брошюры—„Спор исторической критики с астрономией“.

буквы «S»: на другой кон черном на нем сидит рак (?) и держит в лапках утку, под конем — скорпион (?) или козерог (?).

По мнению Морозова, рисунок на первой монете означает планету — Кони — Сатурна («S»), сидящего через урну созвездия Водолея; на второй монете: каково то исландца находится в созвездии Рака и направляется к Скорпиону или Козерогу.

При всем нашем желании согласиться с ним хоть здесь, — мы этого не можем сделать. Кони на галльских монетах могут означать, скорее, просто коней, как то темные знаки или священных животных Галлии, славившейся в древности своей конницей. Что здесь копи действительно считались священными животными, об этом свидетельствует много фактов; укажем, хотя бы, на галльский культ «лошадиной» богини — Епони, или на гадание по лошадиному ржанию. Смысл остальных знаков на монетах, возможно, носит такой же, культовый характер, при чем на второй монете они мало похожи на Рака и Скорпиона или Козерога.

Даже, если согласиться здесь с Морозовым и видеть астрологический смысл, ничто не обязывает нас видеть вместе с ним в конях намеки на планеты; больше оснований было бы считать их тогда просто символами солнца, священными животными коего в древности во многих местах считались и изображались, действительно, кони (см., напр., IV кн. Царств, XXIII, 11); в частности, в значке «S» можно было бы тогда видеть указание не на Сатурна, а на солнце («Sol»).

Итак, в пользу понимания коней, как планет, документальных свидетельств пока нет никаких. Это одно.

Теперь второе: масти-цвета коней-планет и положение последних в зодиаке.

Допустим на минуту, что Морозов прав, т.е. что апокалиптические кони, действительно, планеты. Какие же из семи, известных древним, планет он находит и на основании каких данных текста открывает их местонахождение в зодиаке?

Берем VI главу апокалипсиса.

Одно указание Морозов находит в следующих словах ее, приводимых нами в его переводе:

«Я сообразил (положение звезд), и вот в том самом месте я находился (по астрономическому расчету) ярко-белый конь (Юпитер), а у сидящего над ним (Стрельца) был лук и дан ему Венец, и выпел он победоносный, чтобы победить».

(«Откровение», стр. 52; «Христос», стр. 43).

Итак, ярко-белый конь, по мнению Морозова, планета Юпитер, а сидящий на ней — созвездие Стрельца. Учитывая возможное возражение, что такого же цвета может считаться и считалась планета Венера, он отводит ее ссылкой на XII главу апокалипсиса, т.е. указанием, что солнце находилось в Деве, а Венера не может быть далеко от солнца, а также замечанием: «Юпитера характеризует и употребленный здесь эпитет: победоносный».

Замечание это неправильно: соответствующее слово в тексте — «побеждающая» или «побеждающий» (*vikow*) — относится не к коню (т.е., по Морозову, к Юпитеру), а к сидящему на коне (т.е., по его мнению, к Стрельцу). Ссылка на XII главу для нас уже недействительна, после того, как мы разобрали и нашли неприемлемым истолкование ее Морозовым.

От себя же сделаем пока одно замечание: в подлиннике стоит: «сидящий на нем» (т.е. на коне), а не: «сидящий над ним» (конем), — как переводит Морозов. Какое это имеет значение, — ниже будет видно.

Второе указание он находит в следующих словах:

«И ушел туда, по другую сторону сияющего яркой звезд (Мерц), и сидящему над ним (Персею) предоставлено сиять марса, а мои звезды чета созвездия друг друга, я дан ему большой меч».

Здесь он пронашел над текстом «вертляво» «идеально» совершенно смысл. В подлиннике стоит не «ушел туда, по другую сторону», а просто: «вышел другой» (конь), соответствующее же обозначение по этому поводу Морозова (исключено текста в ир) является натяжкой и нужным ему лишь для того, чтобы отстранить Марса под горизонт.

Далее, опять неправильно над ним, вместо «ночь» — «на нем». Для чего или почему эти замены предлоги? Потому что Морозов не нашел среди зодиакальных созвездий ни одного с мечом, а по этим-то созвездиям и движатся планеты. Если планеты — кони, и «сия» «сидящие на них» — созвездия, то это могут быть здесь только зодиакальные, как уже указанный им Стрелец, а дальше — Бесы и Скорпион. Но из них ни одного с мечом, — как мы уже сказали, — не оказалось. В дальнейшем мы покажем Морозову такого «меченосца» в зодиаке, а пока скажем, что ему, волей-неволей, пришлось искать такового вне зодиака.

Из двух обычных созвездий с мечами на небе, — из Ориона и Персея, первый не годился, так как он находится под зодиаком, второй был удобнее, так как он находится над зодиаком и потому его можно усадить, если не на коня, то, хоть, над конем. Так появился Персей, сидящий над Марсом.

Но этим дело не могло ограничиться: раз в этом месте пришлось по милости Персея переделывать предлог «на» на «над», то, оставаясь последовательным, Морозов должен был всюду провести это, т. е. поставить этот предлог «над» в отношении Стрельца, что мы видели, а также дальше, — в отношении Весов. Он это и сделал, вопреки ясному смыслу текста во всех четырех случаях, на что мы, конечно, согласиться не можем. Если Морозов прав с копиями-планетами и сидящими созвездиями, то для Персея должен был бы стоять в подлиннике совершенно иной предлог («над»), чем «ері—на».

Отсюда сам собой следует вывод: с Марсом и его положением на небе у Морозова дело неблагоприятно: Персей с мечом здесь не при чем, а меченосца в зодиаке он ему не нашел¹¹⁾.

Возьмем Марса под подозрение.

Третье указание Морозов видит в следующих словах:

«Я взглянул, и вот в том самом месте и находился темный конь (невидимый в те дни Меркурий), и у сидящего над ним были в руках Весы. И я слышал шум (ветра) посреди Четырех Животных, говорящий (планете торговли—Меркурию): дневная порция хлеба за динарий и за динарий же три дневных порции ячменя! Но не вреди ни маслу, ни вину!».

Здесь опять не все благополучно. В подлиннике нет слов: «в том самом месте и находился»; а главное: «голос» (не «шум») говорит здесь не копо Меркурию, а сидящему на нем с Весами, т. е. всаднику. Ведь, во всех этих сценах главное внимание алокалитика обращено на «си-

¹¹⁾ Это «благополучно», повидимому, чувствовал и сам он, что видно из его «второго удостоверения». На основании вычислений он находил, что 30 сентября 395 г. Марс был, действительно, под Персеем, в зодиакальном созвездии Овна. Чтобы объяснить, почему алокалитик не указал прямо на Овна, а избрал Персея, он выдвигает на сцену нашестные персов, «мистическое лагерьное» алокалитика, «заколотого Овна» (из главы V, 6, — не намек на пребывание Марса в Овне, а отзвук Исаия, 53 7) и др. и, все же, заканчивает это «удостоверение» словами: «Но какова бы ни была в глазах читателя ценность этих моих соображений, факт остается фактом: Марс указан под Персеем, и мы нашли его там в установленную другими путями дату» («Откровение», стр. 147—149; см. «Христос» стр. 52 и 55).

дядиц», на всадников, их он характеризует, описывает или отмечает, а не коней. Там было (была номенклатура Морозова) со Стрельцом, Персеем, а дальше—со Скорпионом. Поэтому нет никакого основания (и текст не дает его) находить в данном месте исключение и отнести к Меркурию то, что, собственно, относится к всаднику с Весами, в конях мы согласны с Морозовым видеть именно созвездие Весов.

Морозов отнес эти слова к колю—Меркурию потому, что они под тверждали бы его предположение, что конь темный является Меркурием, который, действительно, был в древности астрологически — планетой торговли, а мифологически—богом торговли.

Если исходить из смысла текста, то такого обоснования делать нельзя, и Морозов неправ, связывая слова «голоса» с конем, а не с всадником; в дальнейшем мы покажем, что здесь Меркурий ли при чем.

Если отбросить, как педоразумение, эти намеки на торговую сторону «коня», то что же говорит нам, что конь этот именно Меркурий?

И в своем примечании к переводу, и в «третьем удостоверении» Морозов указывает, что Меркурий был невидим для апокалиптика, и что он—«самая слабо светящая из всех древних планет, в полном смысле планета—невидимка», почему ее очень немногие и очень редко могут видеть («Откровенные», стр. 54 и 149—151; «Христос», стр. 44—47).

Это еще не довод, так как,—о чем мы будем говорить дальше,—цвета планет не всегда определялись в астрологии этим; к тому же, если говорить о редкой возможности наблюдения, то и некоторые другие планеты не часто радуют взор наблюдателя. Что же касается Меркурия, то дело с ним обстояло и обстоит еще не так плохо, как рисует Морозов. Правда, у нас, на севере, он видим очень редко, и, напр., про Коперника рассказывают даже, что он перед смертью плакал о том, что ему ни разу за всю жизнь не удалось видеть эту планету, но... вот выдержки о Меркурии, из книги Иеремаса, откуда мы позаимствовали и сообщение о злополучном Копернике:

«На южном небе (т.-е., на юге) Меркурия очень ясно можно видеть утром и вечером, как глупатая солнца. Астрономы Вавилонии наблюдали его даже днем». Здесь Иеремас ссылается на исследователя вавилонских астрономических текстов,—на Вирольфа, и приводит одно место из этих текстов, запись вав. астронома: «Меркурий показался, а затем исчез и сделался опять невидимым. Когда он показывается днем, то скоро исчезает и делается более невидимым»⁴²⁾.

Если основываться только на тексте апокалипсиса и этих сообщениях Н. Морозова, то ничто не обязывает нас видеть в темном коне планету Меркурия, а то, что вычисления для 30 сентября 395 г. подтверждают нахождение в ее в Весах, еще не может решать дела при малом периоде обращения ее вокруг солнца.

Последнее, четвертое указание Морозов находит в следующих словах:

«Я вавилуня, и вот там находился мертвенно-бледный конь (зловещая планета Сатурна), а поднимающемуся на него имя смерть (Скорпион), и подземное царство следовало за ним (Стрелец, Козерог, Водолей и обитатели бездн, Рыбы), и дана им власть над четвертью земли, чтобы умерщляли там людей мечом и голодом, и мором, и зверями земными».

Сделаем несколько замечаний относительно перевода.

1) Слов—«там находился» в подлиннике нет. 2) Там же стоит: «сидящий наверху на нем (на коне), имя ему смерть, и ад следовал вместе (сообща) с ним» (не «за ним», ибо тогда в тексте стоял бы вин. падеж,

⁴²⁾ А. Иеремас—„Handbuch der altorientalischen Geisteskultur“, стр. 82—83:1912 г.

а не род.). Это наличие адского спутника, очевидно, и заставило апокалиптику выразиться точнее и подчеркнуть относительно нахождения на коне именно «смерти», вместо обычного предлога у него «на» поставить «наверху на» (επιανω).

Наконец, почему «мертвенно-бледного» коня Морозов считает Сатурном, а не какой-либо иной планетой? В примечании к переводу он ссылается на то, что «у всех древних писателей планета Сатурн характеризуется этим цветом» («Откровение», стр. 55); в другом месте он говорит, что Сатурн был известен в астрономии своими зловещими свойствами («Откровение», стр. 138; см. также—«Христос», стр. 47).

Это обстоятельство опять подводит нас к вопросу о цветах планет, кони мы и займемся теперь, так как исчерпали уже все те основные места VI гл., где говорится о конях и на которых Морозов базируется.

Папомним, что он считает «ярко-белым» конем—Юпитера, «красным» конем—Марса, «темным» конем—Меркурия и «мертвенно-бледным» конем—Сатурна.

Напрасно он негодует на то, что Н. Никольский резонно указывал ему еще давно, указал и недавно, что эти цвета планет не сходятся с представлениями древних астрологов.

Винклер, например, вместе с ориенталистом Гоммелем отмечает следующие цвета: солнце—золотистый (золото), луна—серебристый (серебряный) и зеленый, Марс—красный, Меркурий—синий или голубой, Юпитер—желтый, Венера—белый, Сатурн—черный. Он же истолковывает апокалиптических коней так: конь белый—луна, конь красный—Марс, конь желтый («chloros», переведено у Морозова через «мертвенно-бледный») — Юпитер, конь черный—Меркурий, при чем оговаривается, что он «по неволе» считает его Меркурием (а не Сатурном), явно, сбивтый с толку Весами и намеками на дороговизну, подходящими к торговому характеру Меркурия.

К этому взгляду Винклера примыкает А. Иеремияс, который так же распределяет цвета между планетами, равно как и в «конях» видит луну, Марса, Юпитера (желтый, землистый) и Меркурия (черного вместо Сатурна). Он же приводит, например, указания на то, что выступы Босипского храма (в Вавилонии) были окрашены в цвета планет: черный—Сатурн, землистый—Юпитер, красный—Марс, желтый—солнце, белый—Венера, сине-голубой—Меркурий, зеленый—луна; или, что дворец сассанидского царя состоял из семи частей, кои были каждая особого цвета и посвящены отдельной планете: черная—Сатурну, сандаловая—Юпитеру, пурпурово-красная—Марсу, золотистая—солнцу, белая—Венере, голубая—Меркурию; зеленая—луне. Из вавилонских астрономических текстов видим также, что из четырех основных планет—Сатурна считают черным, Юпитера—белым, Марса—красным, Меркурия—зеленым, при чем цвета Юпитера и Меркурия часто там колеблются.

Не будем приводить других примеров и сделаем некоторые выводы из найденного. Оказывается, что Сатурну упорно приурочивался черный цвет; Меркурию—синий-голубой или зеленый, Юпитеру—иногда белый, чаще землисто-желтый (chloros); Венере—белый; Марсу—красный.

Винклер-Иеремияс находят: конь белый—луна, конь красный—Марс, конь черный—Меркурий, конь бледный—Юпитер. С белыми и черными конями они запутались, что не скрывали сами; их обилие с толку атрибуты соответствующих всадников. У всадника на белом коне они увидели лук и венец,—атрибуты, по их мнению, солнца—Аполлона, каково золотисто-желтое, а не белое. Но так как, по их словам, солнце и луна обычно обмениваются своими атрибутами, то под белым конем и следует понимать луну. Что же касается того, что под черным конем

они усмотрели Меркурия, то они сами не скрывают, что здесь ими руководили Весы и указание на дороговизну, подходящую к планете торговли—Меркурию. Мы же видели, что ни они, ни Морозов не имели права поступать так: относить к коням то, что в тексте относится к всадникам.

И вот, если мы отбросим неправильные толкования Винклера—Иеремияса в части двух коней и подставим соответствующие планеты, получим такую картину: если апокалиптические кони—планеты, то конь белый—Венера или Юпитер, конь красный—Марс, конь черный—Сатурн и конь бледный—Юпитер или Меркурий, а не: Юпитер, Марс Меркурий и Сатурн—как утверждает Морозов¹³⁾. Думается, не за чем добавлять, что, если теперь расставить указываемые нами планеты в указываемые Морозовым созвездия Стрельца, Овна (под Персеем), Весов и Скорпиона, то его второй и самый главный довод рухнет, а с ней и 30 сентября 395, как дата наблюдений апокалиптика.

Выше мы сказали, что Морозов напрасно негодует на Никольского за указание на невязку с цветами и планетами. Поскольку мы имеем дело с астрологией и ее символикой, мы можем найти и находим в ней многое такое, что нас теперь удивляет и кажется просто нелепым.

Ухитрились же, например, астрологи подметить влияние созвездий и планет на характер и судьбу человека и даже делать соответствующие предсказания. Он не допускает возможности, чтобы какой-либо планете приписали иной цвет, чем она кажется в действительности. Почему? **Это было неизбежно.** Когда они распределяли, в целях символики, семь основных цветов между семью планетами (а четыре главных цвета: белый, красный, черный и желтый—между четырьмя главными планетами: Юпитером, Меркурием, Марсом и Сатурном), они обязаны были распределить их между ними, не всегда считаясь с действительностью. Мы весьма сомневаемся, что бы все семь планет казались и кажутся в действительности окрашенными как раз во все семь основных цветов. Винклер, например, пишет о планетах: «каждая из них имеет (в астрологии) свой цвет, заимствованный, впрочем, не от окраски и внешнего вида планеты, но присущий ей (в астрологии) сообразно ее «божественному проявлению».

Поэтому, до тех пор, пока Морозов не выполнит своего обещания и не покажет в следующих томах своего «Христа», что «старинные месопотамские, египетские и греческие астрономы (астрологи) хорошо знали цвета своих семи планет и твердо помнили их имена, и мы не найдем у них никакой путаницы ни имен, ни цветов, если отнесем и клинописи и египетские иероглифы в ту же позднюю эпоху, в которую я отнес царства израильское и иудейское»,—до тех пор, пока он не покажет это, но лучше без «если»..., мы останемся при своем мнении, что и с цветами планет у него неблагополучно, чтобы не сказать больше.

Так как вопросы о конях, их цветах и всадниках VI главы апокалипсиса нами разобраны, и так как, именно, в них-то и лежит центр тяжести второго и самого главного довода Н. Морозова в пользу даты 30 сент. 395 года, подведем теперь итоги подмеченного и найденного.

Что же мы видели?

Утверждение Морозова, что под апокалиптическими конями надлежит понимать планеты, документально, источниками не подтверждается, а то, что приводит он сам в пользу такого понимания, не выдерживает критики и свидетельствует даже против него,—что у него самого в распоряжении документальных данных нет.

¹³⁾ См. также его ответ на статью П. Никольского,—„Новый Мир“, № 4; 1925 г.

Далее, если даже допустить, что он прав, то под «белым конем» надо понимать Венеру, а не Юпитера (ссылка его на XII главу и солнце педействительна, так как его объяснение XII главы с женщиной, солнцем и лунной не оправдало себя еще ранее). Относительно огненно-красного коня можно согласиться с ним, что это Марс, но нельзя под сидящим на этом коне видеть Персея. Наоборот, в третьей сцене Морозов правильно понимает всадника, как созвездие Весов, и неправильно истолковывает черного коня, как Меркурия (вместо Сатурна). То же самое имеем в четвертой сцене: верно указан всадник — Скорпион и неправильно истолкован бледный конь в качестве Сатурна (вместо Юпитера).

Ни в одном из всех этих четырех случаев Морозов не дает нам безупречных, безукоризненных, неоспоримых и точных истолкований и данных, не говоря уже о его переводе некоторых мест в тексте: то не выходит дело с конем-планетой, то неблагоприятно со всадником-созвездием и местоположением в зодиаке. Если внести теперь соответствующие поправки в даваемый им материал для вычислений, то, конечно, дата 30 сентября 395 года идет на-смарку. И все это при условии, если апокалиптические кони, действительно, планеты. Увы, и это условие выбивается из наших рук гробовым молчанием документов, источников.

VI глава апокалипсиса с ее конями и всадниками ничего не доказывает в пользу 30 сентября 395 г., как даты апокалипсиса.

Б. Из'яснение их Ф. Боллом.

а) Астрологическая двенадцатилетка.

Мы могли бы ограничиться этим, но, быть может, будет нелишним еще несколько задержаться на апокалиптических конях и всадниках и посмотреть, как их объясняют другие исследователи.

Из числа предложенных здесь толкований мы приведем только одно, родственное вышеразобранному из'яснению Морозова и принадлежащее недавно умершему специалисту как раз по истории древней астрологии, — Францу Бодду. Выказал он это в труде под загл. «Из Откровения Иоанна»¹⁴⁾, где вообще проливает много света на целый ряд темных мест апокалипсиса.

Ставим вопрос: **как понимает Болл апокалиптических коней и их всадников?**

Исходным пунктом он берет признаваемое почти всеми исследователями положение: своих коней апокалиптик прямо или косвенно заимствовал из ветхозаветной книги пророка Захарии, где, действительно, фигурируют четыре группы разномастных коней (рыжие, вороные, белые и пегие; I и VI), и где они прямо названы в качестве «четырех ветров (в русск. Библии неправильно: «духов») небесных, которые предстоят пред господом всей земли» (VI, 5).

Далее, он отмечает, что в апокалипсисе выступления всадников, несущих бедствия, рисуются не одновременными или рядом происходящими явлениями, а последовательно сменяющимися друг друга во времени, что указывает на такую же последовательную смену определенных единиц времени.

И вот Болл утверждает, что апокалиптические кони — **ветры**, стоящие здесь в связи с четырьмя, последовательно сменяющимися друг друга, годами, а всадники на них — звездные божества, зодиакальные созвездия этих годов. В свою очередь, все это стоит в связи с одной из характернейших черт эллинистического религиозного умозрения, — с той временной

¹⁴⁾ „Aus der Offenbarung Johannis“, стр. 78—97; 1914 г.

мистикой, «которая великую отдельную единицу времени, начиная с часа и кончая мировой эпохой, ставит под сменяющееся управление звездного божества», что до сих пор мы наблюдаем в названных дней недели по планетам (напр., у французов).

В эпоху господства этой мистики широко была распространена теория, признававшая особый, двенадцатилетний цикл, каждый из годов которого, якобы, упрямляется отдельным зодиакальным созвездием. Цикл этот назывался «додекастеридой», т. е. «двенадцатилеткой». По этой теории, — характером господствующего или управляющего созвездия и принадлежащего сюда ветра определяется весь год. «Погода и урожай, здоровье или болезнь людей и животных, голод и чума, а также восстание и война или мир, — все это зависит от характера или природы зодиакального знака и дующего в начале года ветра». Ветер этот считается предводителем или начинателем года.

В качестве образца приведем выдержку из одного астрологического текста эпохи Августа, относящуюся к первому году двенадцатилетки:

«Год Овна. Год этот суров вследствие дующего в начале его северного ветра. Зима холодная, продолжительная, жестокая, очень снежная, проходит не легко, суровая ветрами; около середины зимы — 28 января придут большие бури с северо-востока... Весна — жаркая, лето — умеренное, осень жаркая. Реки в этом году будут полны воды. Посев следует делать рано... Поздний посев дает плохой урожай. Урожай на полях будет обильнее, чем сбор винограда...»

В этом примере речь идет больше о погоде и урожае.

В другом тексте читаем, напр., о годе Тельца, что в этом году будут господствовать глазные болезни; для плавающих по морю он будет неблагоприятным; умрет знаменитый муж; пужно молиться, чтобы не произошло землетрясение и нападение врагов, и т. д. Вообще, к каждому году двенадцатилетки тексты приурочивают различные хорошие и плохие вещи для людей, животных, полей и пр. Рядом с этим стоят также предсказания по грому, землетрясению, затмению в связи с солнцем или луной и тем или иным зодиакальным знаком, кои тоже, якобы, определяют собою год.

Перейдем теперь к VI главе апокалипсиса, при чем оговариваемся, что мы перескажем изяснения и доводы Болла только вкратце, отсылая за подробностями к его труду.

Итак, он утверждает, что кони — ветры из книги Захарии, а всадники на них — зодиакальные созвездия, управляющие четырьмя, последовательно сменяющимися друг друга, годами двенадцатилетки.

Для определения этих всадников-созвездий исходным пунктом он берет упоминание о Весах в руках третьего всадника, говорящее, что здесь мы имеем дело с годом и созвездием Весов. А так как всадник этот стоит на третьем месте, то остальные всадники должны приходиться на предшествующие Весам созвездия: Льва и Девы, и на следующее за Весами созвездие — Скорпиона.

Подтверждает ли апокалиптический текст эти указания?

б) Всадник на красном коне — созвездие и год Девы.

Свою проверку Болл начинает со второго всадника, кося «даню взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Все это должно соответствовать созвездию и году Девы. Действительно, несмотря на, казалось бы, мирный характер Девы, в астрологии ей приписывались всяческие бедствия. Так, напр., при солнечном затмении в ней «бедствия во многих местах. Будет много насилий, убийств и беззаконий. В Азии же будут губель многих мест, и резня, и плен, и голод, и т. д.»

В другом тексте читаем, что, если в момент землетрясения солнце стоит в Деве, то «войны будут и сражения»; при подземных ударах в месяце Девы «произойдут убийства, резня». Ей же приписываются грабительские нападения неприятелей, порабощение, захват девушек и замужних жещин неприятелями.

Такой, далеко не мирный, характер звездной Девы объясняется, по Болду, двумя причинами. С одной стороны, тем, что, согласно мифов, эта Небесная Дева—богиня справедливости покинула землю, унеся с собой мир и предоставив ее всяческим преступлениям. «Последней из педожителей покинула мокрую от крови землю дева Астрей (т.-е. Звездная)»,— читаем мы у Овидия. С другой, тем, что на небе Дева имеет ридом с собою Меч, а самое созвездие или знак ее назывался у астрологов «носящим меч, меченосным» («Xiphères»).

Вот почему мы читаем о втором всаднике, что ему дано взять мир с земли, чтобы убивали друг друга, и что ему дан меч. Созвездие с мечем, коего не нашел Морозов в зодиаке,—звездная Дева—«меченосица», а не Персей.

Итак, данные апокалипсиса о втором всаднике совпадают с астро-логическими и мифологическими чертами Девы: **апокалиптический всадник с мечем—созвездие и год Девы.**

в) Всадник на черном коне—созвездие и год Весов.

Перейдем теперь к третьему всаднику. Он держит в руке весы, и голос посреди четырех животных говорит: «хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; масла же и вина не повреждай».

Что здесь мы имеем дело с созвездием и годом Весов,—сомнения нет. Затем, слово «хиникс», которое Морозов перевел через «дневная порция», действительно, означает количество хлеба, потребное человеку на день. Цена этой порции указывается здесь—динарий, а это равнялось дневному заработку рабочего, так что последнему всего дневного заработка хватало только на хлеб. Три мерки ячменя, служившего кормом животным, стоили, якобы, тоже динарий. Все это указывает на дороговизну этих продуктов (обычная цена хиникса пшеницы была в древности $\frac{1}{8}$ динария ¹⁸⁾).

Но при чем тут масло и вино?

Морозов и другие видят здесь отголосок неурожая хлеба и хорошего сбора оливок и винограда, якобы, наблюдавшихся или ожидавшихся апокалиптиком.

Но за чем прибегать к такому толкованию: все эти моменты хорошо объясняются характеристикой года Весов.

Вот пример из одного астрологического текста: «**Год Весов.** Будет неурожай хлебов, но изобилие плодов Диониса», т.-е. винограда. Характерно, что в астрологических текстах всюду в Весах противопоставляются хлеба в зернах и виноград, или хлеб и вино с маслом. Напр., «когда господствуют Веса... посев (т.-е. урожай) посредственный, средний... вина много; если гром зарежит в месяце Весов, будет неурожай хлебов, но изобилие вина и масла».

Это противопоставление неурожая хлебов и изобилия вина и масла в году и под знаком Весов объясняется тем, что Весам приписывали зло-вредное влияние или силу только на взвешиваемое на весах, а не на жидкости. Иное отмечается относительно годов, стоящих под другими знаками, напр., в год Тельца—хлеб дешев, а масло дорого. Поэтому, пе-удивительно, что влиянию Весов приписывали голод. «Копечно, голод. Как же не быть ему?»—читаем в одном из текстов о следствии господ-

¹⁸⁾ Некоторые исследователи приводят более низкую цену: $\frac{1}{12}$ динария.

ства этого созвездия. Показательно также, что апокалиптика для фразы— «не повредит» — употребил как раз то слово («*adikem*»), которое часто встречается в астрологических текстах для обозначения именно зловредного влияния светила на растительность.

Как видим, третий апокалиптический всадник с весами и обращенные к нему слова на счет хлеба, вина и масла находят простое объяснение в созвездии и годе Весов, и не за чем было Морозову, Вилкелеру и Иеремиясу прибегать к помощи планеты Меркурия и относить к нему то, что принадлежит в тексте к всаднику.

г) Всадник на бледном коне—созвездие и год Скорпиона.

Обратимся теперь к четвертому всаднику, имя коему «Смерть» и коего сопровождал «ад». Его надо искать в знаке и годе Скорпиона, следующего за знаком и годом Весов.

Морозов был вполне прав, усмотря здесь это, именно, созвездие. В астрологии Скорпион—созвездие «гибельное, наводящее проказу, покрывающее тела людей белыми пятнами, коварное»; оно угрожает «гибелью хлебу и людям»; наводит сразу или мор; при восхождении его рождается смертность. Поэтому,—добавим мы от себя,—несудивительно, что Скорпион был также символом смерти, о коей говорится, напр., «смерть! где твое жало?», и что с ним же связывался в древних представлениях «ад». Как раз с клешней Скорпиона начинается в зодиаке область смерти и ада или подземного царства. Древние считали, что на Весах взвешиваются дела людей, и грешники бросаются в ад, в созвездие Скорпиона. Это представление мы находим даже в талмуде, где, между прочим, читаем: «бог сказал: после созвездия Девы) я сотворил (созвездие) Весы, так как деяния человека должны взвешиваться; после Весов я сотворил Скорпиона, так как человек, если он взвешен и найден грешником, низвергается в ад» (Нексикта раббати, 20) ¹⁶⁾.

Итак, несомненно, что четвертый апокалиптический всадник—созвездие и год Скорпиона, при чем для понимания этого ни в каком зловещем Сатурне пужды нет.

д) Всадник на белом коне—созвездие и год Льва.

Остается теперь первый всадник—с луком, вспом, побеждающий. Морозов усмотрел в нем указание на следующее за Скорпионом созвездие Стрельца. Действительно, все говорит за это: лук у него в руках есть, венец—тоже, за что в греческой астрологии он назывался даже «всценономем», «есть и прозвище «побеждающего», ибо его называли «воцнственным, победителем». Если это так, т.-е., если всадник этот—Стрелец, то у Болла получается, как будто, невязка, что он не скрывает и сам, так как, по нему, первым всадником может быть только Лев.

Заглянем еще раз в VI главу апокалипсиса. Там после описания четвертого всадника—смерти с адом—стоит такие слова: «И дана им (пе ему) власть над четвертою частью земли—умерщвлять мечем и голодом, и мором, и зверями земными» (ст. 8). Кому «им»? Морозов (и в русск. библ.) отнес это к четвертому всаднику и его свите. Это неправильно, так как под «ними» следует понимать всех четырех всадников, почему и указания на «четвертую» часть земли (зловредное влияние четырех созвездий) и на четыре рода бичей: 1) меч, 2) голод, 3) мор, 4) звери земные. «Меч», как мы видели, соответствует второму всаднику—Деве; «голод»—

¹⁶⁾ См. E. Bischoff—„Babylonisch—Astraleschu im Weltbiide des Talmud und Midrasch“, стр. 66 1907 г.

третьему всаднику—Вссам; «мор»—четвертому всаднику—«Скорпиону», а «звери земные» приходится на **первого** всадника.

Почему апокалиптик шаршил здесь свой ряд бедствий,—вопрос об этом пока оставим открытым, скажем только, что он, введя четвертого коня и всадника, последнего вестника бедствий, как бы подводит итог всему вышесказанному им, резюмирует **все** бедствия, угрожающие земле и несомне **всеми** четырьмя всадниками,—делает общую сводку. Почему? Потому что дальше он начинает рисовать уже новую картину; новую по изображению (без коней и всадников), но по смыслу являющуюся продолжением предыдущей.

Итак, на долю **первого** всадника падают в VI, 8, «звери земные». Если считать его Стрельцом, то что он, как будто, действительно имеет право, то и эта деталь к нему подходит, хотя мало. Болл находит только два соответствующих места в текстах, говорящих о Стрельце и его годе, что он «полом диких зверей» и «производит вред зверьми».

Наоборот, если (вместе с Боллом) считать этого всадника Львом и его годом, то соответствия больше: им приписывается гораздо больше вреда от зверей, что и попятно (лев—дикое животное), чем Стрельцу. Напр., в год Льва: «появление диких зверей»; или: «тогда будет нашествие зверей»; или: «плоды пострадают от зверей»; или: «полным-полно диких зверей»; или: «появление множества зверей и пресмыкающихся, почему много людей подвергаются их укусам»; или: «в тех местностях, где водятся львы, последние более свирепо будут нападать на людей».

Как увидим, в отношении «диких зверей» Лев безукоризнен и даже более подходящий, чем Стрелец. Ну, а остальные черты первого всадника: лук, венец, побеждающий. **Болл находит и их.** Так, он указывает, что созвездие Льва называлось в астрологии «царским, царственным», «властвующим» и «правительствующим, правящим». Это объясняется тем, что в груди Льва находится яркая звезда, которая называлась «Царьком» (ныне под лат. назв. Регул-Царек). Древние астрологи считали, что Лев управляет всем небом; рождающимся под его знаком приписывали царственное рождение. Отсюда сам собою вытекает «**венец**»,—аттрибут или главный признак достоинства царя или правителя, владыки.

Далее, апокалиптик говорит о первом всаднике, что он вышел «побеждаем» или «побеждающий». Такое сплетение черт правителя и победителя на войне мы находим как раз во Льве, про коего говорится, что рождающийся под его второй частью «будут могущественными царями», а под третьим градусом—«будет царем, обладающим двойным царством и силой своей доблести захватывающим под свою власть много провинций».

Наконец, в астральной связи со Львом стоит и «Лук». Его мы имеем у восходящего во Льве «Стрельца» (не смешивать с зодиакальным Стрельцом) или «Стреляющего из лука», Болл объясняет это тем, что во Льве восходила также вавилонская звезда—«Лук» (у греков позднее—созв. Пса). Присоединим сюда еще одно: во втором декаде Льва видели мука, который «**носит венец**» и «**держит лук**».

Таким образом, базируясь на древних астрологических источниках, мы находим во Льве все то, что апокалиптик приписывает первому всаднику, т. е. зловердное действие чрез диких зверей, венец, лук и черты побеждающего.

В стихе же 8 «зверей» он ставит на последнее место, как наименее страшное из всех четырех бедствий.

В итоге мы имеем двойной выбор для первого всадника: или Стрелец, или Лев, но в силу ряда соображений мы должны остановиться на Льве и его годе. Он, ведь, больше подходит в качестве вредящего дикими

звездами и в качестве первого всадника, начинающего или ведущего за собою остальных: как у вавилонян он назывался «владыкой, вождем звезд», так еще и у греков часто ставился во главе зодиакальных созвездий.

Теперь у Болла получается такая картина: первый всадник — Лев, второй — Дева, третий — Весы, четвертый — Скорпион; все они — созвездия и символы четырех годов бедствий; порядок или ряд созвездий — нормальный. Присоединим сюда несколько своих соображений и замечаний

е) Лев или Стрелец?

Есть ли в апокалипсисе места, говорящие против Стрельца и в защиту Льва? По нашему мнению, есть.

В VI—VIII главах описывается, как агнец снимает последовательно, одну за другой, «семь» печатей с таинственной книги, при чем снятие каждой печати влечет за собой то или иное бедствие или, скажем прямо, наступление года новых бедствий. Так, снятие первой печати повлекло за собою появление всадника на белом коне—года Льва, снятие второй—появление второго всадника на красном коне—года Девы, снятие третьей—года Весов, снятие четвертой—года Скорпиона, снятие пятой,—если Болл прав,—должно повлечь за собою наступление года Стрельца.

Действительно, в стихах 9—11 (VI) мы находим, что после снятия пятой печати апокалиптик видит «под жертвенником души убивенных за слово бояние». Этот «жертвенник» есть нечто иное, как созвездие Жертвенника или Колодца, который в древней астрологии рассматривался в качестве входа в ад и камня, закрывающего этот вход, и который астрально принадлежал к Стрельцу, а иногда и рисовался рядом с ним (изобр. его см. у Морозова—«Христос», стр. 80). Следовательно, Стрелец стоит у апокалиптика на пятом месте и соответствует пятой печати (не первой, как думает Морозов). Итак, Болл—прав.

Ту же самую картину мы видим в другом месте апокалипсиса, в гл. IX. Дело в том, —о чем мы еще скажем дальше,—апокалиптик семь лет бедствий и соответствующих им созвездий выводит в своей книге не раз и под разными видами. Так, исчерпав все «семь» печатей—созвездий и годов бедствий, он сразу же и снова начинает рисовать их, но уже под видом «семи» ангелов с трубами. При трубном звуке каждого из этих семи ангелов, т. е. всех тех же созвездий и годов, наступает то или иное бедствие. И вот, вся IX глава занята такой картиной: трубят пятый ангел, с неба падает звезда, коей дан ключ от «кладезя (колодца) бездны»; она открывает им этот кладезь, откуда выходит дым, а из дыма—саранча, поражающая не траву и вообще не зелень, а только людей. Саранча эта не убивает, а только мучит людей, при чем «мучение от нее подобно мучению от Скорпиона, когда ужалил человека». «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну, а на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее—как лица человеческие. И волосы у ней—как волосы у женщин, а зубы у ней были как у львов. Груды у ней были, как брони — железные¹⁷⁾, а шум от крыльев ее—как стук от колесниц... У ней были хвосты, как у скорпионов, и в хвостах жала; власть же ее была—вредить людям пять месяцев. Царем над собою имела она ангела бездны; имя ему по-еврейски Авaddon, а по-гречески Аполлион» («Губитель»).

Что это за странная саранча, по виду похожая на коня, с лицом человека, с вепом на голове, с железными волосами, с грудью как брони,

¹⁷⁾ Именно так надо переводить это место, а не: „на ней были брони, как бы брони железные“. В греч. подлиннике здесь игра слов, основанная на двойном смысле слова „торак“ (thorax): „броня, панцырь“ и „грудь, грудная клетка“.

крылатая, с хвостом и жалом скорпиона, мучающая только людей и то пять месяцев, царем над собою имеющая ангела бездны—Аваддона или Аполлиона и выходящая из дыма от кладезя бездны, при трубном звуке «пятого» ангела бедствий?

Только и только «пятое», по счету со Льва, созвездие Стрельца.

Действительно, кто хоть раз видел древние, вавилонские и греко-египетские, изображения зодиакального Стрельца, тому апокалиптическая «саранча» ясна и понятна. Стрелец всегда изображался в виде странного, смешанного существа. Основной его признак—туловище коня, а вместо лошадиной головы—вся верхняя половина человека; отсюда у апокалиптики саранча «подобна коням», «лица же ее—как лица человеческие»; такой вид получеловека, полуконя (кентавр) Стрелец до сих пор имеет на звездных картах. На голове у «саранчи»—**«как бы венцы»**. На вавилонских и греко-египетских изображениях Стрелец, действительно, носит на голове шалку или «двойную корону, венец»; он же, — как мы уже отмечали,—назывался «венценосным». На позднейших картах «венец» изображали под передней ногой Стрельца, так как, по-греческому мифу, он, играя, уронил его с головы. «Грудь—как брони железные». Стрелец иногда изображался в броне. «Хвосты (у саранчи), как у скорпионов, и в хвостах ее были жала»: у Стрельца на памятниках—хвост скорпиона с жалом. «Волосы у ней—как волосы у жепшин»: Стрельца изображали с длинными волосами, по самые плечи, и даже смахивающим на женщину. Царем саранчи выводится Аполлион («губитель»): игра слов с намеком на «сребролукого» Аполлона—«губителя». Иаконец, «крылья» саранчи тоже находим у крылатого Стрельца.

Как видим, сомненья нет: «пятый» ангел, дождепестроавший, по нашему расчету, соответствовать Стрельцу, и выводит Стрельца под видом странной саранчи, идею какой-то и некоторые детали (напр., «зубы, как у львов», стук колесниц, множественное число, и пр.) апокалиптик почерпнул из книги пророка Иоиля (I, 6 и II).

Но, почему эта саранча выходит из «дыма из кладезя бездны»? Потому что, как мы не раз отмечали,—со Стрельцем астрально связало и рядом с ним выводится созвездие «дымящегося» Жертовника, которое называлось также «Кладезем, колодцем», и в котором видели вход в преисподнюю, в ад, в апокалиптическую «бездну» (в астр. текстах стоит «puteus sive saccharius», т. е., «Колодец или Жертовник») ¹⁸⁾.

Итак, под «пятым» ангелом бедствий апокалиптик изображает опять-таки Стрельца, или: Стрельцу он отводит пятое место и созвездие в своей семизначной схеме. Значит, под первым всадником на белом коне нельзя понимать Стрельца, а должно понимать только Льва. Болл опять прав, Морозов же в апокалиптическом описании звездного Стрельца усмотрел... «картину взволнованного грозой моря» (см. Откр., IX гл.).

¹⁸⁾ Апокалиптик отводит саранче власть мучить людей «пять» месяцев. Это число «пять» совсем не вяжется с числовой символикой автора и многим исследователям кажется подозрительным. Повидимому, здесь неудачное «исправление» текста, ибо в подлиннике должно было бы стоять или «четыре», или «три». Если оставить число «пять», его можно объяснить тем, что автор указывал на пятимесячную продолжительность зловердного действия «саранчи», пристегивая предыдущее созвездие Скорпиона, с коим Стрелец некогда составлял одно созвездие и к коему частично относился созвездие Жертовника. От Скорпиона до конца зодиака — «пять» созвездий и, значит, пять месяцев, т. к. каждое созвездие обычно соответствовало одному месяцу. Саранча имеет власть мучить «пять месяцев», т. е. с месяца Скорпиона до конца года. Почему автор отпел «саранчу» к Стрельцу, т. е. к пятому созвездию и ангелу, а не к Скорпиону, т. е. к четвертому? Потому что все четыре первые созвездия он отвел под поражения 1) земли, 2) моря, 3) рек и водных источников, 4) неба в лице его светил.

Есть ли в апокалипсисе прямые, явные намеки на то, что автор счет свой вел со Льва и что является первый всадник, именно Лев (а не Стрелец)?

Есть.

На этого Льва намекает он в V, 5, словами «вот, **лев** от колена Иудина, корень Давидов, **победил**, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее». В древне-еврейском зодиаке Лев—как раз созвездие Иуды, из колена коего вывели Давида и откуда ждали мессию, Христа, другим символом коего у апокалиптика (и вообще) является «агнец». Потому-то он сразу после слов о «льве» переходит в стихе 6 к агнцу, а в гл. VI рисует последнего снимающим печати, первая из коих и влечет за собою выступление первого всадника—созвездие и год Льва (ср. также XXII, 16 и XIX, 11 ст.).

Итак, и здесь мы находим подтверждение, что апокалиптик вел свой счет с созвездия (и года) Льва и что под последним надвигит принимать первого всадника. Отметим еще одно маленькое подтверждение этого: в VII гл. перечисление двенадцати колен израильтяных, соответствующих двенадцати знакам зодиака, он начинает с колена Иуды. Льва и тем насытит обычный счет их с Рувима, Симеона и т. д. (ср. «Бытие», 49, 8—10).

Четыре апокалиптических всадника—созвездия и годы Льва, Девы, Весов и Скорпиона, стоящие в связи с четырьмя первыми из семи печатей таинственной книги судеб мира.

ж) Числовая символика апокалипсиса.

Может быть, кто-либо заинтересуется и спросит: почему здесь у апокалиптика фигурируют числа—«четыре» и «семь», ни больше, ни меньше? Поэтому мы сделаем маленькое отступление в сторону и скажем несколько слов об апокалиптических числах.

Всякий, кто хоть раз читал апокалипсисе, конечно, заметил, что там всюду, при том в качестве основного числа фигурирует «семь»: семь печатей, семь ангелов с трубами, семь ангелов с чашами бедствий и т. д. Отсюда ясно, что это число у апокалиптика всюду носит таинственный, символический характер, и это не произвол и не прихоть или вкус его, а отражение той числовой и прочей мистики, символик, которая господствовала в древности и которая самым священным и самым таинственным числом считала именно число «семь», а затем — числа, его составляющие и от него производные.

Желая нарисовать картину того, что должно предшествовать концу света и пришествию Христа, мессии, он изображает семь последних (из двенадцати) годов бедствий, стоящих под знаками семи зодиакальных созвездий, считаемых со Льва. Их он выводит под видом сменяющихся друг друга бедствий при снятии семи печатей, при трубных звуках и чашах семи ангелов. Эти семь лет бедствий (с года Льва) он делит пополам, откуда получаются фигурирующие в апокалипсисе, казалось бы, странные числа: $3\frac{1}{2}$ года—42 месяца—1260 дней (и стадий). Что давало ему право или толкало на такое деление? Все та же мистика и символика числа «семь», так как $3\frac{1}{2}$ составляют, опять-таки, «семь» половин, полугодий. Но это еще не все: считали, что великое отражение в малом и, наоборот, малое в великом, почему одному и тому же числу могли придавать разное значение. В отношении времени, например, число семь могло означать семь мировых эпох, семь годов, семь месяцев, семь дней и даже семь часов. Или: двенадцать мировых эпох, двенадцать годов двенадцатилетки, двенадцать месяцев, двенадцать (двойных) часов.

Эти элементы числовой и временной мистики мы тоже находим в апокалипсисе в указаниях: как на месяцы, так на дни (например, $3\frac{1}{2}$ дня в XI, 9—11) и часы. Они же в словах о четырех ангелах, «приготовленных на час и день, и месяц, и год» (IX, 15), а также в том, что семь годов бедствий связаны с семью зодиакальными знаками, соответствующими обычно месяцам, а не годам. Это сопоставление символика единиц времени с зодиакальными созвездиями подводит нас теперь к вопросу о последних.

В апокалипсисе семь годов бедствий—семь созвездий. Эти семь созвездий автор делит на две части: на четыре и три, так как это тоже были священные числа, как составные числа семи, и так как семь созвездий нельзя разделить пополам.

Первые четыре созвездия с их годами мы уже знаем,— это Лев, Дева, Весы и Скорпион,—четыре апокалиптических всадника, первые четыре ангела с трубами и первые четыре ангела с чашами бедствий. Что же касается трех остальных созвездий и годов, то вопрос о них за недостатком места мы оставляем пока открытым и решение его дадим в нашем, подготовляемом к печати, исследовании всего апокалипсиса...

з) Четыре апокалиптических коня—четыре ветра.

Итак, апокалиптически всадники являются символическим изображением четырех созвездий: Льва, Девы, Весов и Скорпиона, и управляемых ими четырех из семи годов бедствий, предшествующих, вместе с остальными тремя такими же годами концу света и пришествию Христа. Их разномастные кони—символы четырех ветров, заимствованные апокалиптиком из ветхозаветной книги пророка Захарии и стоящие в связи с этими созвездиями и годами.

Остановимся теперь на одном моменте, коего до сих пор не касались, а именно: на их цветах или мастях. Напомним, что первый всадник сидит на белом коне, второй—на красном, третий—на черном или темном, четвертый—на желтом или мертвенно-бледном.

Почему у коней именно эти масти и при том у всех различные?

Обращаемся к источнику апокалиптики—к Захарии, который говорит о конях в двух местах своей книги. В I, 8, читаем у него следующее:

«Видел и почю, вот, муж на рыжем (красном) коне... а позади его кони рыжие, пегие и белые... Это—те, которых господь послал обойти землю».

В VI, 1—8 имеем несколько иную картину:

«Взвжу: вот, четыре колесницы выходят... В первой колеснице кони рыжие (красные), а во второй колеснице—кони вороные (черные, темные), в третьей колеснице кони белые, а в четвертой колеснице кони пегие, сильные... Это выходят четыре ветра (в русской библии исправительно—«духа») небесных, которые предстоят пред господом всей земли. Вороные кони там выходят к стране северной, и белые идут за ними, а пегие идут к стране полуденной (т.е. южной)».

Картина—ясна: четыре группы разномастных коней символизируют четыре ветра четырех стран света, при чем черные—воронные кони соответствуют ветру с севера, пегие—ветру с юга; на долю белых и рыжих—красных коней—ветров приходится запад и восток или наоборот. Перед нами здесь один из типичных примеров древней символика, связанной с цветами: четырем странам света и дующим оттуда ветрам приписаны четыре разных цвета: черный, белый, красный и пестрый—пегий, а так как ветры образно представлялись в виде коней (очевидно, намек на быстроту), то эти кони и получили соответствующие цвета или масти.

Итак, у Захарии под видом разномастных коней изображены четыре главных ветра, дующих с четырех главных стран света, каждому из коих приписывается особый цвет.

Апокалиптик воспользовался этой символикой, упростил ее и несколько видоизменил, например, отбросил колесницы, каждую группу одномастных коней заменил (может быть, по примеру Захарии, I, 8) одним верховым конем, а также в одном случае изменил цвет или масть. В результате у него получились четыре верховых коня, каждый особой масти,— символы или образы четырех главных ветров четырех стран света.

В одном только случае он,— как мы сказали,— заменил цвет: вместо пестро-пегого ввел желтый или мертвенно-бледный. Это объясняется тем, что в разных местах, у разных народов и в разное время, а иногда и просто разными астрологами, странам света приписывались различные цвета. При чем мы наблюдаем любопытную картину: белый, красный и черный цвета фигурируют всегда, четвертый же цвет колеблется,— он то пестро-пегий, то желтый или бледный. Например, у греческого астролога II века нашей эры (как раз эпоха написания апокалипсиса!), Антиоха из Афин для четырех стран света даются такие цвета: белый, красный, черный и желтый¹⁹⁾. Как раз цвета-масти апокалиптических коней!

Коня эти,— скажем еще раз,— символы или образы четырех ветров четырех стран света. Они же, т.-е. эти ветры,— отметим теперь,— указываются в апокалипсисе также в начале VII главы («коня» в VI гл.), в словах:

«Видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли (т.-е. странах света), держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево».

Если мы припомним теперь, что астрологическая «двенадцатилетка» связывала судьбы того или иного года с главным ветром и соответствующим году созвездием, а также вспомним, кого мы нашли под всадниками на разномастных конях, и резюмируем все это, то получим следующее:

Четыре апокалиптических коня и всадника являются символами-образами четырех годин бедствий, связанных (годин) с зодикальными созвездиями Льва, Девы, Весов, Скорпиона и с четырьмя ветрами четырех главных стран света.

Так решается одна из наиболее сложных апокалиптических загадок. Возвращаясь теперь к Н. Морозову, следует сказать, что если даже допустить самый крайний случай, что он прав, видя в «конях» VI главы—планеты: Юпитера, Марса, Меркурия и Сатурна, то даже в этом случае дело не изменится, ибо в древней астрологии четыре страны света были связаны также с четырьмя планетами и как раз с теми, кои он находит. А. Иеремияс, например, приводит вавилонский астрологический текст, из коего следует, что приписывали: белому Юпитеру—восток, красному Марсу—юг, черному Сатурну—север и желтому или зеленому Меркурию—запад.

Все—наши цвета-масти и страны света!

Больше того, есть много оснований думать, что самые цвета четырех стран были даны именно по символическим цветам этих пла-

¹⁹⁾ Насколько такая символика цветов была распространена, показывает тот факт, что, не говоря уже о странах классического Востока и древних Греции и Рима, в Китае, напр., до сих пор еще чтутся боги четырех стран света (востока, запада, севера и юга), при чем каждой из них приписывается особый цвет. Даже в древней Мексике поклонялись четырем богам четырех ветров четырех стран света, при чем каждый из этих богов имел свой особый цвет и управлял определенным рядом лет.

нет, кои, или влияние коих астрологами искусственно были распределены между этими странами, так что и в этом случае Морозов не имеет никакого права видеть факт исторической действительности, т. е. описанные наблюдения этих планет 30 сентября 395 г., там, где мы имеем только и только астрологическую символику. Мы не говорим уже здесь о «черном» Сатурне и «желто-зеленом» Меркурии, противоположных его «черному» Меркурию и «желтому-бледному» Сатурну и тоже срывающих его вычисления.

Если ко всему этому присоединить все то, что мы видели раньше, при разборе изъяснения Морозовым текста и самих четырех апокалиптических коней с их всадниками, каковое изъяснение, само по себе, как мы видели, оказалось шатким и в основе неприемлемым, то наш общий итог или вывод по вопросу о его втором и самом главном доводе, основанном на VI главе апокалипсиса, таков:

Довод этот построен на песке и не подтверждается, не оправдывается при проверке и исследовании.

Отсюда сам собой вытекает и самый общий вывод о «точно установленном (Н. Морозовым) годе написания книги», т. е. апокалипсиса. Мы рассмотрели два главных довода или основания Морозова касательно даты написания апокалипсиса, оба они оказались неприемлемыми, не оправдали себя при проверке. **Иных доводов—нет**, а всё, что он приводит еще,—все это, так или иначе, базируется на тех двух.

Следовательно, отпадает устанавливаемая им дата—30 сент. 395 г.: отпадает и Иоанн Златоуст, как автор апокалипсиса.

Если ко всему тому учесть упоминания раннехристианской литературы об этой книге, а на них нельзя так просто ставить крест одним словечком—«подделка», то книгу нужно водворить на ее прежнее место, т. е. в конец I или первую половину II века, и здесь, в социальных условиях этой именно эпохи, искать точной даты, автора и ключа к ее содержанию.

Теперь—несколько заключительных замечаний.

В своем разборе «Откровения в грозе и буре» (и соотв. части «Христа») Морозова мы взяли только его главную, астрономическую и астрологическую часть, с нею мы оперировали и ею ограничились. Мы сознательно, дабы не усложнять вопроса, обошли остальные вопросы или стороны книги, например, чисто-историческую и метеорологическую, занимающую в ней так много места и на 99% совершенно произвольную. маленький пример чего мы видели в апокалиптическом описании звездного Стрельца, в косм Морозов усмотрел «картину взволнованного грозю моря».

Наконец, мы ничего не говорили ни о целостности апокалипсиса, ни о его переработках или искажениях, не вскрывали имеющихся там намеков на современные автору исторические события, не касались вообще социальной подкладки книги. Почти полным молчанием обошли мы также вопрос о заимствованиях автором из ветхозаветных книг, особенно—из пророков, а из них он черпал материал целыми пригорницами. Правда, Морозов считает их, как и многое другое, продуктами V, VI и др. веков нашей эры, т. е. написанными после апокалипсиса, но пока он не привел иных доводов, чем в своих «Пророках» и «Христе», а они у него здесь куда слабее, чем в «Откровении», мы остаемся при старом мнении, т. е. что книги эти доапокалиптического происхождения.

Еще несколько слов о «математике неба» и о «Пулковской обсерватории».

Первой мы касаться не будем, так как, насколько нам известно, существует только «земная» математика, но на нее мы посягать не думали, с чем, очевидно, согласен и наш критик, ратуя только за «небес-

ную». Не думали мы отрицать и правоты проверочных вычислений Пулковской обсерватории, вернее астрономов Каменского и Ляпина (см. Приложение I в конце «Откровения»); даже больше: зная Морозова, как математика, мы поверили ему его касательно безошибочности вычислений и без Пулково.

Но неудачи наш критик не соотнобщает того, что роль Пулково здесь была чисто техническая, сводясь к простой лишь проверке сделанных самим Морозовым вычислений, — проверке, на случай возможных ошибок в его сложных вычислениях.

И только!

Вот, если бы Пулково, в свою очередь, тоже доказало или подтвердило, что Морозов правильно истолковал XII и VI главы апокалипсиса, тогда было бы иное дело. Оно этого до сих пор еще не сделало, а мы боимся, что и вообще то не сделает.

III. Финал суда или поменяемся ролями.

Наша самозащита продолжалась достаточно долго, насколько она убедительна, судить не нам; имели ли мы право быть «даже несогласными с последним исследованием этого вопроса (об апокалипсисе. P.) Н. А. Морозовым, в котором точно установлен год написания книги», тоже судить не нам, но признаемся, что порядком устали сидеть на скамье подсудимых и не пора ли нам с «критиком» поменяться ролями и местами: судить теперь будем мы его, а он пусть сидит на наше место, да, кстати, покажем, как и обещали, его «мгодки».

После вручения нам обвинительного акта и после заключительных словечек остальных цветы, Б. Гласко пишет так:

«13-я глава «откровения» или правильнее—«открытие истины» Иоанну Златоусту или Златоусту в 395-м году нашей эры 30 сентября—просто плохой перевод с греческого подлинника, проверенного (поверхностно) Н. А. Морозовым и др. и точно исползованного нами в тексте (а не в переводах!). Вообще все это «открытие истины в грозе и буре» на острове Патмосе—зашифрованная эзоповская картина современной Иоанну Златоусту Константинопольской Восточной Римской империи, т. е. империи 395 года (т. е. через 30 лет после казни Василия Великого и заключает, как и всякий миф, три стороны»...

Наш первый пункт обвинения по адресу нашего «критика»: распространение ложных сведений, подрывающих устои истории и исторической критики,—а также ненужное впутывание в свое дело совершенно посторонних и не причастных к нему лиц, в данном случае: Иоанна Златоуста и Василия Великого.

Смягчающим вину обстоятельством отмечаем здесь же—слепое, рабское следование «Откровению в грозе и буре» и «Христу» Н. Морозова.

Итак, апокалипсис:

«заключает, как и всякий миф, три стороны:

1) природную—факт внешней природы—материи, в данном случае, грозу и слабость человека, отделенного на острове от жизни других людей и силу его самознания»...

Второй и третий пункт обвинения: утверждая, что «всякий» миф содержит в себе сторону «природную—факт внешней природы—материи», автор распространяет ложные сведения по мифологии. Последняя знает много мифов без этой «природной стороны», например, миф о рождении Афины—Паллады из головы Зевса, мифы об войнах, основаниях городов, рождениях мифических родоначальников, предков и мн. др. Распространение ложных сведений по исторической географии, ибо остров Патмос,—а его имеет в виду автор,—в первые века нашей

эры был густо населен, так что на нем, при всем желании, отделить «от жизни других людей», было невозможно. При чем тут еще сила самосознания—не понимаем, но это, очевидно, в силу отсутствия у нас «силы самознания».

Дальше!

«2) историческую—факт исторический,—в данном случае классовую борьбу ариана и оригенистов, к коим принадлежит, к этой религии рабов-земледельцев и пролетариев-ремесленников, Иоанн Христом и принадлежал Василий Великий (Великий царь Иудейский), т.-е. в эпоху реформации в Азии вождь восставших крестьян и беглых рабов»...

Все это в качестве добавочного и частью нового, отыгчающего вину, материала целиком должно быть присоединено к нашему первому пункту обвинения.

Что оригенисты IV века состояли из рабов—земледельцев и пролетариев-ремесленников,—это еще на воде вилами писано.

Работы В. Рожицына и др. (см., напр., его «Золотую Легенду») показывают и документально доказывают, что христианство первых веков (и дальше) было религией не бедноты, а, наоборот, богатых; не «рабов-земледельцев», а рабовладельцев.

Один вопрос нашему критику: для кого «Иоанн Златоуст» писал свою «эзоповскую картину», т.-е. апокалипсис? Для рабов-земледельцев и пролетариев-ремесленников? Могли бы понять они его книгу, перенасыщенную сложнейшей астрологической и т. п. символикой?.

Дальше!

«3) социологическую—жизнеченную часть—противопоставление классов империи (зверя), торгового капитала (дракона) и проститутки—церкви николаитов (или Николай Миряликпийского, так-назв. Николай Угодника, ударившего Ариа на соборе «в морду»),—противопоставление этому миру: 1) природы и 2) жизни, согласной с законами природы—трудовой община галилея в Малой Азии и других последователей Истиян, Иегошуа—Иисуса, вообще трудящихся.

Не надо забывать, что дело происходит во время реформации».

Все это тоже должно быть целиком присоединено к нашему первому пункту. Для тех, кто не читал «Христа» Морозова, а наш «критик» проводит здесь взгляды именно его, скажем для пояснения его 2 и 3 параграфов, что, по Морозову, христиане IV века делились на три враждебные группировки: ариана, николаитов и оригенистов-астрологов, при чем господствующей партией были николаиты, заключившие союз с императорской властью. К оригенистам же принадлежали как Иоанн Златоуст—автор апокалипсиса, так и Василий Великий, он-же «Великий царь Иудейский», он же евангельский Иисус христос. Таковы взгляды Морозова, проводимые им в «Христе» и защищаемые здесь нашим «критиком».

Последний двумя этими параграфами, очевидно, хочет нас вызвать теперь на критику всего семитомного «Христа» (пока вышел только I том), как одной фразкой он вынудил нас на критику «Откровения». На этот раз его номер не пройдет: с нас довольно и «Откровения»: больше того, рискуя дать новый материал для обвинения нас в консерватизме, утверждаем и каемся, что остаемся при старом мнении, а именно, что никакого евангельского Иисуса христа никогда не существовало в действительности: ни в I веке нашей эры, куда его относят церковники; ни, тем паче, в IV веке, куда относят его Морозов и наш «критик».

Затем, сопоставляя все эти три абзаца с их примерами, мы видим одно: у нашего критика плохо, очень плохо обстоит дело с познаниями по части мифологии, истории и социологии. Не знаем, почему-то у нас

при чтении этих посланий сама собой выплыла в памяти поговорка: «Слышала зvon, да не знает, где он».

Наконец, мы выставляем четвертый пункт обвинения по адресу нашего критика: обвиняем его в диффамации, сиречь (да, простит нам А. Логинов подражание ему!), — сиречь, в клевете в печати на Николая «угодника». Критик пишет, что этот Николай на соборе ударил Ария «в морду» (термин самого критика).

Мы категорически утверждаем, что это — диффамация, клевета, подрыв «доброе имени» Николая.

Никакой пощечины Арию Николай никогда не давал, при чем это столь общеизвестно, что не к лицу нашему «критику» повторять о ней бабушкины сказки и опораживать, да еще в печати, имя названного «угодника». Мы бы посоветывали нашему «критику» заглянуть, хотя бы, в книжку А. Мальвера — «Наука и Религия» (Ленгиз, 1923 г.), где, на стр. 165, он нашел бы такое замечание редактора ее — Д. Святского, (а последнего мы знаем, как исследователя, не словоблудящего, не пустословящего):

«Известно, напр., что знаменитая пощечина, которую, якобы, Николай нанес Арию на 1-м вселенском соборе, за что его временно лишили архиерейства, так культуривуемая «житиями святых» (и слено им верящими Р.), просто-на-просто выдумка, так как в найденных списках отцов 1-го собора никакого Николая Мирликийского не оказалось».

Однако, быть может, наша ссылка на Д. Святского для критика недостаточна и надо привести еще что-либо.

Хорошо. Берем со своей полки лучшее и самое последнее исследование о Николае «угоднике», принадлежащее проф. Густаву Априху, под загл. «Святой Николай. Св. Николай в греческой церкви»²⁰).

В двух огромных томах его (I=464, из них около 450 стр. — греческие тексты «жития» Н—я; II=592 стр. — самое исследование) он разбирает около сотни древнейших, основных списков «жития» Николая, проследживает, из чего, как и почему стряпалось его «житие», фигурирующее в современных «житиях святых», а затем показывает, что мы знаем надежного об этом «святом».

И вот, этот Априх о бытии Николая на Никейском соборе, а, значит, и о возможности пощечины Арию, при разборе текстов «жития» пишет следующее:

«Также в двух греческих (XIII в.) и в одном арабском списках отцов Никейского собора рядом с Евбулом, **наковой в первоначальных списках их стоял в качестве единственного ликийского епископа**, фигурирует Николай из Миры, между тем, как в коптском, сирийском и армянском списках (т.-е. древнейших. Р.) имя этого Николая отсутствует, — несомненное доказательство того, что это имя прибавлено, вставлено позднее».

В древнейших, основных списках «отцов» — участников Никейского собора, на коем судили Ария, имени Николая из Миры Ликийской нет; следовательно, он на нем не был, а, значит, не мог и заниматься там мордобойством.

Имеем мы право обвинять нашего критика в клевете на Николая?

Может быть, ему будет небесполезно узнать также (ведь, это пригодится для его «николаитов»), что вообще историческая наука знает об этом Николае? Поможем ему и приведем основной, заключительный вывод Априха по этому вопросу.

«Резюмируя все, — пишет Априх, — должно сказать, что с Николаем дело обстоит точно так же, как с личностями других великих народных святых: Феодора, Дими-

²⁰) G. Anrich — „Dez heilige Nikolaos. I—II; 1913—1917 г. г.

триа, Георгия, т.-е. что первоначальную историю и личность его оупутывает неприемлемый мрак. Отрывать на этом основании историчность этого Мирликийского епископа было бы методической ошибкой. Возможно, что какой-то епископ с этим именем существовал; возможно, что он имел даже на своей родине большое значение. Возможно также, что в декабре было дело его смерти или погребения. Все это—возможности, за коими можно даже признать некоторую долю вероятности, правдоподобия. Большого сказать нельзя.

«Гляди в корень!» — говорил Кузьма Прутков. Заглянем и мы в «корень».

Раз Аврих, верный сын церкви, шипит это о Николае после своего painstakingейшего исследования о нем, раз он за бытием этого «святого» признает одни только «возможности», то нам, блудному сыну церкви и не имеющему никакого намерения вернуться на ее «дно», можно и дозволительно сделать «методическую ошибку», поставить не поставленную Аврихом точку над «и» и сказать:

Святитель, чудотворец и епископ Николай Мирликийский никогда в действительности не существовал, личность мифическая, вымышленная, подобно массе других христианских «святых». «Жития» коих приписываются своим пасомым баранам, овечкам и яже с ними за «святую истину», а эти последние им в этом слезно верят.

Говорят: «ударь раз, ударь два, но не бей до бесчувствия!» Можно было клеветнически приписать Николаю земное бытие; можно было клеветнически выставить его епископом, святым и чудотворцем, но клеветнически аттестовать его еще и мордобойцей.—это уж слишком,—это значит: «бить до бесчувствия!»

Итак, наш «критик», так много кричащий о подделках летописников и переводов «папскими отцами церкви», «невежественными церковниками» и «оттадчиками», оказался сам же провинившимся ими за нос и чем же? Воимся, что обычными «Житиями святых» за месяц декабря, число 6-е.

После своего экскурса в область сущности реформации критик возвращается к злополучному апокалипсису и шипит:

«Никакой загадки это «открытие петинье» ни в одном месте не содержит, пока нет непонимания текста. Впрочем, загадки всегда бываюи, как и боги (?), только от непонимания. Не касаясь поверхностного в исторической части перевода И. А. Морозова, который, как биолог, увлекся астрономической частью книги Иоанна Хриостома, и откинув совершенно всякие предположения автора настоящей заметки (чей заметки: нашей или самого пишущего? Р.), основанные на церковных толкованиях и добавлениях, напр., что эта книга должна содержать какое-то иное пророчество, кроме указания на неизбежность политического переворота в империи 395 года, т.-е. на реформацию—падение феодализма и угрозы падения особенно-подчиненных варваров, т.-е. наших ограбленных Римом и Византией предков—славян и германцев, т.-е. так-назыв. Великого переселения народов, или что под числом 666 должно скрываться имя непременно современного автору какого-то «особенно жестокого» императора и пр. и пр.—откинув все это, глава XIV в русском (?) переводе с подлинника вкратце может быть изложена так»...

Период по размеру—цицероновский (мы внесли только стоящие в скобках шесть слов и три вопр. знака), немудрено, что сам автор его, наконец, дописался до безграмотности («откинув все это, глава»). Попробуем разобраться в нем.

Итак, «никакой загадки... ни в одном месте (апокалипсис) не содержит, пока нет непонимания текста». Натурально, и мы под этим подписываемся обоими руками, по... Но понимаем ли весь текст его наш критик? В этом мы глубоко и искренно сомневаемся, особенно после того, как увидели, что он находит в нем указания на «неизбежность политического переворота в империи 395 года, т.-е. на реформацию—падение феодализма».

Один конец нашему критику, так следу идущему за «Откровением» и Христом — увлекшегося астрономией биолога — Н. Морозова: как он объясняет себе предельное падение феодализма и развитие капитализма в Римской империи IV века нашей эры (мы не говорим уже о других веках), когда увлекшийся астрономией биолог Морозов I век этой эры отводит каменному веку, а II и III века — эпохе бронзы и железа (XXI в. — героическому проникновению человечества за атмосферные пространства)?

Как с этими утверждениями Морозова мирится и вяжется история и социология (без кавычек) «критика»?

В последних словах автор собирается дать нам главу XIV апокалипсиса в своем переводе с подлинника, при чем уклоняется всё же, от перевода, **а он то и был нам здесь нужен**, и переходит к краткому изложению ее.

Мы не будем приводить всего «изложения» XIII главы (не XIV!) критиком, так как это заняло бы слишком много места, тем более, что пришлось бы давать и свой перевод всей этой главы. — большой по размеру. Желающих познакомиться с этим изложением «в переводе с подлинника» мы отсылаем к самой статье критика и предлагаем сопоставить ее, хотя бы, с обычным переводом в русской библии, тем более, что в ней, в данном месте, перевод вполне добросовестный.

Отметив, что в самом же начале своего изложения главы критик выводит на сцену **отсутствующую** в подлиннике «тучу», посмотрим, как у него эта «затученная» глава кончается.

«Монополия обмена в руках капитала и Империи. В этом секрет богатства.

А хитрость государства в том, что число войска императора мерится податными рублями, идущими на содержание войска. Считя это число и все понятно: подати дают на войско 666 миллионов сестерции, заплаченные земледельцу провинций за хлеб за бесценко и отданные для нужд императору.

Ср. Глава 6:

Кварты пшеницы за рабочий день или три кварта ячменя за рабочий день!

Смысл миллионов сестерции ясен! Очевидно из текста, никакое имя «императора» здесь не при чем».

Так излагает он следующие слова апокалипсиса:

«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их, или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это **начертание, или имя зверя, или число имени его**. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя: ибо это число человеческое. Число его шестидесять шесть» (в подлиннике стоит собственно три греческих буквы — цифры: «х-кс-з»=666).

Оставляя в стороне указание на монополию в отношении купли и продажи, что давным-давно было известно и без нашего пересказчика, мы напрягаем все свое зрение и пр., чтобы найти в тексте «ясный смысл» «сестерции (римск. монета), заплаченных земледельцу провинций за хлеб за бесценко и отданные для нужд императору». Откуда переводчик с подлинника вычитал их? Как он объясняет себе «начертание, или имя зверя, или число имени его», тем более, что «число зверя» — «число человеческое»?

Предыдущие «тонкие исследователи», а мы за ними считали, что выводимый в этой главе «зверь» (заимствованный из книги Даниила), есть образ Римской империи и правящего императора, как ее представителя или заместителя, и что под числом «666» автор скрыл, зашифровал имя и звание императора. Расшифровать это «666» значит найти имя этого императора и, таким образом, установить время написания книги.

Что заставило и заставляет нас видеть в «666» скрытое именован-
ние императора?

Рядом стояли слова: «начертание, или имя зверя, или число имени его», к коим должно присоединить также «поклонение образу зверя», т. е. по нашему, статуе императора, как божества, и как символа империи-угнетательницы! Указания на «начертание» и на это поклонение встречаются и дальше, в XIV, 10, в словах: «не будут иметь покоя... поклоняющиеся зверю и образу его и приносящие **начертание имени его**», а также в XVI, 2; XIX, 20; XX, 4. А что здесь под зверем имеется в виду император,—это ясно видно из XVII, 7—17, где, например, говорится: «зверь который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель (11), ключ к чему дается в предыдущем стихе: «семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и, когда придет, недолго ему быть» (10).

Следовательно, «число зверя», или «число имени его», или «начертание имени» его, есть намек на имя и звание императора и сестерции (почему не динарий? Ср. VI), о коих ни слова, ни намека в тексте. Здесь не при чем. Мы не говорим уже о том, что трудно представить себе, что бы поклонивши зверя, сторонники империи или императора, разгуливали по базарам и рынкам с изображением на лбу или на руке числа, цифры... податей—666 миллионов сестерций, якобы, уплачиваемых провинциалам за хлеб и отдаваемых императору.

Критик замечает при этом, что хлеб у провинциалов покупался «за бесценок», при чем ссылается на слова VI главы: «кварта пшеницы за рабочий день или три кварты ячменя за рабочий день», т. е., правильнее: «хитикс пшеницы за динарий (около 15 к.), и три хитикса ячменя за динарий; елей же и вина не повреждай» (ст. 6). Что он умалчивает о «леповреждениях» елей-масла и вина,—это поистине. Но зачем ему было видеть дешезизну, «бесценок» там, где, наоборот, была дороговизна? Обычная цена пшеницы была $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ динария за хитикс-кварту, а если за хитикс провинциалам платили целый динарий, то, значит, им платили в восемь или двенадцать раз дороже обычной продажной цены. Это—«бесценок»?

Лукаво мудрствует наш критик и все это он называет «точным использованием XIII главы апокалипсиса в тексте (а не в переводах!»).

Этим горе-критик кончает свою «критику» нашей злополучной статьи о «666». Чего он не сделал? Он обошел гробовым молчанием, не обмолвился ни одним словечком о том, что дату написания апокалипсиса и ключ к его содержанию мы видим в конце правления Траяна, в тогдашних социальных моментах, особенно—в страшном и неудачном восстании евреев против своих поработителей,—против римлян и их империи,—«царства зверя». Эти социальные моменты мы вскрывали, намеки на них мы находили и отмечали в апокалипсисе и на этом мы базировались. **Все это, наше главное, основное критик обошел молчанием, не опроверг.**

Приведем теперь его последние, заключительные слова. Отметив, что «смысл миллионов сестерций ясен» и что имя «императора» здесь не при чем, он заканчивает свою «критику» так:

«Хочу обратить внимание редакции на то, что вообще «догадки» не социологического и вообще научного характера, предназначенные для послеобеденного чтения мирных буржуа и написанные тоже мирными и **не слишком смелыми** исследователями, кажутся, являясь в наше время алахропизмом, ибо мы пережили уже эпоху реформаций со всеми ее чудесами».

Мы и на этот раз не изменим своего характера, т.-е. будем «не слишком смелыми», а просто приведем невольно вспомнившиеся нам при чтении статьи нашего критика, «такого» адента, последователя и ритоворца Н. Морозова, когда-то написанное последним стихотворение

«Мой адент, вот рецепт звучного искусства:
Нужно нам мысли грамм, да поддрахмы чувства,
А потом хоть ведром, или всею бадью,
Через край доливай чистою водою.
За твой труд воздадут кто венком, кто розой,
И с тех пор мелок ведор и стихом и прозой»²⁴⁾.

²⁴⁾ Во время печатания статьи вышел II том «Христа» Н. Морозова, где он каких-либо новых доводов относительно своего понимания никак не приводит.